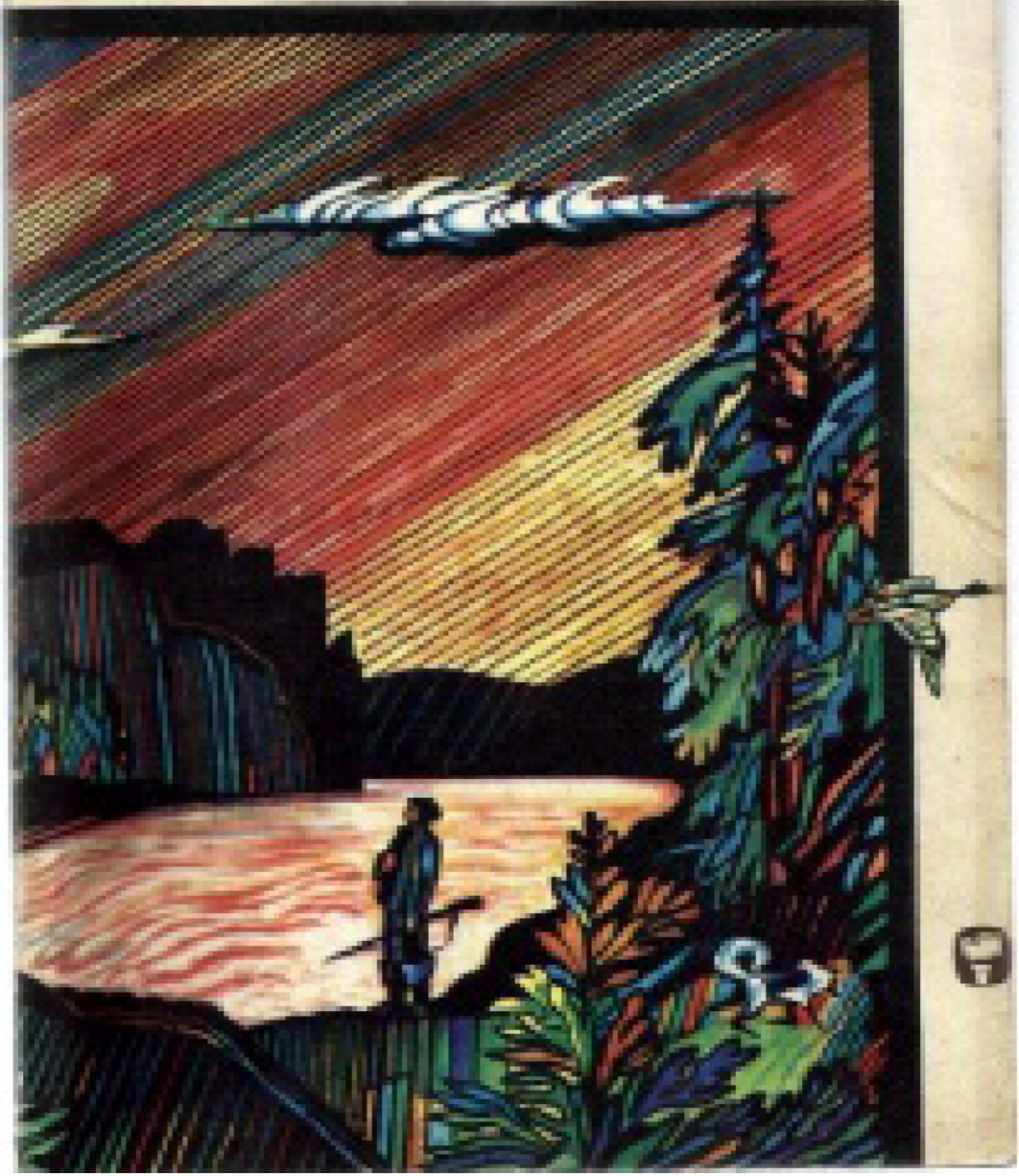
Эрик Кудусов

Остаюсь на зимовку



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Записки о зимней охоте на соболя в сезонах 1971-1972 и 1972-1973 гг.

- Эрик Кудусов
  - Охота пуще неволи
    -
    - 24 сентября
    - 26 сентября
    - 27 сентября
    - 28 сентября
    - 29 сентября
    - 30 сентября
    - 8 октября
    - 9 октября
    - 10 октября
    - 15 октября
    - 20 октября
    - 21 октября
    - 24 октября
    - 28 октября
    - 29 октября
    - 10 ноября
    - 27 ноября
    - 2 декабря
    - 9 декабря
    - 24 декабря
    - 13 января 1972 г.
    - 20 января
    - 1 февраля
    - 19 февраля
    - 5 марта
    - 18 марта
    - 23 марта
  - Трудный сезон
    - Запоздалое начало
    - Мы с Мальчиком втягиваемся в таежную жизнь
    - Первые удары судьбы
    - Неутешительные выводы
    - Испытания продолжаются
    - Безысходное положение
    - Все начинается сначала

        - Полезный атавизм
        - Наш тандем в действии
        - Морозный стресс
        - Трудяга Мальчик находит соболя
        - Охота на оленей
        - Последствия нервного допинга и продолжение мясной эпопеи
        - Плохое начало — хороший конец
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Эрик Кудусов
Остаюсь на зимовку

Охота пуще неволи

Надо сразу же внести ясность: дело в том, что по профессии я не охотник, а геоморфолог, отдавший многие годы жизни науке о рельефе земной поверхности. Но однажды резко пошатнувшееся здоровье вынудило меня обратиться к врачам. Диагноз был неумолим, как приговор: истощение нервной системы. Лучший, если не единственный метод лечения — смена профессии.

Так в многоликом братстве охотников стало, как говорится, одним больше.

Правда, выбор не был абсолютно случайным. Я с малых лет пристрастился к охоте. В послевоенные годы ружье мог иметь каждый, даже школьник 5-го класса. Впрочем, тогда все было иначе. Нас, юных охотников, наставляли опытные люди. По инициативе правления общества охотников в Казани организовали секцию юных охотников, членом которого я стал одним из первых. Руководил секцией научный сотрудник Краеведческого музея незабвенный Сан Саныч. Мы выезжали за город в походы, и он учил нас понимать и любить природу. Но одно дело охота как развлечение или приобщение к природе и совсем другое — профессиональная охота.

И вот позади — два сезона, то есть две зимы, проведенные в тайге. Полная смена образа жизни. Единственная привычка, которой не изменил — это ведение дневника. Минувший сезон начался…

24 сентября

Пароход подошел к Верхнеимбатскому ночью. Здесь нет причалов, поэтому пассажиров переправляют к берегу на шлюпке. Когда шлюпка отошла, я остался на пустынном берегу Енисея в одиночестве. Было тихо, темно и холодно. Я постоял, прислушиваясь к тишине, чтоб немного успокоить радостное возбуждение. Наконец-то оборвана последняя нить, что связывала меня с шумным, суетливым и пыльным городом, с этой скученностью людей, раздражающей и утомляющей. Теперь все это позади, ушло вместе со шлюпкой, но стоять так, на холодном ветру, было не очень приятно, и я решил поискать временного пристанища. Однако на берегу не было никаких строений. Тогда я решил перетащить свои вещи в деревню. Для этого надо было подняться на угор. У гор по-местному означает «обрывистый берег», который вешние воды реки уже не заливают. Поэтому приенисейские деревни, как правило, стоят на угорах, а если выражаться научно, то на первых надпойменных террасах. Вот туда-то я и начал перетаскивать свой груз. Времени на это ушло около полутора часов. И когда я приволок последний рюкзак к дверям сельмага, ближайшего из всех общественных строений, начало уже светать. Здесь можно было расположиться и дожидаться утра, не беспокоя никого. Перед частным домом не отдохнешь: собаки покоя не дадут. Ведь в деревне каждый держит собаку, и чаще не одну.

Дождавшись утра, я направился к знакомому охотнику Фридриху Фишбуху, немцу по национальности, чтобы договориться о временном постое. Но договариваться не пришлось: увидев меня, он и его жена Нюра сразу предложили мне перетаскивать вещи и располагаться без стеснения.

Потом я побежал в контору и первым делом направился к Волкову, главному охотоведу.

— Завтра мы забрасываем охотников в тайгу. Постарайтесь сегодня подготовиться, — сразу ошарашил он меня.

— За один день?!

— Самолет заказан, ждать не будет.

— Что же, хорошо. Тогда ближе к делу.

— Что у вас есть и что вам нужно?

— У меня есть бензопила, — начал перечислять я, — но нет бензина.

— У меня тоже нет, — вставил Волков.

— Далее, одежда есть, лыжи есть…

— А на ногах опять ботиночки? — перебил он.

— Опять ботиночки, — в том же тоне ответил я ему. Волков покачал головой.

— Много в них не поохотишься.

— Ничего, это моя забота.

— Не совсем. Замерзнешь, а мне за тебя отвечать?

— Не замерзну, у меня есть валенки, — соврал я.

— Дальше.

— Дальше мне нужны капканы.

— Сколько?

— Четыреста по меньшей мере, — завысил а, зная, что никогда не получу этого количества.

— Нет, самое большее полтораста.

— Да что вы! У меня ведь ни одного нет…

— … Ладно — перебил он мою заготовленную тираду — еще тридцать штук второго номера, и больше ни одного.

Я состроил скорбную физиономию, в душе радуясь, что выбил такое количество.

— Что еще?

— Еще винтовку и карабин с патронами.

— Тозовку[1] получите, а карабин — нет. Будете с Карповым пользоваться одной.

— Как с Карповым?

— Так, что вы будете вместе охотиться.

— Я хочу один — начал я, но Волков не дал мне сказать слова:

— По технике безопасности я не могу отпускать вас в тайгу по одному. А Карпов такой же москвич, как и вы. Поделитесь там. Кстати, он уже месяц как забросился на вертолете. Собирался построить еще две избушки. Так что пяти избушек вам на двоих хватит.

— Но ведь он строил для себя, а не для меня. Зачем ему нахлебники?

— Ничего не могу поделать. Ему тоже одному не положено охотиться.

Я понял, что спорить бесполезно. К тому же смекнул, что, попав в тайге к Карпову, я уйду дальше, и все равно будет так, как нам хочется, а не начальству.

— Ладно, — сказал я примирительно, — давайте закончим с экипировкой. Мне нужны печки, лампы керосиновые, топоры, лопаты, гвозди, толь и прочая строительная мелочь. Все это на складе есть?

— Нет. Кое-что можешь купить в магазине, кое-что спроси у людей.

— Да вы что! Времени у меня мало, а денег нет совсем. Вот

три рубля осталось.

Теперь его очередь была поражаться.

— Можем дать аванс всего на 150 рублей. Выкручивайся как знаешь.

— Ничего, выкручусь. Я закуплю продукты только до Нового года. А там вернусь с пушниной и доберу на вторую половину зимы.

— Сколько хочешь добыть? Оформи заодно договор.

— Тридцать штук.

Мое заявление вызвало общий смех — в кабинете было еще несколько человек.

— Оформляй договор на 12 штук, и, если добудешь их, считай, что тебе повезло.

— Почему вы так решили? По прошлому году? Но в этот году я охвачу гораздо больше территории.

— Чтобы поймать соболя, нужны не только ноги, но и голова и опыт. Да, а собака у тебя есть?

— Нет, но, я надеюсь, вы поможете мне в этом.

— Э-э, — махнул рукой охотовед. Очевидно, он хотел сказать этим, что я зазнайка и безответственный болтун.

— В общем, иди. Закупай продукты и керосин, получай оружие, капканы, деньги, оформляй документы, ищи собаку. В общем проявляй инициативу. Времени у тебя мало. Завтра летишь.

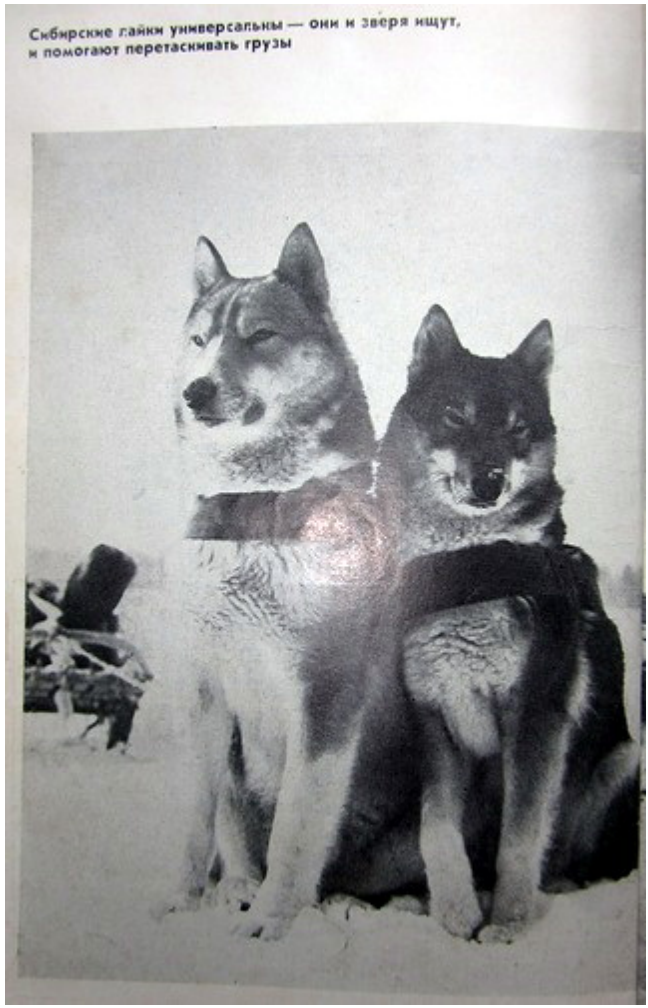
Вот так, с места в карьер, я ринулся «проявлять инициативу». Как оно все обошлось — объяснить невозможно, однако утром я был готов к отлету в тайгу.

26 сентября

На следующий день мы не полетели — погода была плохая. Зато сегодня улетаем, хотя погода еще хуже. Я лечу третьим рейсом. За один раз увезти всех охотников невозможно: у каждого гора вещей. Моя «гора» самая маленькая — всего 500 килограммов.

Около каждой «горы» привязаны собаки. У моей «горы» стоит страж — полуторагодовалый щенок. Я купил его в кредит у местного учителя. Характеристика на пса была следующая: на охоту ни разу не ходил и не известно, какой из него получится охотник, но охраняет дом хорошо. Очень злой, даже же на людей бросается. Зовут Ворон. Я заявил, что если из него не выйдет охотник, так хоть будет с кем поговорить в тайге. На том мы и порешили.

Песик оказался на редкость мелким. Таких в деревне больше нет. Отчасти поэтому, а отчасти и потому, что птичье имя его мне не понравилось, я решил перекрестить пса в Мальчика. Имя собаки должно быть звучным, чтоб можно было звать ее в тайге на всю силу легких. Звук же «а» более открыт, чем «о».



Сибирские лайки универсальны — они и зверя ищут, и помогают перетаскивать грузы

Нас, охотников, которых забрасывают на далекие угодья, совсем немного — семь человек. Остальные сами добираются по рекам и речкам на своих лодках. Четверо из отлетающих имеют свои угодья на Вахте, в 200–350 километрах от устья. Река эта очень порожистая. Подниматься по ней в одиночку даже на облегченной и специально подготовленной лодке почти невозможно. А с нашим грузом — и разговоров быть не может. Вот поэтому-то в наиболее удаленные угодья охотников доставляют на гидросамолетах или вертолетах. Мой участок самый дальний, но я вылетал последним рейсом, так как прибывал в обжитое место, «к поджидающему меня напарнику».

Наконец, настала и моя очередь.

Перегруженный гидросамолет АН-2 с трудом оторвался от воды и, развернувшись, взял курс на восток. А через час мы уже садились на плес в среднем течении Вахты. Приводнившись, самолет подрулил к берегу как раз перед охотничьей избушкой

Андрея Карпова, который уже встречал нас вместе своими двумя лайками.

Мой прилет и для него был неожиданностью. Во-первых, он не желал никаких напарников вообще, а, во-вторых, особенно меня, потому что в прошлом году наша попытка вести охоту совместно не увенчалась успехом: не сошлись характерами, как говорят в таких случаях. Однако дело здесь не в характерах. Психиатрам давно известна болезнь, называемая полярной истерией. Возникает она при стрессе в суровых зимних условиях, когда маленький коллектив вынужден долгое, время находиться в тесном жилище, где жизнь каждого протекает на глазах друг у друга, и нет возможности хотя бы немного побыть наедине с собой. Крайние симптомы этой болезни страшны. Но мы, охотники, не доходим до крайностей, потому что можем отделиться друг от друга. Уже через месяц совместной жизни нервы людей не выдерживают, ссоры возникают беспричинно, и охотники расходятся по отдельным избушкам. Я уверен, что многие и не подозревают об истинных причинах конфликтов, обвиняя, как правило, друг друга. То же самое произошло и между нами в прошлом году. Вот почему мое появление в качестве напарника было встречей Андреем, мягко выражаясь, без восторга.

— Что, не ожидал? — смеясь, спросил я его.

— Не ожидал, — не принимая юмора, ответил он.

— Ничего, не огорчайся, я тоже не хочу с тобой охотится. Это все «происки» начальства. Но мы ведь теперь далеко от него. Поэтому можем, объединив свои отрицательные эмоции, прийти к положительным решениям. А пока почитай записку Волкова.

Тем временем я начал перетаскивать свой скарб, сброшенный на берег, у которого уже пристроился Мальчик, считая своей главной обязанностью не подпускать к нему никого, особенно андреевских собак.

Когда с этим было покончено, мы начали переговоры.

— Ну, прочитал? — начал я.

— Да, только он здесь пишет насчет пяти избушек. А их у меня нет, так как я не строил в этом году ничего, хотя и собирался. Так что имеющегося района нам на двоих не хватит. Тебе придется все равно строиться. И потом, он пишет, что твой район будет восточное моего, а граница моего района проходит в пяти километрах восточное этой избушки. Поэтому базироваться здесь тебе не придется.

— Иными словами, ты хочешь сказать, что мне надо убираться отсюда и как можно дальше? Ладно. Я это сделаю, не потому, что ты этого хочешь, а потому, что я прежде всего этого

хочу. Ни твоего района, ни тем более твоих избушек мне не надо. У меня есть бензопила и есть плавсредство. Я уйду отсюда вверх по реке и там построюсь сам. Это было задумано еще давно, но начальство спутало все мои планы и не высадило меня там, где я просил. И конфликтовать нам нет смысла, так как нечего делить. С другой стороны, раз уж я здесь, надо искать компромиссные решения, а не обострять отношения, ведь впереди шесть месяцев зимы, и мы не на Клондайке. Повторять ошибки героев Джека Лондона нам не пристало, — заметил я, улыбнувшись.

— Нет, я, конечно, понимаю, что раз уж ты здесь, то надо находить приемлемые решения. Но ты ведь сам знаешь, я всегда мечтал об этом районе и не хотел бы ни с кем его делить, — смягчился Андрей.

— Знаю, поэтому и не настаиваю ни на чем. Послезавтра я буду готов к походу. Мне нужно только собрать катамаран и погрузить на него мой груз.

— Я тебе помогу подняться до устья Хурингды, мне надо туда, чтобы подремонтировать свою избушку: росомаха разворотила там оконную раму. А потом я помогу тебе переправиться на другую сторону, потому что по правому берегу ты не пройдешь: в трех километрах выше устья Хурингды начинаются отвесные берега. Левый берег лучше. Там же и избушку лучше ставить, потому что лес смешанный. А на правом берегу после обрывов идет сплошной березняк. Я там был недавно, поэтому и знаю.

— Что ж, отлично. Эта информация мне кстати. Я ею воспользуюсь. Но сначала надо добраться туда. По-моему, это будет не так просто.

— Конечно, непросто. Но добраться можно.

— Ты-то поднимался налегке, да и мог своим ходом, при помощи весел плыть. А мне все время придется тащить катамаран. Но иного выхода нет.

Конечно, мое положение оказалось хуже, чем я предполагал. По моим первоначальным планам, я должен был высадиться на самолете где-то выше по Вахте и уж затем сплывать на катамаране вниз, по пути построив пару избушек. Подниматься же вверх не приходило мне в голову даже в виде рабочей гипотезы. Мой катамаран не предназначен для такой цели. Но теперь сокрушаться поздно. Надо действовать. Это значит подняться по Вахте и построить там избушку. Если я этого не сделаю, я окажусь банкротом и в материальном, и в духовном смысле. Поэтому надо предельно мобилизоваться и, сжав зубы, преодолеть это последнее препятствие.

27 сентября

Погода типично осенняя: то льет холодный дождь, то вдруг проглянет солнце, то неожиданно повалит самый настоящий снег. И все это сопровождается шквалистым ветром.

После завтрака я взял топор и пошел рубить жерди для катамарана. Мой катамаран состоит из двух надуваемых гондол длиной по пять метров и диаметром 40 сантиметров. Склеил я их еще в Москве из обыкновенной оранжевой клеенки, что продают в аптеках. Гондолы я вложил в такие же по форме матерчатые мешки. Получилось легко и прочно. Чтобы из гондол сделать плавсредство, нужно соорудить каркас. Этим я занялся с утра. И менее чем через три часа катамаран был готов.

28 сентября

Всю ночь шел снег, и к утру земля сплошь была покрыта толстым его слоем. Небо не прояснилось и днем. Снег продолжал идти, сопровождаемый сильным западным ветром. Впрочем, обращать внимание на капризы погоды нам было некогда, и мы с утра двинулись в путь. Андрей шел впереди, таща на бечеве катамаран и ветку[2], а я шел сзади, подталкивая катамаран длинным шестом, которым одновременно и рулил, направляя корму катамарана в нужную сторону.

Этот отрезок реки до впадения Хурингды сравнительно спокойный. Бечевник[3] тоже хороший, так что, несмотря на непогоду, мы довольно быстро преодолели пять километров и дошли до устья Хурингды еще засветло (средняя скорость получилась чуть меньше километра в час). Снег сменился дождем, но температура выше 0° не поднималась. Около устья Хурингды Андрей переправил нас на левый берег Вахты, пересев в ветку и буксируя катамаран на веслах. Я расположился поверх вещей на катамаране и помогал шестом, где позволяла глубина. Выгрузив на берегу вещи, мы вернулись обратно. Здесь я закрепил катамаран, и мы направились пешком к устью Хурингды, где на берегу, в укрытии леса, стоит «балаган», срубленный нашими предшественниками и напоминающий по форме большую двускатную палатку. Быстро растопив железную печку и поставив воду для супа и чая, я начал сушиться. Несмотря на непрерывный дождь, мы не промокли благодаря водонепроницаемым накидкам. Их-то и надо было высушить.

29 сентября

Ночной дождь «съел» весь снег, так что идти будет теперь легче, не скользко. Но на берегу меня ожидал неприятный сюрприз. Когда я подкачивал одну гондолу — она потихоньку где-то травит, — обнаружил, что матерчатая оболочка прорвалась внизу (вчера неоднократно приходилось «скрести» по дну), и теперь все напряжение ложится на клеенку. Если и она протрется, то катамаран мгновенно опрокинется. Нетрудно представить в таком случае мое положение. А впереди очень сложный участок: полтора километра шиверы[4] и столько же еще более коварного участка, который и названия-то не имеет. Это беспорядочное нагромождение огромных камней у берега, между которыми катамаран не всегда протиснется и обойти которые тоже целая проблема. Однако не до размышлений. Река стынет на глазах, и вот-вот появятся забереги. Сейчас надо только действовать. Пока гондолы держат, надо идти.

Андрей переправил нас с Мальчиком в последний раз на другую сторону реки. Договорились, что я ровно через месяц приду в базовую избу — к тому времени река должна стать. Назначили крайний срок — 1 ноября. После этого он идет искать меня (или мой труп, как я мрачно пошутил).

Когда Андрей уплыл, я начал загружать катамаран. Поскольку одному против течения весь груз утащить мне было не под силу, я взял только самое необходимое: получилось примерно 260–280 килограммов. Осталось почти столько же, где основной вес падает на капканы.

С уходом Андрея настроение мое вдруг резко поднялось. И причиной тому служила не погода, которая по-прежнему оставалась мерзкой. Очевидно, меня радовала полная наконец свобода и самостоятельность. Я так долго стремился к ней, что даже предстоящие трудности не препятствовали поднятию духа. Теперь мое благополучие зависит только от меня, от моей способности вжиться в этот мир, от моих сил — и физических, и особенно духовных. И я чувствовал, что их у меня очень много, гораздо больше, чем требуется. Поэтому преграды и трудности меня мало трогали. Они просто были сами по себе, а мое существование заключалось в их преодолении. Не преодолеть их — значит не жить. Но я намерен был жить. И притом на всю катушку!

Шиверу, как ни странно, я преодолел всего за три часа. Чтобы катамаран не прибивало к берегу или не относило к середине реки, я привязал один конец бечевы к носовой части его, а другой

— к корме. Регулируя натяжение того или другого конца бечевы, я получил возможность управлять катамараном. И все было бы прекрасно, если бы река была спокойной. Но она, во-первых, бешеная, а во-вторых, не имеет четкого фарватера. Порой приходилось чуть ли не до середины реки доходить, чтобы обойти мель, в то же время в другом месте у самого берега можно было уйти под воду с головой.

После шиверы начался тот самый коварный участок, который с виду казался безобидным. Перескакивая с одного камня на другой, я шаг за шагом подтягивал катамаран все выше и выше по реке. Иногда приходилось спускаться в воду, чтоб перетаскивать его через подводные камни. Не раз в мои болотные сапоги врывались ледяные струи. Нащупывая под водой скользкие булыжники, я подчас едва удерживался от падения, успевая все-таки вспрыгнуть на катамаран.

Каждый раз, преодолев очередную преграду, я думал: «Ну вот, пройдено еще несколько метров. Уже ближе к цели» И так, метр за метром, содрогаясь при очередном скребке о дно, я медленно продвигался вверх.

К трем часам дня я прошел два километра. И тут произошла катастрофа, которая, в сущности была вполне закономерной. Проходя очередной сложный участок, я пятился назад, ухватив катамаран за переднюю поперечную жердь. Вдруг моя нога попала под водой на наклонную скользкую плиту, я поскользнулся и почти по грудь очутился в обжигающе ледяной воде. У меня даже перехватило дыхание. Быстро подведя катамаран к берегу, я спешно сбросил сапоги, потому что ноги сразу стали коченеть. И тут же ощутил холодные ветер, которого раньше почему-то не замечал. Кое-как выкрутив носки, я снова влез в сапоги. Надо было двигаться, потому что я уже и сам весь начал мерзнуть. Бросился к вещам, достал палатку и полез, карабкаясь наверх, в лес, где не было ветра. Там быстро растянул ее, принес сухие вещи и переоделся. Чтобы согреться, тут же, в палатке, поставил плитку и на сухом спирту приготовил обед из сухих пакетов, привезенных еще из Москвы. «Мокрый» спирт я с собой не вожу, поэтому довольствовался горячим супом. Только пообедав, развел костер и начал сушить вещи. К вечеру похолодало, и пошел снег. Я срубил сухое дерево и соорудил нодью[5]. Она горела всю ночь. Но ночевал я в палатке.

30 сентября

Утро было морозным, небо прояснилось; моховой ковер леса, в котором вчера я тонул почти по колено, сегодня прихватился морозом и уже выдерживал тяжесть моего веса. Я спустился к реке. В тихих заводях, где нет течения, появились забереги — тонкие пленки льда у самого уреза. Надо торопиться. Не разжигая костра, я снова приготовил суп из концентратов, воспользовавшись лишь спиртовкой: так быстрее.

Вчерашние трудности не испортили моего настроения. А когда я обозрел с обрыва пройденный участок реки, то еще больше возгордился, чистосердечно признавшись самому себе, что второй раз уже не прошел бы его: не хватило бы духу.

Но и сегодня мне все-таки пришлось еще попотеть, ведя катамаран по лабиринту прибрежных камней, особенно на первом километре. Потом стало проще, если не считать нескольких новых препятствий в виде лежавших поперек реки деревьев, которые упали в нее с подмываемых водой берегов.

В полдень я подошел к галечной косе, расположившейся почти напротив устья Дялингды. Здесь я намеревался поставить избушку. Оставалось пройти метров 500. Но меня остановил заливчик, подернутый льдом, острым как бритва. Я попытался его разбить, однако он уже был прочным. Пройти по нему тоже нельзя было: не выдерживал меня. Ну, да ладно. Поставлю избушку здесь. Полез наверх выбирать место для избушки. Склон оказался крутым и высоким. Поднялся метров на 40, прежде чем нашел более или менее горизонтальную площадку. Тут же обнаружил источник. Это хорошо, потому что спускаться к реке за водой — одно мучение. Да и тропы не будет, которая могла бы привлечь нежелательных посетителей. Я имею в виду туристов, которые летом будут проплывать здесь.

8 октября

Строительство избушки — ответственный момент. Умение поставить зимовье для профессионального охотника не менее важно, чем умение охотиться. Любой промысловик начинает свою карьеру именно с этого. И от того, насколько изба соответствует климатическим условиям данной местности, зависит не только успех промысла, но и жизнь охотника. Я начинающий охотник и никогда ранее не строил избушек, но, отдавая себе полный отчет в ответственности момента, еще в Москве детально продумал весь процесс строительства. Получилось, что за неделю я смогу спокойно управиться с этим делом.

Работа двигалась быстро, поскольку мне не приходилось гадать после каждого процесса, что делать дальше. Я работал с восхода солнца до заката. На приготовление пищи времени у меня уходило мало, так как я пользовался концентратами. И все-таки мне казалось, что можно было бы строить еще быстрее. Причиной спешки были ночные морозы. В первую ночь температура опустилась до -6°, во вторую — до -12°, в третью — до -15°. Правда, днем солнце восстанавливало положительную температуру, но в студеные ночи под открытым небом нормального отдыха не получалось. От палатки я отказался в первую же ночь, так как в нее не помещалась печка. Пришлось соорудить простой навес — нечто вроде просторного шалаша, поставить там печь и коротать ночи около нее, непрерывно поддерживая огонь. Конечно, я понимал, что обогреваю мировое пространство, но все же часть тепла перепадала и мне. Разумеется, я и не помышлял раздеваться. Влезал в мешок одетым. И странное дело, я высыпался, несмотря ни на что. Подложив в печку очередную партию дров, я мигом засыпал — усталость брала свое — и просыпался как раз к моменту следующей заправки: видно, холод заставлял меня проснуться. Вот так и проходили ночи. Конечно, если бы я спал не на земле, а на нарах, было бы все-таки теплее. Но до них никак руки не доходили. И так я работал на пределе. С утра я принимался за валку леса. Затем распиливал его на бревна, очищал от сучьев и коры, тащил к месту стройки, (я не хотел оголять лес вокруг дома, поэтому валил деревья подальше) наконец водружал на место, предварительно обложив мхом и подгоняя, чтобы не было щелей.

На пятый день я принялся за крышу и впервые после этого поспал по-человечески — в натопленной избе и на нарах.

В последующие дни я делал двери, окна, накрывал крышу

дерном. Дерн здесь мощный, сантиметров до 25, и влажный. Куски хочется брать побольше, поэтому я надрывался из последних сил. Помню, даже когда занимался в студенчестве штангой, никогда не поднимал таких тяжестей, как при перетаскивании и подъеме на крышу дерна.

Сегодня я последний раз работал с бензопилой. Изба построена, дрова заготовлены. Я стаскал их к дому и уложил в поленницу, которую сделал в виде буквы П. В середине ее я растянул на каркасе свою палатку. Теперь она у меня будет служить подсобным помещением, где можно сложить все свое барахло, чтобы не загромождать избу. Барахла набралось много: канистры, бензопила, кой-какой плотницкий инструмент, продукты (хлеб в полиэтиленовых больших мешках, сгущенное молоко, крупы, масло, картошка), а также запас расколотых дров. Когда начну охотиться, буду вешать здесь птицу.

Перед входом в избушку также соорудил нечто в виде тамбура, чтобы дверь не выходила сразу на улицу, то бишь в тайгу. Этот тамбур будет предохранять и от снежных заносов, и от холода, поскольку в нем формируется свой микроклимат, промежуточный между открытым воздухом и помещением.

Все начинается с постройки зимовья,
и оно наконец готово

Чум в Восточной Сибири нередко заменяет избушку

9 октября

Вот теперь, когда изба построена, я могу спокойно переходить к следующему этапу своей охотничьей жизни. До начала пушного сезона осталось совсем немного — 10–15 дней. А мне надо заняться еще заготовкой мяса: без приманки соболь в капкан не пойдет. Да и сам я уже истосковался по свежатине. Эта стройка связывала меня по рукам и ногам. Теперь, слава богу, все позади. Но у меня в устье Хурингды осталось еще много вещей, в том числе и продукты (хлеб, крупы, картошка). Ведь с собой я в прошлый раз взял только самое необходимое. Придется сначала потаскать вещи. Зима на носу, а у меня здесь ни лыж, ни капканов.

Впрочем, зима что-то не торопится. Еще позавчера подул ветер с юга. Снег начал таять. Правда, в основном на солнечной стороне, а у нас он пока еще лежит, но температура неуклонно поднимается вверх, держась все время выше 0°, даже ночью. Сегодня она поднялась до 8°. Немыслимая вещь! Шуга сошла совсем. Только забереги в тихих заводях говорят об октябре. В прошлом году в это время на реке уже устанавливался лед, и по нему можно было ходить. Странная нынче осень: то ранние морозы, то затянувшаяся оттепель. Если так и дальше пойдет, то я смогу ходить за вещами по берегу. Пока же вынужден идти по тайге. Это очень трудно. В лесу мох такой глубокий, что нога тонет в нем почти по колено. Поэтому колени приходится поднимать чуть ли не до подбородка. Шаг получается короткий, а сил затрачивается много. По берегу идти гораздо легче. Но сейчас, пока камни покрыты снегом, это очень опасно: можно поскользнуться. Так что лучше переутомиться, чем поломать ногу или свернуть шею. Конечно, прогулка по тайге имеет и положительные моменты: я могу здесь встретить дичь. В путь я двинулся сразу после завтрака. Не успел отойти и километра, как услышал пересвист рябчиков. При моем появлении выдали себя перепархиванием на другие деревья. Рябчик — плохой летун, далеко не отлетает и летит только по прямой. Так что всегда можно настичь его. Их было всего три, и все три оказались в моем рюкзаке. В приподнятом настроении пошел дальше. Шел вдоль реки у самого обрыва и постоянно встречал следы соболя и белки. Одновременно намечал места, где буду ставить капканы.

Обратно шел почти три часа: измучился вконец. Все-таки при собственном весе 60 килограммов тащить груз в 25 килограммов тяжело. Я и так уже старался равномерно распределить поклажу — взял два рюкзака и один из них повесил на грудь, чтобы не сгибаться в три погибели.

Возвращаясь той же дорогой, вспугнул еще двух рябчиков. За одним пришлось лезть на огромный кедр — он застрял там в ветвях после выстрела. Это ничего. Главное — птица в тайге есть. Значит, голодать не придется. Я и глухарей вспугивал несколько раз. Только замечал их слишком поздно, когда они снимались с деревьев, испугавшись меня. Собака же моя совершенно не умеет охотиться. Носится по лесу, в возбуждении одурманенная новыми запахами, но что делать при виде птицы или зверя, не знает. Для лайки она что-то слишком молчалива. За все время я ни разу не слышал ее лая. Конечно, любую охотничью собаку надо учить охоте, будя в ней природные инстинкты. Лучше всего это делать в

своре. Там они быстро перенимают друг у друга нужные навыки. Но у меня этой возможности нет. Придется учить иначе, по методу «кнута и пряника», чтоб выработать в ней целенаправленный поиск.

Вернувшись домой, я сварил себе целую кастрюлю картошки «в мундире» и ел ее с хлебом, который макал в подсолнечное масло. Такого блаженства я давно не испытывал. Картошка замерзла и стала сладкой. Я оставил ее на воле. Так она не испортится.

В этот вечер я уже больше не работал. Лежал и слушал свою «Спидолу», которую повесил на стену у изголовья. Так что стоит лишь протянуть руку — и ты в курсе всех новостей планеты.

10 октября

Погода отличная — тепло и солнечно, просто удивительно. Воздух приносится ветром такой теплый, будто специально где-то по пути прогревается. Я даже решил пофотографировать. Запечатлел избу, заодно и себя.

Затем взял спиннинг, тозовку и направился к реке попытать счастья в рыбалке. Мальчик побежал лесом вдоль обрыва. Не успел я пройти и 100 метров, как неожиданно услышал одиночный лай. Этот молчаливый пес напрасно не лает, тем более что такое пока случилось впервые. Поэтому, бросив спиннинг, я взял направление и осторожно двинулся на лай, внимательно всматриваясь в чащу. Действительно, вскоре я усмотрел на лиственнице силуэт глухарки. Собаки внизу не было. Вот что значит необученный пес. Он должен сидеть и облаивать дичь, пока не подойдет охотник не подстрелит ее. Но этот никогда не охотился и, естественно, не знает, что надо делать, обнаружив в лесу достойную внимания живность. Даже лай его был всего лишь непроизвольной реакцией на недоступность жертвы и выражал бессильную досаду. Только и всего. Надо во что бы то ни стало поощрить в собаке этот лай, чтоб она знала, что я всегда готов, услышав его, прийти ей на помощь и добыть недоступную для нее дичь.

Глухарь — гордость и краса таежных лесов

Чтобы не вспугнуть глухарку, я пригнулся и почти на четвереньках начал подходить к лиственнице. Она меня заметила, но не сошла, так как глухари в отличие от рябчиков не боятся собак, а мой вид больше напоминал четвероногое животное. Глухарка даже недовольно закудахтала, когда я подошел слишком близко. Не вставая, я прицелился и выстрелил. Попал, но пуля, видно, прошила лишь крыло, и глухарка не упала, а, кудахча, перешла на другой сук. Я снова выстрелил и явно промазал: птица продолжала сердито ворчать, переминаясь с ноги на ногу. Очевидно, я сильно волновался. Рябчиков мне удается снимать с любого доступного расстояния и с первого выстрела, несмотря на их гораздо меньшие размеры. Я глубоко вздохнул, успокаивая себя, и только с третьего выстрела добился своего — птица, кувыркаясь, полетела вниз.

Наконец, подбежал пес и начал с остервенением душить

добычу. Я дал ему эту возможность, зная, что впоследствии он будет готов часами сидеть под деревом, облаивая дичь и зазывая охотника, чтобы ощутить сладость добычи. Правда, Мальчик не совсем правильно понял меня, решив, что я отдаю ему глухарку насовсем. Когда я попытался забрать птицу, он схватил ее и бросился в сторону. Пришлось догонять и внушать ему слово «нельзя». Кажется, он не обиделся на меня. Ведь у собак свои законы, по которым прав всегда бывает сильнейший. Потому и он был вынужден, соблюдая субординацию, отдать мне добычу. Но чтобы поощрить на будущее его поиск, я все-таки отрезал и отдал ему шею. Он проглотил ее, почти не разжевывая. Любят собаки боровую дичь. Отнеся птицу в палатку и подвесив ее вместе с рябчиками, я не отказался от затеи порыбачить и снова направился тем же путем к реке. Прошел 100 метров — и вдруг опять лай.

Ага, значит, пес понял, что к чему. Способный «парень». На огромной лиственнице, что стояла у самого обрыва, я увидел глухаря и глухарку. Редкий случай. Обычно они живут отдельно. Снова я изобразил из себя вторую собаку и устремился к лиственнице. Увлекшись, я не заметил еще двух глухарей, которые расположились на моем пути и сошли только, после того, как я чуть не наступил на них. Но далеко не отлетели, а уселись на ту же лиственницу, под которой, деловито все обнюхивая, шнырял Мальчик в ожидании меня. Я присел, отдышался и только после этого, тщательно прицелившись, выстрелил. Огромный глухарь, ломая сучья, полетел вниз. Пес кубарем скатился с обрыва и стал так рьяно душить и рвать птицу, что я начал опасаться за глухаря. Крикнув собаке «Нельзя!», выстрелил в другого. Он замахал крыльями, отлетел метров на 50, а потом вдруг рухнул вертикально вниз. Новый выстрел отвлек Мальчика. Он уже знал, что после выстрела сверху падает птица, которую позволено трепать. И поэтому, увидев нового глухаря, бросился к нему. Я был доволен собакой. Мальчик вел себя именно так, как нужно. Собака всегда должна бежать на выстрел. Охотники часто этим пользуются, когда хотят отозвать к себе слишком увлекшегося охотой пса. Зов по имени обычно остается в таких случаях безрезультатным, ибо у собаки он рефлекторно связан лишь с получением пищи. Но инстинкт охоты у охотничьих собак развит сильнее всех остальных инстинктов. Поэтому только звук; выстрела, связанный в ее сознании с близкой жертвой, может отвлечь ее от охоты, которая в данном случае нежелательна. С другой стороны, если собака взяла нужный след, тут уж надо воздержаться от нежелательных выстрелов, чтоб не отвлекать ее.

Обратно я решил пойти берегом реки. И тут неожиданно сделал открытие. На осыпном обрыве, подмываемом рекой, виднелись многочисленные следы глухарей. Так вот почему их сюда тянет! Они здесь, оказывается, собирают камешки, чтоб обновить «жернова» в желудках для переваривания грубой зимней пищи. Я много раз слышал, что боровая дичь собирается на береговых отмелях для сбора камешков, но ни разу не видел этих излюбленных ими мест. И вот одно из них передо мной. Да, можно считать, что мне здорово повезло. Жаль только, что слишком поздно я его обнаружил, ибо удачнее всего охота на таких россыпях в основном в сентябре.

В этот день я так и не порыбачил.

15 октября

Погода испортилась неожиданно, за одну ночь. Утром на следующий день после охоты на глухарей пошел обложной дождь.

Температура немного упала, но продолжала оставаться положительной. В дождь, да еще обложной это значит длительный, — из избы можно не выходить. Вся живность в такое время прячется, и на охоту идти бесполезно. Да и что за удовольствие мокнуть? В такую погоду каждая веточка норовит обдать тебя целым каскадом брызг. Промокнешь в одно мгновение. А ведь в лесу уже лежит снег.

И я сидел дома. Сначала думал, что это дня на два, но пришлось томиться целых пять дней. Первые дни у меня еще была работа — чинил лыжи, которые треснули вдоль при транспортировке в самолете, затем делал сумки для приготовления в них пахучей приманки (слово «пахучая» употреблено здесь как эвфемизм; правильнее было бы сказать «вонючая» или, еще лучше, — «зловонная», так как в этих сумах из прорезиненной ткани киснут мясо и потроха). На третий день я уже места себе не находил от безделья. Вышел все-таки, пошатался во лесу. Разумеется, безрезультатно. Промокли оба с Мальчиком до костей. Ходил в лесу с Компасом по азимуту. Но после того сделал вывод больше так не ходить. Я поймал себя на том, что не могу идти по прямой, а постоянно держать компас перед носом неудобно. Если бы был снег, я не опасался бы заблудиться. Но раз есть такая опасность, надо набраться терпения и сидеть дома или же ходить только вдоль реки.

Однажды ночью Мальчик на кого-то залаял. Я выбежал с ружьем и фонарем, но ничего не увидел, а Мальчик остался около дома, не пустившись в чье-либо преследование. Утром по следам я обнаружил, что в 40 метрах от избушки прошел лось. Но глупый пес, вместо того чтобы остановить зверя и держать его, отогнал его от дома и счел свою функцию выполненной. Вот что бывает, когда собака приучена лишь охранять дом, но не знает охотничьего ремесла. А лось был бы сейчас как нельзя кстати. Мяса нам в рационе явно не хватает. Когда я запасался продуктами, то немного не рассчитал и уже здесь понял, что их хватит мне лишь на полтора месяца. Следовательно, придется экономить. Я и так последние полмесяца ем «по-английски»: вставая из-за стола, чувствую, что смогу съесть еще столько же. О собаке и не говорю. Ей вынужден варить манную кашу, крепко посахаренную, — для калорий. Чего у меня достаточно, так это углеводов: кроме сахара есть конфитюр, сгущенка, мед. А вот

мясных консервов я никогда не беру. Считаю «неприличным» брать в тайгу мясо или рыбу. Но именно мясо-то здесь является продуктом номер один. При тех затратах энергии, которые требуются от меня в тайге, только мясо может восстановить затраченные силы. Поэтому лось для нас был бы сейчас как нельзя кстати. Но что я могу поделать, если мой помощник не осознал еще своих прямых обязанностей. Он пока еще мыслит деревенскими категориями, где главной заботой собаки является охранять дом хозяина, не подпуская к нему никого. Вот глупыш.

20 октября

Эти дни все хожу по тайге и стараюсь пополнить свои закрома. Здесь ведь прямая зависимость: чем больше ходишь, тем больше добудешь. Конечно, надо еще знать, где ходить. Последние дни я взял за правило перед охотой навещать обнажение — лишенный растительности береговой склон речной долины. В хорошую погоду там всегда сидят один-два глухаря. Мальчик бежит впереди и поднимает их на крыло. Чаще они далеко не улетают, и Мальчик, обнаружив какого-нибудь, облаивает. Так что у меня каждый день бывает добыча. Кроме того, я подстрелил уже двух белок.

Белка предпочитает кедровник

Правда, Мальчик тут ни при чем. На мое несчастье, он не

реагирует на белку. Добывай их случайно. Мех у белки уже зимний, поэтому пора начинать ловить и соболей. Ставлю капканы. В день получается немного, так как приходится совмещать охоту на глухарей с проложением путиков. Путик — это постоянная дорога, вдоль которой на определенном расстоянии один от другого установлены капканы. Длина путика обычно равна пяти-шести километрам, редко больше, ибо за короткий зимний день только такое расстояние и успеваешь пройти (ведь надо еще и возвращаться). Но пока в тайге неглубокий снег, надо нажимать на заготовку мяса. Это сейчас главное. Ведь с увеличением мощности снежного покрова возможности для этого уменьшаются, потому что собака ходит только по лыжне и широта ее поиска резко сужается. А глухарей я добываю в основном только с ее помощью. В палатке их висит уже полтора десятка. Недавно принес домой сразу три штуки. С трудом дотащил, ведь это 15 килограммов живого веса.

Охочусь я на глухаря теперь немного иначе. На этот счет выработал даже теорию. И теперь, когда услышу призывный лай собаки, не спешу. Иду на зов, давая глухарю привыкнуть к беспокойному соседу, который, если пораскинуть глухариным умом, совсем не опасен. Пусть себе там беснуется внизу, на дерево-то ему не залезть. Меня глухарь тоже видит. Но я и не скрываюсь, наоборот, иду, выбирая открытые места. Пусть тоже привыкает ко мне и пусть тоже убеждается, что я не более опасен, чем собака. Я же тем временем иду без резких движений, спокойно и не по прямой, а будто хочу пройти мимо. Главное — быть все время в поле зрения глухаря. Стоит скрыться за деревьями, птица начнет беспокоиться и может сняться с дерева. Не надо ее поэтому понапрасну волновать. Конечно, можно было бы поступить и иначе, то есть, с самого начала скрываясь за деревьями, незаметно подойти на выстрел. Но в этом случае любое неосторожное движение может обнаружить тебя и глухарь, неожиданно увидев близко незнакомое существо, может испугаться и улететь до выстрела. Поэтому лучше с самого начала вовлечь его в игру и подходить в открытую, не таясь. При этом способе можно без опаски шуметь, разговаривать с собакой и, в общем, вести себя самым непринужденным образом. Очень важно только не суетиться и я не спешить. Тогда и выстрел получается верным, ведь можно выбрать удобную позицию и стрелять не из-за кустов, а с открытой поляны.

Способ свой я уже проверил и пользуюсь теперь только им. На Хурингду я успел сходить уже несколько раз. Последний раз возвращался по заберегам. Шел, как по натертому паркету. Однако больше такого удовольствия испытать не смогу, так как

река спала, и припай повис над водой. Ступать на него теперь опасно. На лыжи же становиться еще рано, несмотря на то, что мощность снежного покрова 20–30 сантиметров. В условиях тайги этого слоя явно недостаточно. Надо дождаться, когда снег не только станет глубже, но и уплотнится. В противном случае можно лишиться последних лыж. И, следовательно, надо ждать, когда снег совершенно скроет весь таежный бурелом. Поэтому сейчас ходить еще труднее, чем раньше, и я возвращаюсь с охоты вконец измотанным и со зверским аппетитом. И первое, что делаю, — набрасываюсь на еду. Только утолив голод, начинаю растапливать печь и заниматься домашним хозяйством. Работы вообще сейчас так много, что я просто не успеваю все делать. Ведь кроме добывания мяса надо спешить с установкой капканов. А мои темпы в этом деле явно недостаточны. Мне пока ни разу не удавалось в день поставить больше пяти-шести капканов. Их же у меня около двухсот. Конечно, со временем, когда прекратится погоня за птицей, я буду больше уделять внимания капканам, но тогда могут ударить морозы. А в мороз это делать труднее, так как для установки капкана рукавицы приходится снимать, ибо настораживание — тонкая работа. Да тут еще вонючая приманка, которую надо доставать из сумки тоже голыми руками, а потом, чтобы избавиться от зловонного запаха, мыть их снегом. Так что рукам достается больше всего.

Вечерами, вместо того чтобы отдыхать, я опять вожусь с капканами, потому что многие из них оказались недоброкачественными. Около 20 процентов из имеющихся было просто браком, а остальные пришлось доводить до нормального рабочего состояния.

Я сильно похудел за эти дни. На охоту выхожу теперь каждый день, невзирая на погоду, потому что капканы можно ставить в любое время. Вообще-то мне нравится это занятие. Поэтому даже в самую промозглую стужу я с удовольствием выхожу из дому. Меня привлекает в этом деле возможность проявить творчество. Ведь чтобы соболь пошел в капкан и попался, нужно быть хитрее его.

Способов постановки капканов много. Каждый охотник ставит по-своему. Главное, чтобы капкан не заносился снегом. Для этого придумывают всевозможные сооружения. Здесь, в нашем госпромхозе, чаще пользуются так называемыми «печками», или домиками. Делаются они либо из палок и веток, либо из снега. Важно, чтоб получилось помещение, огражденное сбоку и сверху стенками и потолком и имеющее вход. Внутри домика кладут приманку, а у входа ставят капкан.

Мне этот способ не нравится. Во-первых, он трудоемкий. Во-

вторых, уже к середине зимы снегу наваливает столько, что проникнуть в домик для перезарядки капкана или для смены приманки — целая проблема. Надо лезть, как в колодец, становясь чуть ли не на голову. В-третьих, в таких ловушках беспрепятственно орудует мышь, объедая либо приманку, либо самого соболя, когда он попадет в капкан. Поэтому я с первого же сезона отказался от этого способа. Меня лишь удивляет приверженность к нему других охотников. Но видно, в них крепко сидит убеждение, что эксперимент — дело рискованное. Новый способ потребует освоения, которое непременно будет связано с какими-то издержками. Надо о них знать. А от кого о них узнаешь, если никто не хочет первым начинать? Вот и работают по старинке.

Когда в прошлом году я приехал с Андреем и его братом впервые на охоту, то сразу сказал, что считаю этот способ нерентабельным. В ответ мне пришлось выслушать много неприятного. Оба они не новички в охоте, и поэтому мое заявление буквально взорвало их. Разумеется, они и раньше с трудом терпели мои самоуверенные, как они считали, высказывания. Как так? Они, отягощенные многолетним опытом, будут выслушивать советы зеленого новичка, который топора-то насадить как следует не умеет, а тут еще имеет наглость подвергать сомнению опыт, проверенный старыми и уважаемыми охотниками всей округи. «Мы сюда не для экспериментов приехали, — ответили мне на предложение применить новые методы. — Будем ловить так, как делают все местные охотники. И раз мы работаем сообща, придется тебе подчиниться большинству». С последним я никак не мог согласиться. В результате мне пришлось отпочковаться от братьев и охотиться самостоятельно. Зато я делал так, как считал наиболее благоразумным. Следовательно, я начал эксперимент. Капканы я ставил самыми различными способами. В прошлом году их стояло почти 80, и ни один не повторял другого. В результате я пришел к выводу, что лучше всего ставить их на деревья. Для этого выбирается (или же вырубается) наклонная жердь. На конце жерди, прислоненной к дереву или вставленной между двумя деревьями, кладется приманка. Почуяв ее, соболь идет по жерди к ней. Но на пути стоит настороженный капкан, который не обойти. Зверь наступает на него — и повисает (капкан привязан проволокой). При этом способе соболь, во-первых, недоступен мыши, а во-вторых, не надо сгибаться в три погибели, когда работаешь. Чтобы сооружение не заносилось снегом, я делаю над приманкой и капканом крышу.

Эксперимент был не нов. Все эти способы описаны в

соответствующей литературе. И тем более непонятно, почему подавляющее большинство охотников пользуются с начала и до конца сезона только одним способом. Впрочем, это их дело. Я буду поступать иначе.

21 октября

Сегодня я добыл первого соболя. Вот как это произошло.

С утра над тайгой нависли мокрые облака. Температура еще вчера поднялась выше 0°, и всю ночь шла морось, которая днем сменилась мокрым снегом. На реке шуга опять поредела и помельчала. Чертыхаясь, я все-таки вышел на охоту. Разумеется, ни о какой добыче я и не мечтал. Моя основная задача теперь — поставить побольше капканов, одновременно прорубая путик. Мальчик тем временем пошел в поиск: у него свои задачи.

Когда я уже заканчивал возню с пятым капканом, услышал лай Мальчика. Лаял он издалека и примерно так же, как облаивает глухаря. Но было и что-то новое в его лае. Поэтому я поспешил к нему. Продираться пришлось около километра, преодолевая долины ручьев и крутые водоразделы. Лаял Мальчик с большими перерывами, поэтому встретились мы с ним неожиданно. Увидев меня, он бросился к одной группе деревьев и залаял, задрав морду кверху. Я стал подкрадываться: может быть, там все-таки глухарь. Однако птицы там не оказалось: глухаря трудно не заметить. Радостная догадка оборачивалась явью, так как Мальчик продолжал азартно облаивать лиственницу. Разумеется, это не белка. Значит… соболь? Ну да! Вон он, сидит на ветке лиственницы, как белка, и смотрит вниз на собаку. Я вышел из-за деревьев и, не раздумывая, выстрелил навскидку, почти не целясь. Соболь комом полетел вниз, на мгновение застрял на нижней ветке и упал прямо в зубы собаке. Опасаясь, что Мальчик в азарте порвет шкуру соболя, который еще бился в предсмертной агонии, я бросился отнимать его. Завязалась драка. Ослепленный азартом, Мальчик забыл все уроки воспитания. Пришлось хорошенько наподдать ему, чтобы привести в чувство. Но потом я все-таки подозвал пса и позволил в качестве поощрения полизать морду соболя, не разрешая его кусать. После этого достал из рюкзака рябчика и дал половину, заодно приласкав. Так что бедный пес в течение одной минуты вынужден был испытать на себе сполна политику «кнута и пряника».

Во всей этой истории меня обрадовала не добыча — в конце концов зверек был одним из нескольких десятков соболей, которые я собирался добыть в этом сезоне, — а то, что собака моя наконец пошла на соболя. Значит, пробудился в ней охотничий инстинкт. И самое главное — она теперь зовет меня на помощь, призывая принять участие в ее охоте. Дикие собаки, например, не лают, потому что им некого звать. Ценность охотничьей собаки в том и заключается, что она не мыслит себе охоты без участия в

ней человека, ее хозяина. Вот этот-то инстинкт (вернее, навык) и надо закреплять в ней.

Должен сказать, что для местных охотников хорошая собака — это почти все. Она и мясо добывает, и пушнину. И настоящий охотник никогда не ограничивается только одной собакой. Обычно их у него две-три, а иногда и четыре. Работают собаки много. Но, поскольку сезон охоты с собакой сравнительно невелик — месяц от силы, охотник старается в этот осенне-зимний период использовать каждый день. Период этот считается самым продуктивным. Именно в это время добывается мясо и основное количество соболя. Метеорологические условия для охотника в такой ситуации не существуют, он их просто игнорирует. Разумеется, ему надо иметь железное здоровье, так как погода в это время весьма капризна. Мало того что он ходит по тайге с утра до ночи, он и ест от случая к случаю, одежда его никогда не просыхает до конца и спит он урывками, готовый даже ночью вскочить с постели и бежать на зов собак. Я знаю, что некоторые охотники умудряются, так вот охотясь, добывать до 30 и более соболей, не говоря уж о сохатых, которые добываются почти исключительно только при помощи собак. При этом не надо забывать, что охотнику приходится много работать и после добычи зверя. Особенно много возни с лосем. Ведь мало ободрать шкуру. Надо еще перетащить мясо к реке, что делается тоже не без помощи собак. Их впрягают в нарты и используют как тягловую силу.

Короче говоря, собака для местных охотников — это в потенциале 70 процентов его годового дохода. И хорошую собаку поэтому охотники никогда не продают. Она им служит до конца дней своих, ибо ей нет цены.

Из Мальчика может получиться хорошая собака. Его надо только обучить. У него хорошая наследственность, несмотря на малый рост. Это, прежде всего смелость и агрессивность — качества, которые встречаются у собак не столь уж часто. Остальное — дело наживное. Поэтому я уверен, что он пойдет и на сохатого, и на медведя. Для меня это важнее, чем все остальное, потому что я решил вести охоту не совсем так, как местные охотники. Во-первых, намерен в пушном промысле делать упор не на собаку, а на капканы. Следовательно, собака мне нужна прежде всего для добычи мяса, то есть для охоты на сохатых. Во-вторых, мне нужен и защитник. Шатуны здесь — не редкость; недаром в Туруханском районе, единственном в Союзе, за шкуру убитого медведя дают премию, хотя в остальных местах он находится под охраной государства. В позапрошлом году шатун задрал охотника, но чаще их нападения оказываются

роковыми для них самих, и собака, которая способна даже ценой своей жизни хотя бы на секунду задержать нападение зверя, может спасти жизнь своего хозяина; в такие моменты секунды играют огромную роль. А Мальчик, я уже знаю, не задумываясь, бросится на смертельно опасного зверя, защищая меня. Мне известно, что собак, идущих на соболя или белку, много, но медвежатниц — единицы.

Далеко не каждый охотник владеет такой собакой. Преобладающее же большинство собак уже при одном запахе медведя жмутся к ногам охотника, и некоторые дают стрекача. Я, конечно, не проверял еще на деле своего Мальчика, но интуиция мне подсказывает, что это будущий медвежатник.

Между прочим, я ставил свою избушку рядом с недавними следами медведя. Он приходил сюда полакомиться запасами бурундука и вырыл несколько ям. Семью бурундука я все-таки уничтожил, чтобы впредь медведь сюда не приходил. На Мальчика недавнее посещение медведя не произвело никакого впечатления. Уже то, что он не боится никаких неизвестных ему запахов, говорит о его бесстрашии.

Так что я хоть и радовался, что он наконец пошел и на соболя, но главное учение еще впереди. Он должен научиться держать сохатого и идти на медведя.

24 октября

Сегодняшний день еще с утра не обещал быть продуктивным. Сначала моросил дождичек, днем повалил хлопьями мокрый снег, облепив деревья мохнатыми тяжелыми шапками. Но к вечеру он весь сошел в виде капели, так как температура поднялась до +2°. В такую погоду все зверье сидит в норах. Но у меня еще не все капканы перетасканы, поэтому я пошел к устью Хурингды.

Все-таки этот маршрут самый утомительный. По-прежнему приходится идти по глубокому снегу (30–40 сантиметров), тропа каждый раз заносится. А сегодня я еще и промок до нитки. Если такая погода будет держаться до конца месяца, я не смогу добраться до базовой избушки, и тогда придется поголодать, потому что крупы уже на исходе. Правда, есть мясо. Что же, перейдем на мясо. У западных народов есть поговорка, что если человек в жизни не испытал голода, войны и любви, он не может считаться полноценным человеком. Я, конечно, и голод, и смертельную опасность, и тем более любовь не раз испытывал в своей жизни, но все-таки не хотелось бы обновлять эти впечатления (кроме, разве что, любви).

А пока же с блаженным удовольствием, затопив печку и сытно поев, я повалился на нары. До чего же это здорово! Только познав лишения и трудности, можно оценить самые заурядные бытовые удобства. Ведь скажи сейчас какому-нибудь закоренелому горожанину, как хорошо лежать на нарах сытым, в жарко натопленной избе. Он усмехнется. Потому что он до этого не промок до костей, не продрог на ветру и не испытал приступа голода. У него всегда под боком холодильник, со всякими яствами (в крайнем случае — рядом магазин). О топке он тоже не думает — есть центральное отопление. Моя пища, которую я с таким аппетитом уплетаю, у него вызовет только брезгливое недоумение. А я вот счастлив.

28 октября

Все эти дни шел мерзкий дождик. Я уже потерял всякое терпение. Ужасное мучение — знать, что дел по горло, а ты вынужден валяться на нарах и томиться от вынужденного безделья. Однако аппетит от этого не уменьшается, даже наоборот. Эти три дня мы с Мальчиком просто страдаем от неутолимого голода. С утра вынужден был сварить глухарку, а к вечеру еще двух рябчиков. Другого уже больше ничего нет.

Однако освобождение близко. Еще вчера вечером погода резко изменилась. Небо прояснилось и ударил мороз. Сегодня −15°, а температура все падает. Ночью наверняка понизится еще градусов на 10. Река парит, будто воду кто-то подогревает. Шуга пошла так густо, что вот-вот скоро остановится. И тогда я смогу перебраться на другую сторону. Андрей меня уже ждет. Ведь мы договорились встретиться через месяц, а месяц прошел.

В эти дни безделья я все-таки не бездельничал. Сначала окопал избу снегом. Когда он мокрый, то прилипает к стенам, как грязь. Изоляция стала двойной. Затем я оклеил избу изнутри бумагой. Так что получился третий слой изоляции. Теперь у меня только два слабых места — дверь, которая плохо пригнана, и печная труба, из которой тепло выходит беспрепятственно и, что досаднее всего, непрерывно. Но задвижку делать уже поздно.

С сегодняшнего дня у меня прибавилось работы, так как после дождей и последующего мороза все капканы надо заново настораживать, заодно меняя и приманки. Утром попытался, как обычно, пройти пешком, но из этого ничего не вышло. Мокрый снег, схваченный морозом, превратился в пористый лед, по которому идти стало чрезвычайно неудобно: нога продавливается глубоко под ледяную корку. Вынужден был вернуться и впервые надеть лыжи. Они загремели по насту, не оставляя даже чуть заметных следов. Хорошо еще, что у меня приклеен в двух местах камус, и поэтому отдачи не было. Но грохот стоит невообразимый. Несмотря на это, я все-таки умудрился подстрелить глухарку: выручила моя система. Однако после сегодняшней прогулки лыжи сточились так, будто их обработали наждаком. Еще несколько таких походов, и они превратятся в папиросную бумагу. Нужен свежий снег.

29 октября

Сегодня я одержал при помощи Мальчика огромную победу. Чтобы оценить ее, надо вернуться немного назад.

У меня сейчас три путика — два по обе стороны от дома вдоль реки и один поперек ей. Так вот, на прибрежные путики вышел почти неделю назад один соболь. Но, вместе того чтобы попасться в капкан, он сначала их обходил, а потом стал каким-то образом растораживать и съедать приманку. Я был немало озадачен и даже растерялся. Раза два я проходил заново все путики и каждый раз обнаруживал изощренный разбой. Такого не было не только в моей практике, но даже в рассказах бывалых охотников подобного мне не приходилось слышать. Ведь все капканы установлены по-разному, и к каждому есть свой ключ для разгадки. Но эта бестия отлично изучила всю механику и умудрялась утащить приманку почти из каждой ловушки. И, что поразительнее всего, из некоторых капканов даже человек не вытащил бы приманку, не попав в него. Так в этих случаях соболь уступал. Но видно было, что он не сразу сдавался: все подходы бывали выгрызены и исцарапаны. Он делал это, либо чтоб подкопаться снизу и рассторожить ловушку, либо от бессильной злобы. Я был в отчаянии и уж молил бога, чтоб эта каналья убралась отсюда куда угодно: ведь разоренные путики пропускали и других соболей. Я это отлично видел по следам разбойника. К тому же они были какие-то ненормальные, с дефектом. Сначала я думал, что он трехлапый, но потом рассмотрел и след четвертой лапы. Однако ставил он их как-то не по-соболиному, а скорее по-заячьи. Этот узурпатор упорно не покидал территорию моих путиков, проходя десятикилометровое расстояние то в одну, то в другую сторону и не пропуская при этом ни одного капкана. Он их знал наизусть и, видимо, рассчитывал так прожить всю зиму, кормясь моими приманками.

Я не знал, что придумать. Призвал на помощь Мальчика, показал ему на след. Он, кажется, даже понял меня, но расшифровать следы не смог. Неопытный. С другой собакой я давно поймал бы этого дьявола, но что возьмешь со щенка, у которого на боевом счету всего один соболь да несколько глухарей. И вот сегодня я пошел снова восстанавливать капканы (вчера ходил в другую сторону). Я уже знал, что разбойник однажды в своей жизни побывал в ловушке. При этом изрядно помучился, прежде чем вырвался. Лапы его уцелели, но походка изменилась. Вероятно, ему стало трудно добывать пищу в тайге, что-то у него нарушено. Во всяком случае, координация движений

не та. Но зато он отлично расшифровывает хитрость человека и ставит тем его в тупик. Я вынужден был признаться, что в поединке с ним терплю одно поражение за другим. С расшифровкой каждой новой моей уловки этот дьявол становился все опытнее. Если он будет терроризировать меня весь сезон, я не добуду себе соболей даже на пропитание. Вся надежда на Мальчика. И, выходя сегодня на охоту, я дал обет: если пес изловит его, я накормлю своего друга до-отвала (такого уже давно с нами не происходило). А негодяй заходился сейчас именно в этой части путика.

И что же? О чудо! Я слышу лай. Да не такой, как на глухаря, а с повизгиванием. Я не сомневаюсь, что это соболь, и спешу, гремя лыжами и не соблюдая никаких предосторожностей, так как знаю, что если Мальчик загнал его на дерево, тот никуда не уйдет. И действительно, на молодой невысокой лиственнице сидит соболь, а рядом под старой лесиной свежевырытая нора — работа Мальчика. Видно, соболь сначала решил укрыться от преследования в корнях старого дерева, но Мальчик разворотил это убежище. Вот ведь, работал молча; позвал меня, лишь когда убедился, что сам не справится. Хорошо еще, что вовремя заметил, когда соболь выскочил из-под лесины (разумеется, не там, где велся подкоп).

Соболь увидел меня, но устремил все внимание на собаку, своего главного врага. Я сбросил его с ветки одним выстрелом и дал Мальчику вволю потрепать жертву.

От собаки, своего главного врага, лучше убежать на верхушку дерева

А злой гений между тем оказался маленькой соболюшкой, за шкурку которой на приемном пункте вряд ли дадут 20 рублей. Только мне известна истинная цена этого зверька.

За доблестную работу Мальчик тут же получил целого рябчика. Проглотил он его вместе с потрохами.

Вернувшись домой, я немедля содрал шкуру с соболюшки и только тут понял, в чем дело. Оказывается, зверек действительно побывал в капкане, но попался не лапой, а головой, что случается очень редко. Вернее, дужка капкана здорово саданула его по голове. Удар был настолько сильным, что разбил черепную кость. Однако зверек успел ускользнуть из смертельных тисков. Потому-то и остался на свободе. Все это произошло не в текущем сезоне, а в прошлом, потому что рана давно зарубцевалась. Так что соболь почти целый год жил с пробитым черепом. Разумеется, встреча с техникой не могла остаться бесследной. Какие-то

двигательные центры у него были все-таки нарушены, но на сообразительность это не повлияло. Этот злосчастный пример еще раз утвердил меня в убеждении, что соболь — умнейший зверь. А попадается он в наши примитивные ловушки из-за своей дерзкой смелости, которая и делает его неосторожным. Но когда он осознает опасность, изощренность его ума не знает границ.

10 ноября

Первая декада месяца промелькнула, как один день. Дни были так насыщены, что я не успевал проанализировать все события, а о записях и говорить не приходится.

1 ноября я пошел на базу. При переходе реки пришлось снять лыжи, так как лед состоял из одних торосов. Только у берегов стали появляться свежие наледи. Приурезовые наледи — обычное явление и наблюдаются вплоть до января. Чтобы не провалиться, я перебрался к берегу по-пластунски. Всего на дорогу затратил четыре часа. Пришел на базу весь мокрый, несмотря на двадцатиградусный мороз. Но это уж от пота.

Надо сказать, я здесь потею больше, чем в пустыне летом. И это не удивительно. Во-первых, ходишь на охоте в хорошем темпе, во-вторых, дома, когда готовишь пищу, печку топишь вовсю. Поэтому температура в избе поднимается до 50–60°. Разумеется, раздеваешься до нижнего белья, но и его хоть выжимай. Короче говоря, постоянно приходится находиться в резко континентальном климате. Переходных промежуточных условий нет. Из жаркой избы выбегаешь раздетый на мороз не только для того, чтоб охладиться, но и по делам: принести дров, воды и так далее.

И что же? Может быть, я хотя бы раз простудился или просто чихнул? Ничуть не бывало! Здесь, в тайге, воздух настолько стерилен, что, даже если и захочешь заболеть, не получится. Да, здесь климат суров, но здоров. И пот, который льется из меня ручьями, тоже здоровый. Жаль только, что у меня нет шерстяного нижнего белья. Оно никогда не бывает влажным, и в любой мороз поэтому в нем не замерзнешь. О бумажном белье этого не скажешь. Достаточно немного постоять — и мороз доходит до мокрого нижнего белья. После этого надо снова бежать, чтобы тепло тела вытеснило холод наружу. Суше от этого не становишься, но и холода уже не чувствуешь. Вот так и ходишь по тайге целый день, все время в постоянном движении, даже при остановках, когда возишься с капканами. Привалов я обычно не делаю. При тяжелом рюкзаке я просто изредка его сбрасываю и разминаю затекшие части тела. Но прекращать движения нельзя. Это опасно. Видимо, поэтому приходится так много тратить энергии на охоте, что в свою очередь и вызывает нечеловеческий аппетит.

Вот и сейчас, за эти четыре часа, я так проголодался, что пожалел об оставленной дома каше: надо было ее все-таки захватить с собой, чтоб не мучиться и не ждать, пока будет готова

пища. Однако Андрей оказался предупредительным. Несмотря на то, что его в избе не оказалось, на столе лежала записка, где говорилось, куда надо заглянуть, чтоб утолить голод, и мой, и собаки. Эта чуткость оказалась кстати, и я был благодарен Андрею за нее. Утолив приступ голода, я растопил печь и принялся готовить пищу для Андрея и его собак. Вскоре вернулись с охоты и они.

— До чего же приятно приходить в теплую избу, — сказал, улыбаясь, Андрей после приветствия.

— Не знаю, мне это ощущение пока неизвестно, — пошутил я, — моего возвращения с охоты, к сожалению, никто не ждет и избу не греет.

— Ну, как твои дела?

— Плохи, всего три штуки. А у тебя?

— Двенадцать.

— Отлично. В этот вечер мы о многом переговорили, хотя встретились так, будто расстались только вчера. В основном, конечно, говорили о соболях.

В повадках этого зверя много непонятного. Вернее, мы, люди, слишком мало знаем о нем. Например, нам известно, что соболь — житель оседлый. С другой стороны, известны случаи, когда появляется так называемый ходовой соболь, который мигрирует вдоль рек, и которого в этот период охотники добывают в больших количествах. Говорят, это связано с неурожаем кормов. После такого года численность соболя резко падает. Однако уже через год она почти полностью восстанавливается. Падение численности в неурожайный год, по-видимому, связано не только с промыслом на соболей. Скорее всего, это процесс естественный, при котором в голод выживают сильнейшие и наиболее приспособленные. Зимой 1969/70 года соболь голодал. В этот сезон охотники добыли по сотне и более штук. Зато год спустя, то есть в 1970/71 году, пришлось довольствоваться двумя-тремя десятками на брата. Нынешний сезон должен быть нормальным.

Вот и все, что пока известно о соболе. Может быть, опытным охотникам известно и больше, но они не публикуют свои наблюдения. Так что придется самому до всего доходить. А не ясного очень много. Взять хотя бы нас с Андреем. Мы с ним охотились на разных берегах, и результат налицо. Но и у него не всюду одинаково шло: больше половины соболей попалось на крохотном участке длиной всего полтора километра. Чем объяснить такую неравномерную плотность зверя? Где ставить капканы? Это надо знать, иначе работа будет малопродуктивной. Некоторые охотники ведут путики вдоль рек, другие — поперек. Думаю, что главное не в этом, так как среди тех и других есть

рекордсмены, добывающие стабильно до сотни штук в сезон. Значит, что-то другое? А что? Придется провести вести эксперимент. В этом году я смогу охватить территорию порядка 60 квадратных километров. Постараюсь расположить путики как можно разнообразнее. В конце сезона подведу итоги, какой путик сколько дал. Вероятно, составлю несколько таблиц. И вот, когда на руках у меня будут эти данные, попытаюсь объяснить их и выявить закономерность. Конечно, одних моих наблюдений будет маловато. Но есть еще Андрей. Правда, он не верит в мои исследования, но это неважно. Главное — я буду располагать его данными. А вера его мне не нужна. Достаточно того, что я сам в себя верю. И вот там уж посмотрим.

…На базе я провел три дня. Мылись в бане, пекли хлеб. Я отоварился у Андрея продуктами и впервые вдоволь поел каши. Четвертого числа пошел назад. Загрузил продуктам рюкзак и направился по новому пути — начал пробивать путик по правой стороне Вахты. Поставил семь капканов, затем перешел на свою сторону реки и… обнаружил свежие следы соболя. Три дня назад здесь было мертво. Никаких намеков на соболя. А сейчас все исхожено. Мальчик исчез из виду. Но мне было не до поисков. Я шел из последних сил. Стало смеркаться. И вдруг в полутора километрах от дома обнаруживаю разоренную ловушку. Соболь попался, но открутил проволоку и ушел вместе с капканом. Обидно. Но виноват я сам. Надо быть внимательным. Когда обжигал привезенную с собой стальную проволоку, видимо, пережег, потому что Соболь открутил ее в самом мягком месте. На будущее наука — обжигать равномерно и не сильно. Порой и такие незначительные детали решают исход дела. Впрочем, сокрушаться долго не пришлось: недалеко от дома на последнем капкане, я все-таки обнаружил застывшую тушку соболя. Удивительное дело! То нет ничего, то сразу появилось несколько штук. И это не все — по следам я видел, что рядом ходит и третий соболь. Идти за Мальчиком, который явно гонялся именно за ним, я был не в состоянии, но про себя отметил, в каком направлении завтра пойти преследовать его. Поэтому я отозвал Мальчика, чтобы он попусту не тратил силы.

На следующий день я с рассветом устремился к своему поперечному путику, куда, по моим наблюдениям, ушел третий соболь. И сразу убедился, что иду правильно. Этот соболь тоже оказался хитрым. Ни один капкан не обошел, наведался к каждому. В одних случаях он умудрился выкрасть приманку, в других, где это оказалось невозможным, предусмотрительно отступил. Но на пятом все-таки попался. И опять моя оплошность! Зверек раскрутил проволоку и ушел с капканом. Второй случай.

Не много ли за два дня? Но если вчера я не мог преследовать соболя, так как следы уходили вниз под обрыв, где оказались заметенными, то сегодня, несмотря на снегопад, они были ясными и говорили, что соболь оставил их всего два-три часа назад. Я бросился распутывать их. Мальчик исчез еще с самого начала, и пришлось действовать без него. Но не успел я пройти и километра, как вдруг услышал лай. Развернулся почти на 180° и побежал на зов. Мальчик лаял азартно, и я не сомневался, что он прихватил ушедшего соболя. Действительно, я увидел их обоих. Соболь подлез под поваленное дерево, а Мальчик норовил схватить его, забегая то с одной, то с другой стороны. Дерево ему мешало, и он начал звать меня на помощь. Я подбежал, сбросил лыжи, но только протянул руку, чтобы схватить зверька, как тот опередил меня и цапнул, отхватив, как бритвой, клок мяса с ладони. Однако Мальчик тоже не зевал. В этот момент он все-таки схватил соболя и вытащил его из-под дерева. Началась свалка: соболь вцепился в ноздрю собаки, и та подняла визг. Не обращая внимания на кровоточащую рану, я схватил за грудь соболя и сильно сдавил. Он отпустил бедную собаку, только когда испустил дух.

На следующий день я пошел по третьему своему путику и опять подобрал соболя. Таким образом, все три моих путика дали по соболю (на считая ушедшего). Причем зверьки ходили недалеко друг от друга и попались в радиусе полутора километров от дома. Этот факт тоже небезынтересен. Но объяснения пока ему нет. Что же, будем терпеливо наблюдать и собирать сведения.

Седьмого числа я снова направился на базу. На этот раз сразу пересек реку, чтоб пробить путик от дома и соединить его с недоконченным, который начал, возвращаясь с базы в прошлый раз. Я поставил восемь капканов и вышел точно туда, куда хотел. По пути все время встречал свежие следы соболя, который шел той же дорогой, что и я, но только опережал меня на час или два. Как видно, он не пропускал ни одного капкана, но в одном приманку склевали птицы, в другом он сам умудрился сбросить ее и съесть, в третьем же что-то ему помешало, и он быстро ушел. Зато когда я приблизился к четвертому капкану, то увидел живого зверька во всей его красе. Я пожалел, что со мной не было фотоаппарата или кинокамеры, и обрадовался, что рядом нет Мальчика: тот порвал бы соболя на части.

На базе я долго не задерживался. Взял порцию продуктов и пошел обратно, пробив по дороге еще один путик. Надо сказать, в эти дни я интенсивно ставил капканы. Каждый день ходил по новым местам, пробивая все новые дороги: надо претворять свой

план в реальность. Теперь у меня уже девять путиков. Правда, я еще не довел их до проектных размеров, но главное, обозначил. С каждым обходом буду наращивать их и так доведу число капканов до 150. Стараюсь ставить их пореже — на один километр три штуки. У Андрея они стоят чаще, но у него и капканов в три раза больше.

Сегодня был удачный день. Поставил 12 капканов на поперечном путике по притоку Бахты — Дялингде и принес двух соболей. Это все Мальчик старается. Пока я ставлю капканы, он носится по тайге, распутывая свежие следы. Первый раз позвал меня в полдень, в разгар моей работы. Второй раз — уже после охоты. Оказывается, в наше отсутствие к избе приходил соболь. Видимо, его привлек запах дичи, развешанной у меня в палатке. Достать ее ему не удалось, и он ушел. Но Мальчик не мог пройти мимо такого дерзкого поступка. Он взял след и скрылся за деревьями. Я не пошел за ним, и без того утомленный напряженным днем. Но, занимаясь домашними работами, я все-таки выходил из избы прислушаться, не лает ли. И действительно, примерно через час услышал лай. Определив направление, побежал на зов. Мальчик сидел почти в ста метрах в стороне от дерева, где устроился соболь, и изредка подавал голос. Бедняга, видно, томился, раздираемый противоречивыми чувствами: с одной стороны, зверь, которого обидно вот так вот оставлять, с другой — страшный голод, ведь с утра ни маковой росинки во рту. Поэтому мое появление пес воспринял как разрешение всех противоречий. Обрадовано подбежал к дереву и залаял, задрав морду кверху.

27 ноября

Говорят, нет худа без добра. Но я могу с таким же успехом утверждать, что нет добра без худа. И вот на каком основании. Как и следовало ожидать, соболя пришли. Причем опять сразу много — почти на всех путиках появились следы. Я не знал, куда бежать раньше. А бежать надо было, потому что кроме меня появились другие охотники на соболей. Мне уже дважды пришлось обнаруживать в сработавшем капкане зажатую лапу соболя. Причем соболь не сам ушел. Точнее, он даже и не уходил. Его просто кто-то сорвал и унес. В первом случае следы были заметены снегом, а во втором хорошо сохранились. Я не следопыт, но по роду деятельности должен уметь разбираться в следах. Так вот, эти следы напоминали лисьи. Однако были чаще. Я сделал вывод, что это либо енотовидная собака, либо песец. Ни той, ни другого я в жизни не видел, разве что на рисунках. О том, что они здесь водятся, тоже ни от кого не слышал. Может быть, это Мальчик шкодит?

Я терялся в догадках. Мне, например, было известно, что бичом для местных охотников является росомаха. Эта разбойница не только сжирает попавшихся в капкан соболей, но и проникает в избушки, когда нет охотника, и рвет и рушит там все, что подвернется под ее лапу. Ужасно вредный зверь. У Андрея она тоже побывала в одной из его трех избушек. Выбила окно, проникла через него и порвала там оленью шкуру. К счастью, ничего другого внутри не было. Но в моем районе я пока не видел росомашьих следов, а вот цепочка следов таинственного зверя встречается мне все чаще и чаще. Поэтому, не теряя зря времени, я решил быстро перестроиться. Пока не будет изловлен воришка, мой труд может превратиться в сизифов. С этой целью я решил поставить капканы и на нового зверя. Он с удовольствием пожирает ту же приманку, что я ставлю на соболя. Причем снимает ее совершенно спокойно, проходя по жерди. Очевидно, сбивает ее прыжком. Рискованное занятие, может как-нибудь угодить и в капкан. Чтобы облегчить ему эту возможность, я начал ставить капканы под деревьями. А сверху подвешивал на нитке приманку. На такую ловушку и соболь попадется. Надо лишь выбирать деревья с раскидистой кроной, чтоб капканы не заносило. Эти делом я и занимался последнее время.

Если я успевал, добыча была моей. Но это мне не всегда удавалось, так как воров было больше, и, пока я ходил по одному путику, они очищали другой. Приманка моя нравится всем. Она привлекает и соболя, и нового зверя. Только если к ней раньше

придет соболь, то он сам становится хорошей приманкой для другого хищника. А если тот придет раньше, то соболю здесь делать уже нечего. Так что, если я не выловлю этих разбойников, вся моя охотничья карьера обречена на провал. Придется полностью переключиться на новый метод установки капканов.

2 декабря

Каждый день прихожу домой еле волоча ноги. Эти гонки с невидимым врагом измотали меня вконец. Я так уставал, что из-за переутомления у меня начались головные боли. Это беспрецедентный случай, ибо голова у меня почти никогда не болит. Пришлось заняться самим собой и лечиться.

И вот, наконец, мои труды дали первый результат. Вор попался. Им оказался белый песец.

Я шел по круговому путику. Примерно начиная с середины его, на лыжню вышел песец и двинулся по ней, проверяя все мои капканы. Это не сулило ничего хорошего: здесь на земле под деревом было установлено всего два капкана, да и те самом конце путика. И, следовательно, прежде чем дойти р них, песец разорит более десяти моих ловушек. Хорошо еще если только съест приманку. Но мои надежды на лучший вариант не оправдались. Случилось худшее. До песца здесь побывал соболь, и к моему приходу от него осталась только лапа, зажатая дугами капкана. Судя по свежести следов, пиршество состоялось недавно, максимум за день до меня. Обидно. Это уже четвертый соболь, пропавший вот так, бездарно. Настроение испортилось. Огорчала не столько пропажа ценной шкурки, сколько бессилие. Конечно, будь у меня мотонарты я смог бы гораздо быстрее расставить ловушки на самозваного конкурента. Но на своих двоих я был подобен черепахе. И это меня бесило.

Однако я продолжал идти и вскоре обнаружил место, где сытый хищник поспал, свернувшись в клубок, а потом двинулся дальше. С лыжни он не сходил — понравилось. Но вот, наконец, и первый капкан на земле. Я с надеждой всматриваюсь сквозь ветви: напрасно. Да если бы там кто-нибудь был, Мальчик бы предупредил меня. Обнаружив в капкане соболя, он всегда бежит ко мне навстречу с радостной вестью, будто желая сказать: «Пойдем быстрее, он там висит». Но на этот раз Мальчик не подал никакого знака. Я подошел к дереву. Приманка съедена. При этом хищник топтался на капкане, но тот не сработал. До чего же неудачный день! Проклиная все на свете — изготовителей капканов, себя за недосмотр, — я шел, совсем потеряв надежду изловить негодяя. Из мрачного состояния меня вывел неожиданный лай Мальчика. Вернее, это был не лай. Просто Мальчик, как и я, шел, видимо, в задумчивости и вдруг столкнулся носом к носу с незнакомым зверем. Вот он и вскрикнул по-собачьи. Ну, в самом деле! Разве в тайге с живым зверем так сталкиваются? Мальчика понять можно. Однако

замешательство длилось лишь мгновение. В следующее мгновение он бросился на незнакомца и стал душить его. Когда я подбежал, песец уже не сопротивлялся. Видно, сильно обессилел, пытаясь высвободиться из капкана. Я не спеша снял лыжи, подошел к обоим. Мальчик продолжал держать песца за загривок, но, мне кажется, тот не чувствовал никакой боли — уж очень плотный мех, прокусить его просто невозможно. Поэтому песец спокойно лежал, посматривая на нас испуганными глазами. Впрочем, шевелиться ему не давали два капкана: с одной стороны, челюсти Мальчика, а с другой — железные тиски, в которые он угодил задней лапой. Итак, враг определен. Но это еще далеко не все. Теперь надо его либо уничтожить, либо нейтрализовать. Для этого надо продолжать ставить капканы на землю. Это, конечно, сопряжено со многими неудобствами: капканы заносятся и поэтому быстро становятся бесполезными. Придется, следовательно, их чаще обходить и расчищать. А я и без того не успеваю проверять свои путики. Песцы в местных краях — редкие пришельцы. Это жители тундры. Питаются они в основном леммингом. Но, как и всякий грызун, лемминг подвержен резким колебаниям численности. Вероятно, в этом году у них мор (или еще что-нибудь в этом роде), и песцы вынуждены мигрировать в тайгу в поисках пищи. Но тайга не обладает неограниченным количеством кормов. Песец питается тем же, чем и соболь. А раз так, то, в этом году опять есть все условия для появления ходового соболя (во всяком случае в северных районах). Так вот почему в последнее время соболи мне попадаются только на северном берегу Вахты! (У Андрея та же картина.) И вот почему приход песцов совпал с приходом большого числа соболей (с севера!). Да, кое-что проясняется. Что ж, значит, в этом году я могу наловить не только соболей, но и песцов. Зато на будущий год придется довольствоваться малым. Впрочем, до следующего сезона далеко. Надо сейчас глядеть в оба. Иначе не добудешь ни тех, ни других. Необходимо как можно быстрее перестроиться. На деревья больше капканы ставить не буду. Достаточно того, что есть. Теперь только под деревья. И побыстрее!

9 декабря

Был у Андрея. Оказывается, к нему песцы почти не заходят. Видел он однажды единственный след и тот лишь на реке. Странное дело, у меня они свирепствуют, а у него все спокойно.

За эти дни у нас с Мальчиком произошли события, которые могли стоить нам жизни. Однако в обоих случаях мы с честью выдержали испытания.

Сначала судьба подвергла суровому экзамену Мальчика. Получилось это так. Как-то возвращались мы с очередного обхода. Естественно, устали и изрядно проголодались. Но уже около дома обнаружили свежие соболиные следы. Мальчик вмиг воспрянул духом и пошел по следу. Мне было не до соболя. Весь остаток дня, до самой ночи я выходил прислушаться, не лает ли. Но ничего не было слышно. Утром я пошел по одному из ближайших путиков в надежде обнаружить след Мальчика. Но здесь его не было. Значит, ушел в другом направлении. Однако в этот день идти на новый поиск я уже был не в силах. Опять подосадовал, что у меня нет мотонарт. Ведь могло случиться худшее — Мальчик мог случайно попасть в один из капканов, что я установил под деревьями. Некоторые стоят так близко к лыжне, что собака может наступить на замаскированную ловушку. И тогда все пропало. Еще ни один зверь не выдерживал плена в тисках у железа больше суток. И соболь, и песец рвутся до тех пор, пока, обессиленные, не валятся и не засыпают вечным сном. Мальчик отсутствовал вторые сутки. На следующее утро я уже не сомневался, что он угодил в капкан и давно мертв.

В обход я пошел в подавленном настроении. Отойдя километра два, вдруг обнаружил следы недавней драмы: в капкан попался песец. Угодив задней лапой, он вертелся до тех пор, пока не открутил проволоку. После этого сошел с лыжни и подался в лес. Я стоял и не знал, что делать: искать ли Мальчика или идти за раненым песцом, который, судя по следам с кровавыми пятнами, далеко уйти не мог. Решил, что труп собаки от меня не убежит, а вот песец, возможно, где-нибудь притаился, и его надо быстрее настичь, иначе где-нибудь зароется и погибнет. Следовательно, пока не занесло следы, надо искать.

Однако зверь оказался достаточно сильным, чтоб не только уйти, но и запутать следы. Он несколько раз делал этакие звездочки, уходя и возвращаясь к одному и тому же месту, и трудно было определить, по какому следу надо идти, чтобы не куролесить зря по лесу. Для этого я делал круг и находил единственный выходной след. И вдруг увидел сразу три следа:

песцовый, соболиный и собачий. Они скрестились. Я сразу понял, что произошло. Песец случайно натолкнулся на след соболя и пошел дальше. Но Мальчик, преследовавший соболя, наткнувшись на свежий след песца, который к тому же пах и кровью, оставил соболя и переключился на песца. Теперь мне проще стало распутывать следы, потому что Мальчик сразу разгадывал уловки песца и шел именно по тому следу, который был последним. Собачий нюх не проведешь. Через два часа хождения по тайге я снова очутился на лыжне. Песец убедился, что по лыжне с капканом идти куда легче, чем по целине и зарослям. И тут, пройдя всего метров 300, я увидел Мальчика. Случилось то, чего я боялся. Он попал в капкан, уготовленный для песца. Но… вместо безжизненного трупа я увидел грустные виноватые глаза, смотрящие на меня с надеждой и испугом. Почему испугом? Да потому, что капкан стоял в полутора метрах от лыжни, и, чтоб угодить в него, надо потянуться за приманкой. А он прекрасно знает, какое следует наказание за попытку схватить приманку. Раза два я его крепко побил за нарушение запрета. Но он опять его нарушил. И вот теперь, увидев меня, и обрадовался, и понял, что наказания не миновать.

Я же первым делом бросился освобождать его лапу. Он заскулил от боли. Это меня обрадовало: если лапа не потеряла чувствительность, значит, она не замерзла и, следовательно, останется целой. (У собак не бывает гангрены, так как они отгрызают замерзшие конечности, чем и сохраняют себе жизнь.) Я сначала удивился тому, что лапа даже не замерзла, хотя и была зажата дугами капкана. Но потом присмотрелся и все понял. Мальчик поступил совсем не так, как любой дикий, зверь, попавший в капкан. Если тот рвется из ловушки, пока не потеряет последние силы, то Мальчик предпочел их сохранить. Впрочем, он думал, конечно, не о сохранении сил, хотя именно это и спасло его. Сила — это энергия, а энергия — это тепло, а тепло это жизнь. Несмотря на мороз, Мальчик не только не замерз сам, но и смог держать в тепле зажатую в капкан лапу. Для этого он вырыл глубокую яму, уйдя в нее с головой, улегся там калачиком. В снежной яме было тепло и он мог бы просидеть там и больше, чем эти двое суток Однако спасло его, безусловно, другое — вера во всемогущество человека, что явилось основой его иного поведения в сравнении с дикими зверями. Те не знают, насколько всемогущ человек, а собаке это известно. Человек легко может бросить к ногам собаки птицу, сидящую на дереве, или соболя, загнанного туда же. Собаке это недоступно, и она умеет оценить превосходство. Собака знает и то, что, если человек захочет, она не сдвинется с места, привязанная цепью. Попытки вырваться ни

к чему не приведут, и она понимает бессмысленность этого занятия. Поэтому, когда Мальчик попал в капкан, он понял, что вырваться из него невозможно, поскольку это сооружение человека, а все, что делает человек, выше собачьих возможностей. Эта вера во всемогущество человека и спасла Мальчика, ибо он, понимая бессмысленности попыток вырваться, не стал понапрасну дергаться, чем сохранил свои силы и, в конце концов, жизнь. Более того, вера в человека, в хозяина была настолько в нем непоколебима, что он не только не сомневался, что его вызволят из беды — нет, он думал совсем не об этом! — он думал о другом: что он ослушался запрета и теперь наказан. Да, да, он воспринял все это как наказание за ослушание, и поэтому-то во взгляде его была вина и покорность, а вовсе не призыв к избавлению от мучений.

Я понял его взгляд и потому не стал причитать и жалеть его. Наоборот, укрепил в нем уверенность в его вине, чтобы в будущем больше не попадался так глупо. Собаки прекрасно разбираются, ругают их или хвалят.

Вырвавшись на свободу, он первым делом облегчился. Вот ведь чистюля, двое суток терпел! Когда же я попытался к нему приблизиться, пустился от меня наутек, страшно ковыляя на трех лапах. Меня это рассмешило, и я погнал его, чтоб он отогрел и размял затекшие члены. Так мы гнались вплоть до самого дома. Время от времени я останавливался, чтоб дать ему отдохнуть и зализать кровоточащую рану. Но дома я его все-таки отстегал в педагогических целях. Он не сопротивлялся — знал, за что.

О песце конечно, забыл. Так он и ушел по лыжне. Больше его следы мне не встречались.

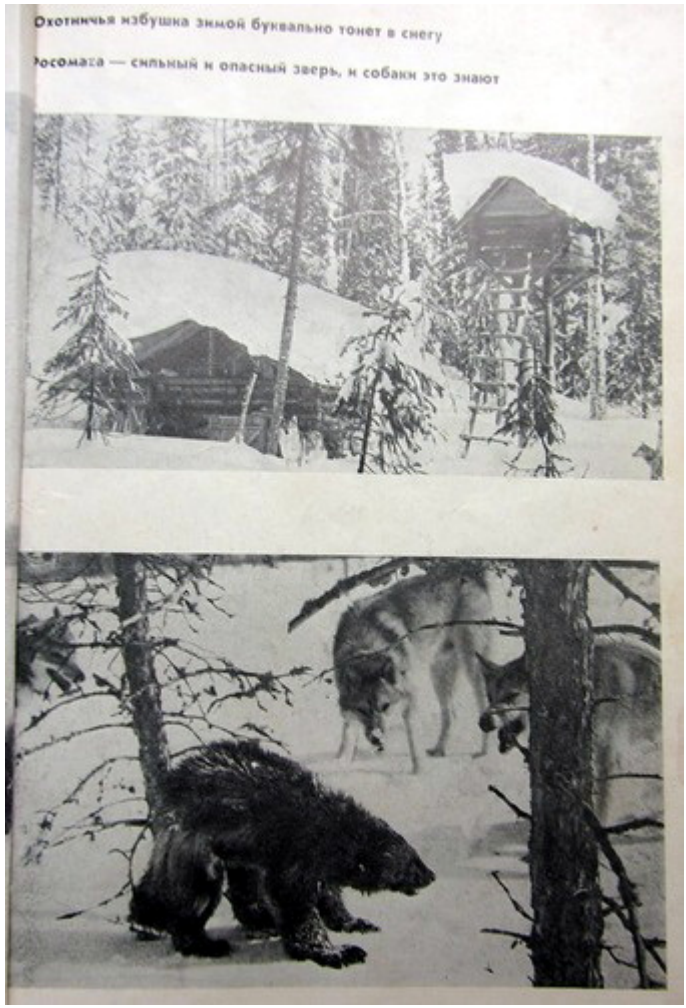
А Мальчик уже через два дня был в форме. Рану свою он зализал. Лучшего лекарства в таких случаях и не требуется. Поэтому я не вмешивался в курс лечения. Я только предоставил ему возможность всецело заниматься его лапой и не брал с собой на охоту. Правда, раньше я оставлял его дома, чтобы наказать этим за какую-либо провинность. Сидеть одному на цепи было для него страшным горем. Но на этот раз цепь не потребовалась. Достаточно было строго взглянуть на него и напомнить о его провинности, как он виновато, по-прежнему сильно хромая, шел на свое место. Хотя был готов сопровождать меня уже на следующий же день.

Итак, испытание судьбы закончилось благополучно.

…Со мной все было иначе. Как-то я пошел в очередной обход. Предстояло по пути переправиться через один из притоков Вахты — Дялингду. Ширина его метров 30–50, глубина тоже небольшая, но течение очень бурное, и в недавнюю оттепель, когда реки

вздулись, на нем в некоторых местах образовались купола. По одному из таких куполов я и решил пройти. Дальнейшие события произошли с такой молниеносной быстротой, что я действовал автоматически, не отдавая себе отчета. Послышался треск, и я почувствовал, что лечу вместе с куском льдины, на которой стою, вниз. Реакция была мгновенной. Льдина еще не коснулась воды, а я уже бросился, распластавшись, на край твердого льда. В следующее мгновение перекатился на спину и вскочил на ноги. Внизу бурлил водный поток, а кусок льдины, на котором я только что находился, уже исчез подо льдом. Я рассмеялся, издав нечто подобное победному кличу, и покатил дальше. Но только дома, в спокойной обстановке, осознал, какой смертельной опасности подвергался. Ведь замешкайся я на какую-то долю секунды, и уже вряд ли смог бы запрыгнуть на край льда. А затем меня моментально унесло бы под лед, откуда возврата нет. Вот так бы неожиданно и оборвалась моя эпопея. И никто никогда не узнал бы, как все это произошло.

24 декабря



Долго зима топталась где-то, не решаясь прийти. А уж пришла, так не обрадовались. С 15-го температура опустилась до −37° и теперь все дни держится около −40°. Но отлеживаться нельзя. Все эти дни я ходил, несмотря на морозы и несмотря на то, что «в ботиночках». И не напрасно. Каждый день возвращался с добычей. Соболи, видно, тоже забегали. В результате теперь у меня в активе 20 соболей и три песца, а в пассиве еще семь соболей и один песец. Это те, что не достались мне, но я их учитываю (для себя) и заношу в специальную графу своих таблиц. В конце концов, потери — явление не типичное, и в будущем я постараюсь от них избавиться. А пока для выведения

закономерностей надо учитывать каждого соболя.

У Андрея 29 в активе, в пассиве же всего один. Зато и песцов нет, хотя они наведывались изредка в его капканы. Но он теперь устанавливает капканы только на деревьях (NB), поэтому-то и вероятность поимки песца сильно уменьшается. Я посоветовал ему последовать моему примеру.

Завтра к нам должен прилететь самолет. Я полечу в Верхнеимбатское, чтоб заново отовариться и заодно немного развеяться. С этой целью и явился на базу. Ведь в Верхнеимбатском не знают, построил я зимовье или охочусь с базы.

Результатами я доволен, несмотря на высокий процент потерь. Для начала это неплохо, если к тому же учесть еще и небольшую площадь охвата. Рассчитываю за оставшиеся два месяца поймать примерно столько же. А на следующий год постараюсь территорию удвоить.

13 января 1972 г.

Я снова в своем зимовье. Каникулы кончились. Более полумесяца продержали нас в деревне. Это необычно. Но и события, которые там развернулись, тоже были необычными. Погибли два охотника. Один из них охотился, как и мы, на Вахте, только в 150 километрах ниже моего зимовья. Смерть настигла охотника прямо в пути. По позе видно было, что он мучился. Сначала предположили, что у него был острый приступ аппендицита, потом сказали — отравление. Мы так и не узнали подробностей следствия. Нашли его на двенадцатый день после смерти. Рядом лежали две собаки. Они были еще живы, хотя сильно исхудали. Верные своему хозяину, они не покинули его даже мертвого, хотя до деревни дорогу знали и могли бы пройти это расстояние всего за два дня. Однако они предпочли умереть вместе с ним, но не оставлять его на съедение с диким зверям. Второй охотник погиб при более загадочных обстоятельствах. Труп его был найден напарником погибшего уже на следующий день после смерти. Но, обнаружив окоченевшее тело, напарник не стал его трогать. Он решил добраться до деревни. Для этого надо было совершить трехсуточный переход. По пути он написал на снегу SOS, чтобы пролетающие местные рейсовые самолеты оповестили о бедствии. Стало известно, что с охотником произошел несчастный случай — он ранил себя из собственной же винтовки. Это был сравнительно молодой парень, тоже приехавший на охоту из города. Все это случилось перед самым Новым годом. В среде охотников события эти были восприняты спокойно, без паники, сдержанно. Люди больше думали об этом, чем говорили.

Новый год мы отмечали в узком кругу охотников. И сразу же забыли о нем, увлеченные воспоминаниями о прошедшем полусезоне. Интереснее темы для нас не существует. Ведь такие встречи — единственная возможность обменяться информацией. И мы старались не терять впустую время. К счастью, среди нас не оказалось ни одного любителя выпивки, и мы славно побеседовали. Разумеется, не обошлось и без споров. А основания для них были. В этот вечер я впервые высказал свои соображения относительно методов ведения охоты. А мои воззрения расходятся с общепринятой системой, крайним представителем которой является Фридрих Фишбух. С самого начала охоты до установления глубокого снежного покрова он ведет промысел зверя — в основном соболей — при помощи собак. У него отличная свора из четырех собак, которые ничто живое не

пропустят. Он с напарником еле поспевают за псами, которые облаивают то птицу, белку, соболя, то сохатого, росомаху, волка. Причем, действуя вместе, собаки представляют несокрушимую силу. Уже одно то, что они в этом году задрали двух волков (правда, одиночных), говорит о их возможностях. Так что собаки для Фридриха — основа охоты. В первую половину сезона он умудрялся добывать с ними до 30 и более соболей, не говоря уж о сохатых, мясо которых принимается от охотников почти в неограниченном количестве. Это тоже статья дохода, и немалая. Но с увеличением глубины снежного покрова собака становится беспомощной, и тогда Фридрих переходит на капканный лов. Он делает снежные домики, в которые и устанавливает капканы с приманкой.

Однако, наблюдая за промыслом, я понял, что эта система, хотя и продуктивна на первый взгляд, имеет изъян, и существенный. Давая собакам полную волю, охотник уничтожает все живое в радиусе действия своих неутомимых помощников. После них тайга мертвеет. Правда, зверь не стоит на месте, а постоянно мигрирует, приходя на пустующие территории, но ведь для этого должны существовать пространства, где не ведется подобная охота и где, следовательно, находится источник восстановления жизни в тайге. Поэтому Фридрих и выбрал для охоты самый дальний район, граничащий с дикой тайгой, чтобы та восполняла все потери на его участке. Но это было три года назад. А теперь самыми дальними стали мы с Андреем, и результат не замедлил сказаться. В этом году Фридрих со своими собаками добыл столько же соболей, сколько и я. А ведь моя территория в три раза меньше, чем его, и у меня были потери. Отсюда следует, что плотность соболей на моем участке в несколько раз больше, чем в его районе. И я уверен, что у меня плотность за лето восстановится, ибо я вылавливаю лишь приходящих соболей, а тех, что живут в тайге, не трогаю. И они, дав потомство, восстановят общую численность. У Фридриха же этого не происходит, так как его собаки заходят далеко в дебри тайги и подрывают саму основу воспроизводства.

Вот это я ему и высказал. Сначала он со мной согласился, но, когда я в качестве выхода из положения предложил перейти на капканный лов с самого начала, он яро заспорил и в конце концов заявил, что во всех его неудачах этого года повинны мы с Андреем и что теперь он во второй половине сезона будет охотиться еще выше по реке, оставив отдыхать разоренную им территорию.

Я не мог его переубедить, так как еще сам недостаточно четко представлял, что можно предложить взамен, чтобы и добычу не

снижать, и одновременно сохранять базу воспроизводства. Сезон не кончился, и я не собрал достаточно материала для подведения итогов. Так мы и расстались, не поняв друг друга.

…В день выброски в тайгу стоял пятидесятиградусный мороз. Меня высадили к моему дому, а не к Андрею, как в прошлый раз. Первым делом я растопил печку, а потом бегом начал перетаскивать привезенные продукты. Всего оказалось так много, что я решил часть их оставить на реке, накрыв брезентом.

Еще перед вылетом в тайгу я почувствовал недомогание. В это время по всей стране свирепствовала эпидемия гриппа, пришедшая с запада, и я, вероятно, заразился в деревне. Теперь я почувствовал, что болезни не миновать. Перспектива более чем неважная. За окном зверский мороз, изба не прогрета, ухаживать за мной некому. Поэтому я приготовил заранее все необходимое для длительного лечения. Обычно против гриппа применяют аспирин. Я этим лекарством умышленно не пользуюсь, потому что аспирин сбивает температуру и тем самым растягивает болезнь на более длительный срок. У меня другой принцип лечения. Я предоставляю организму свободу самому вырабатывать средства защиты. Поэтому на первых этапах ничем не препятствую повышению температуры тела, ведь известно, что этот процесс в несколько раз увеличивает сопротивляемость организма против заразы. И, только когда температура подскочит до 40°, я начинаю помогать себе лекарствами, преимущественно антибиотиками и сульфамидами. Этим я добиваюсь быстротечности процесса болезни. Безусловно, я понимаю, что данный способ лечения приводит к перегрузкам на сердце. Но пока оно выдерживало эти перегрузки. Зато через три — пять дней я буду здоров. А с аспирином можно затянуть на полмесяца и больше. Да и организм после такого длительного периода сильно ослабевает, и надо беречься, Чтобы не подхватить еще и осложнения. Короче говоря, надо мобилизоваться и перенести очередное испытание судьбы.

20 января

Какой-то непонятный грипп я подхватил. Температура, как и положено, поднялась высоко, но никакой слабости я не чувствовал. Работал по хозяйству и даже ходил на охоту, когда мороз на один день сдал до −40°. В общем, лежать не пришлось, хотя по вечерам температура тела повышалась до 39°, а ночью организм разряжался испариной. Я буквально обливался потом. И так продолжалось трое суток. В последнюю ночь после потоотделения я почувствовал в теле необычную легкость и сразу понял, что с болезнью покончено. Будучи больным, я ни разу не испытал слабости или отсутствия аппетита. Не знаю, чем объяснить такое протекание процесса. Может быть, особенностями самого гриппа?

Но, так или иначе, теперь все нормально. Теперь можно было бы заняться и охотой. Говорю «можно было бы», потому что не дают морозы. Зима какая-то необыкновенная: сначала никак не могла прийти, а теперь держит так, что температура не поднимается выше −40°; −50° по ночам не редкость, а бывает и ниже. Но изба у меня теплая. Ночью я не подтапливаю, а по утрам на уровне нар ниже −3 −4° не бывает. Но Мальчику спать приходится при −15°, потому что на полу, даже при раскаленной печке, температура всегда держится не выше 0°. Это все конструктивные недоделки. Признавая за собой вину, я разрешаю поэтому Мальчику проводить время днем на нарах. Границей раздела наших территорий служит свернутое в рулон одеяло. Я располагаюсь с одной стороны, положив голову на одеяло, он таким же образом устраивается с другой. Так мы и лежим целыми днями голова к голове. Делать-то больше нечего. Я в основном размышляю, а Мальчик продолжает спать, отдаваясь во власть сновидений. Время от времени он вдруг то зарычит, то тявкнет прямо мне в ухо. От неожиданности я начинаю возмущаться. Тогда Мальчик примирительно, с извиняющимся видом лизнет меня в ухо и, убедившись, что я «отошел», продолжает прерванное занятие. Удивляюсь, откуда в нем такая способность ко сну; у меня ее нет и я изнываю от безделья. Оказывается, это очень трудно — так вот лежать и ничего не делать. Теперь я начинаю понимать пенсионеров, которые, лишившись привычной трудовой деятельности, умирают от тоски, сначала фигурально, а потом и по-настоящему. Уверен, что эти люди прожили бы дольше, если бы не меняли так резко образ жизни. Очевидно, я проживу очень долго, так как к старости буду подготовлен и закален этими периодами безделья, которые в моем возрасте и

переносить труднее: энергии-то больше, и она рвется наружу.

1 февраля

По радио сообщают, что в Якутии морозы доходят до −62°. Такого не было с 1927 года. У нас та же картина. Однако на охоту я все-таки умудряюсь выскакивать. Мороз такой, что приходится делать все бегом. У капканов стараюсь задерживаться минимум времени, почти на ходу зачищая их. Но если обнаруживаю добычу, вынужден останавливаться минуты на две. За это время Мальчик успевает пробежаться вперед и назад несколько раз: он тоже пришел к выводу, что от холода спасает только движение. Но убегать далеко от себя я ему запрещаю, вот он и носится по лыжне туда и обратно, отрываясь от меня только метров на 100–150. Так, в бегах по пересеченной местности, и проходит охота. Но зато я снял хороший урожай. Ведь не проверял целый месяц. За это время на путиках застряло 12 соболей, а еще в шести капканах остались лапки. Это уже поработали мои конкуренты. На сей раз, орудовали уже не песцы. Трех сорвала росомаха, двух съели сами соболя, а одного подобрал волк. Росомаха и соболя-«каннибалы» были наказаны тут же, а вот волк оказался хитрее всех и избежал наказания. Происходило все это так.

Росомаха вышла на один из моих путиков, привлеченная запахом приманки. На мое несчастье, прошла она совсем недавно, когда на путике уже попалось два соболя. Она не раздумывая сорвала их с капканов и сожрала. Быстро разобравшись что к чему, она решила не сходить с лыжни и пошла дальше. Но в одном месте, пытаясь сбросить приманку с жерди, она угодила лапой в капкан. Борьба с капканом длилась около получаса. Я понял это по плотности снега, вытоптанного зверем во время попытки вырваться из железных тисков. Силища у росомахи, как у медведя, поэтому проволока в конце концов оборвалась, и капкан остался на лапе. Однако урок не пошел ей на пользу, и она угодила в следующий капкан, который стоял под деревом. И только после этого ушла с лыжни, унося оба капкана на лапах. Андрей рассказал мне впоследствии, что видел ее следы на своих путиках. Но к приманкам она уже не подходила. Третьего соболя съела другая росомаха буквально за несколько часов до моего прихода, потому что Мальчик взял след и пошел по нему. Однако после безуспешной борьбы со снегом он выбился из сил настолько, что я вынужден был отозвать его и прекратить преследование. Дело в том, что длительные морозы изменили структуру снега, и он стал совсем непроходимым. Внизу, у земли, он разрыхлился, образовав даже пустоты, а наверху покрылся коркой. По такому снегу много не пройдешь. Стоит пробить

поверхностную корку — а она непрочная, — как проваливаешься почти до земли. Поэтому Мальчик, сойдя с лыжни, утонул в снегу с головой. Я на лыжах проваливался по колено, а без лыж — по пояс. Пес пытался преследовать росомаху прыжками. Но ведь, постоянно ныряя, как в воду, долго не напрыгаешься. Росомаху-то корка снега выдерживала, потому что лапа у нее широкая, соболя — тоже, а вот волк уже проваливается, хотя след на лыжне у него раза в четыре крупнее собачьего.

Что же касается «каннибалов»-соболей, то они поплатились за разбой своей жизнью, угодив в наземные капканы. Один даже не успел переварить своего собрата, в чем я убедился, препарировав его из любопытства.

Но волка наказать не удалось — слишком осторожный зверь, не в пример соболю или тем более росомахе. Выйдя на лыжню, он к приманкам не подходил. Да и вышел-то он на нее лишь потому, что тяжело ему по такому снегу ходить. Однако мимо попавшего в капкан соболя не прошел. Умный бестия, сразу сообразил, что теперь уж капкан ему не опасен. Так и ушел безнаказанным. Увидев волчий след, Мальчик ничуть не смутился. Даже пытался преследовать волка. Но я запретил: слишком неравные силы. В единоборстве с собакой волк всегда выходит победителем. А с Мальчиком ему расправиться ничего не стоит. Тот еще глуп и обязательно ввяжется в драку на свою погибель. Мне уже несколько раз приходилось спасать его.

Впервые это было с Рыжим, кобелем Андрея. Они с первой же встречи невзлюбили друг друга. Встречаюсь я с Андреем только у него в избе, где Рыжий считает себя полноправным хозяином и любого пришельца, а тем более кобеля он встречает враждебно. К этому примешивается и чувство превосходства, так как Рыжий гораздо крупнее Мальчика и старше его. Если два кобеля живут вместе, то кто-то из них занимает главенствующее положение, а кто-то должен уступить. Рыжий считал, что уступать должен Мальчик. Но Мальчик придерживался на этот счет иного мнения. Он вообще никому никогда не уступал, несмотря на свой маленький рост, и здесь не намеревался этого делать. Видя все это, мы с Андреем держали кобелей на цепях у своих нар. Погулять выпускали по очереди. Но стоило оставить их одних, как они, рыча, рвали цепи, пытаясь достать друг друга. И однажды, подходя к базовой избе в одно из своих посещений, я увидел Рыжего, сидевшего перед избой, а рядом, скаля зубы, уже вертелся Мальчик. До дома было метров сто. Тут я увидел и Андрея, возвращавшегося с охоты. Собаки, как обычно, нас опережают. Андрей был от избы еще далеко и, кроме того, ничего не видел. Я поспешил к собакам, пока они еще не сцепились. Но

напрасно. Увидев меня. Мальчик решил, что идет подмога, и бросился на Рыжего. Завязалась жестокая драка. Я понял, что сцепились они насмерть, и если не задушат друг друга, то во всяком случае покалечат. И потому бросился разнимать этот клубок ярости. Раза два или три мне удавалось расцепить их, но долго держать их за загривки я был не в состоянии. Ослепленные ненавистью и неуступчивостью, звери рвались друг к другу, и силы меня оставляли. Я закричал Андрею. Тем временем псы уже начали хрипеть. Мы смогли их расцепить только объединенными усилиями. Опоздай Андрей на минуту — и мы лишились бы своих собак.

Два дня после этого собаки залечивали свои раны. У Мальчика была прокушена в нескольких местах лапа, но, к счастью, кость и сухожилия не пострадали. У Рыжего морда была искусана настолько, что, опухнув, стала похожей на бульдожью. Я уж не говорю о кровоподтеках, которые остаются на теле после укусов. Сдирая шкуры с соболей или песцов, покусанных Мальчиком, я видел, какие следы остаются от его зубов.

Другой раз он ввязался в драку со сворой Фишбуха, когда мы были в деревне. Уж они-то разорвали бы его в клочки. Опять пришлось вмешаться, схватив подвернувшуюся под руки жердь.

Вообще надо сказать. Мальчик ведет себя слишком неосторожно и независимо. По деревне он ходит, пересекая «чужие» владения с таким нахальством, что «хозяин», мне кажется, даже теряется от такой наглости. Может быть, поэтому ему не достается по-настоящему от других собак? А в том, что собаки в деревне злы и безжалостны, сомневаться не приходится, потому что то и дело видишь задранных в драке животных. Рассказывают, что нередко их тут же и сжирают. Не удивительно, ведь большинство хозяев не кормят собак. Только охотники промысловики по-настоящему заботятся о своих помощниках.

Изучив натуру Мальчика, я понял, что он, не задумываясь, бросится и на волка. Ведь волк внешне не отличается от собаки. Но зато хватка у них разная. Если собака кусает и отпускает, то волк хватает и рвет, не разжимая челюстей. Поэтому волчьи раны намного опаснее собачьих. Мальчик никогда не видел волка и поэтому легко спутает его с собакой. А мне известно, как он ведет себя с одинокими псами в моем присутствии: налетает на них молча, сбрасывает на землю и становится над ними с оскаленной пастью. Сбитая с ног собака обычно поднимает лапки кверху. Но волк лапки не поднимет, он вцепится в шею, и мне придется навек расстаться со своим другом. Я этого теперь уже не хочу и потому оберегаю его. Черт с ним, с этим волком, хотя, откровенно говоря, мне хотелось бы взять реванш за прошлогоднюю неудачу.

В прошлом году все произошло как-то сумбурно и глупо. Я тогда был еще в компании братьев Карповых и как-то пошел с Рыжим в одну из избушек. Была поздняя осень, и лед на реке только стал. Утром, поднявшись с постели, я вышел за дверь. И вдруг явственно услышал волчий вой. Забежав за избу, увидел на реке волка, который не спеша шел мимо, временами останавливаясь, чтоб повыть. Пригибаясь, я попятился назад, опрометью бросился в избу, схватил ружье и мигом вылетел обратно. За мной выскочил и Рыжий. Расстояние до волка было около 100 метров, и он уходил. На ногах у меня были ботинки, надетые на босу ногу, а вокруг снег по колено. Я спешно прицелился и выстрелил, хотя с такого расстояния из ружья круглой пулей вряд ли попадешь. Волк остановился и стал озираться. Промах. Я выстрелил снова. Волк подскочил как ужаленный и бросился бежать по льду к острову. А Рыжий, увидев направление моих выстрелов, помчался с обрыва вниз. Но, заметив на льду «собаку», на мгновение замешкался. Ведь он не привык охотиться на собак и поэтому недоуменно искал глазами привычный объект преследования. Однако, когда я послал с досады вдогонку еще один заряд, он припустил за волком.

И тут я испугался. Оставшись один на один с Рыжим, волк быстро разделается с ним. Я почти кубарем скатился с обрыва и побежал, на ходу пытаясь командой отозвать Рыжего обратно. Тем временем волк, добежав до острова, остановился и сел, глядя на погоню. Это олимпийское спокойствие не ускользнуло от внимания Рыжего. Поэтому он не налетел на волка, а благоразумно замедлил бег и обошел его стороной. Все-таки сказался житейский опыт. Рыжий в отличие от Мальчика не нападает на противника сразу. Он сначала оценит его силу. Сейчас он тоже ритуально подошел к крупному камню и сделал отметку, задрав ногу. Волк встал, подошел к тому же камню и проделал то же самое. По поведению Рыжего я понял, что он оценил силу противника и не спешит вступать в драку, хотя по комплекции они были почти одинаковыми. После ритуала отметин наступает этап обнюхивания. Если Рыжий подпустит к себе, беда неминуема. Я бежал что есть мочи и, стараясь предупредить сближение, снова выстрелил, хотя знал, что не попаду. Однако пуля, вероятно, прошла так близко, что волк шарахнулся в сторону и пустился наутек к противоположному берегу реки. Рыжий остался на месте. Беспрецедентный случай для поведения собаки. Но Рыжий — пес умный и опытный. Видимо, он прекрасно оценил ситуацию и понял, с кем имеет дело.

Добежав до берега, волк снова остановился, сел и стал

наблюдать за нами. Я израсходовал все патроны и позвал Рыжего назад. Волк тоже подался в тайгу.

Так бесславно окончилась моя первая встреча с волком. Виной всему ружье. Из винтовки я с первого же выстрела уложил бы хищника на месте. На будущее наука. Вести прицельную стрельбу из ружья пулей, да еще круглой, — бессмысленное занятие. В этих случаях надо пользоваться картечью.

И вот сейчас, несмотря на жажду реванша, я решил не рисковать. Мальчик для меня дороже, чем волчья шкура. Еще не известно, какие последствия были бы от этой встречи. Пусть сначала повзрослеет мой пес, а с крупным зверем ему еще не раз придется встретиться.

19 февраля

Вот и февраль пошел на убыль. А морозы сдали только 17-го. В первой декаде месяца я успел проскочить на базу и просидел там самые сильные морозы. Андрей был рад этому. Температура опускалась до −52°, и мы все равно сидели бы в своих избах. Так лучше вдвоем коротать зимние вечера. Правда, они стали не такими длинными, как раньше. Здесь день растет быстрее, чем в наших широтах, в Москве. Летом он здесь будет круглосуточным. Впервые видел северное сияние. Красиво. Вообще я заметил, что здесь в несколько раз чаще наблюдаются атмосферные оптические явления типа гало, небесных крестов, двойных и тройных солнц, вертикальных световых столбов и даже радуг. Для любителя и коллекционера метеорологических явлений здесь истинно заповедный край. Любуйся в свое удовольствие. А летом небо даже еще красивее — переливается такими красками, таким обилием полутонов, каких нигде не бывает. Это привилегия только Севера. На юге краски обычно гуще, ярче и не столь нежны и разнообразны.

Однако я заметил в себе некоторые перемены. Меня почему-то перестали трогать эти и подобные им явления. Я стал более безразличным ко всему. Меня, например, не волнуют уже неудачи на охоте, я не переживаю и удачи так бурно, как раньше. Это явный признак моральной усталости. Между прочим, с Андреем происходит то же самое. Появилась тоска по дому. Не знаю, чем это объяснить. То ли однообразием обстановки и отсутствием перемен, то ли нескончаемыми морозами, которые изматывают не только физически, но и морально. На охоте очень быстро устаю, хотя работаю и таскаю гораздо меньше, чем в первую половину сезона. Зато все время хочу есть и спать. Очевидно, это реакция организма на переутомление. Что же, если организм требует, надо, пока не поздно, удовлетворить его потребности, чтобы потом не произошло необратимых явлений типа истощения нервной системы. Пища и сон — лучшие лекарства против переутомления. Буду лечиться эти дни. Но вообще пора сворачиваться.

5 марта

Лечение пошло на пользу, но все равно тоска по перемене мест осталась. Может, это действует весна? Днем теперь на солнце так тепло, что я даже попытался загорать. Лицо-то давно почернело, как у альпиниста в горах. Дни стоят погожие. Тайга тоже ожила. Глухари теперь больше времени проводят на деревьях, греясь на солнце, а не в снегу. Так что у меня снова появилось свежее мясо. Но пушной промысел пошел на убыль. Мне кажется, его надо заканчивать в феврале. Да и вообще все хорошо в меру. Недавно был на базе. Андреи уже хандрит. Сожалели, что не можем сами выбраться из тайги.

Я составил и заполнил наконец свои таблицы. Начал анализировать. Получаются интересные вещи. Пришлось даже изменить некоторые свои представления. Но заодно получил подтверждения другим своим предположениям. В общем выводы полезные, хотя кое-что еще неясно.

18 марта

Когда Архимеда озарило прозрение, он вскричал: «Эврика!», выскочил из ванны и понесся по улице, забыв от радости накинуть на себя тогу. Нечто подобное произошло и со мной: меня тоже осенила гениальная (так во всяком случае я решил) мысль, и мне также захотелось выскочить из избы и пустится вокруг нее в пляс, изображая танец «Озарение». Но я более сдержанно выразил свои чувства по сравнению с эллином, хотя для меня мое открытие имело не меньшее значение.

Все оказалось очень просто, до элементарности просто. Удивительно, как трудно люди постигают простое. У меня, во всяком случае, прозрение наступило только на 14-е сутки беспрерывного анализа своих выкладок. Но зато теперь я знаю о соболях все, что мне нужно.

Итак, что мне стало известно? Я уже писал раньше, что наши познания о жизни соболя отрывочны, неполны. А после того, как были составлены таблицы, у меня появилось много таких сведений, о которых я и не подозревал. В частности, я выявил по месяцам приход соболей в район моего промысла, периодичность их подхода. Затем, анализируя схему вылова, заключил, что соболь ко мне идет не с востока, как предполагал раньше, а с севера. Это было непонятно. Ведь на востоке целина, там никто не промышляет, но не оттуда соболь идет, хотя, казалось бы, все условия для этого: река-то течет с востока на запад, вот и иди вдоль реки. Ведь ходовой соболь — а это известно — концентрируется всегда у рек. Выяснилась и еще одна загадка: соболь почти не шел с юга. Сначала я полагал, что всему виной песцы, которые посягнули на кормовую базу соболей и тем вынудили их уйти с севера. Но потом понял, что одними песцами все объяснить нельзя. Значит, что-то другое? И вообще, почему соболь мигрирует? Недостаток кормов? Так расширяй свою территорию, а не уходи с нее. А если места в тайге хватает не всем, то всегда ли такое наблюдается или только в неурожайные кормовые годы?

Вот изложение моих выводов.

Летом, когда пищи много, большое семейство соболей может жить на сравнительно малой площади. Но к зиме, особенно после установления глубокого снежного покрова, условия для добывания пищи ухудшаются. Начинается борьба между соболями за овладение территорией. Сильные изгоняют слабых и остаются на месте, а слабые вынуждены покидать насиженные места в поисках новых угодий. Естественно, чаще это молодняк.

Вытесненные из родных мест, звери порой так и уходят целым выводком. Если поблизости обнаруживаются свободные площадки, соболи задерживаются на них. Но, как правило, все бывает занято, и пришельцам приходится отвоевывать жизненное пространство. И опять побеждает сильнейший, а слабые продолжают мигрировать. Эти миграции, в конце концов, приводят обездоленных соболей к естественным преградам, коими являются, например, крупные реки. Соболь неохотно переходит по льду реку, предпочитая сначала походить вдоль берегов, тем более что здесь и пищи больше (зайцы, куропатки и т. д.). И, чем крупнее река, тем дольше на ней задерживается. Так что зимой у крупных рек всегда соболей больше, чем в остальных частях тайги, их плотность здесь выше, и она непрерывно растет за счет пополнения из тайги. И тем больше будет ходового соболя, чем меньше урожай его корма в тайге, ибо в этом случае хозяева территорий вынуждены расширять свои владения за счет соседей. Таким образом, в тайге остаются наиболее сильные особи.

Для ходового соболя естественным препятствием является не только река, но и горы с «лысыми» вершинами. Он такие горы обходит по подножию. Здесь поток соболей уплотняется, одновременно образуя миграционную тень в тыловой зоне горы. Вот почему некоторые мои путики, расположенные вдоль реки и блокированные горами, не давали добычи. Зато в «коридорах» между горами я имел рекордные уловы.

Теперь мне понятно, почему в одних местах соболя всегда много, а в других, хоть тресни, нет. Некоторые охотники, выбирая место для путика, смотрят на лес, на его состав. А надо смотреть на рельеф. Состав леса же ни при чем. В березняках я, кстати, добыл больше, чем в ельниках и кедрачах. И вот теперь, когда глянул на гипсометрическую карту, мне стало ясно, почему соболь шел ко мне в основном с севера, а не с юга. Хотя влияния песцов я не исключаю.

Таким образом, уяснив эти основы, я могу теперь осмысленно вести лов, заранее зная, где можно ожидать хороших уловов, а где нет. Причем я совсем откажусь от практики «поперечных» путиков, располагая капканы лишь вдоль реки в «коридорах» между горами.

Такое решение продиктовано следующими соображениям. Сознавая, что в тайге остаются наиболее сильные и приспособленные к жизни особи, а у рек скапливаются «излишки» воспроизводства, нам, охотникам, следовало бы отлавливать лишь эти «излишки». Тем самым охотники превратились бы своего рода «чистильщиков», которые вылавливают то, что все

равно обречено на вымирание. Ведь при такой плотности соболей у рек им не хватает корма, и потому-то и развивается среди них «каннибализм». Короче, так или иначе, но большинство ходовых соболей все равно не доживает до лета. Так пусть они лучше пойдут на пользу человечеству, становясь предметом роскоши его прекрасной половины.

Что же касается неходовых соболей, то трогать их не следует потому что, если мы начнем отлавливать и основных производителей, то нанесем двойной ущерб. Во-первых, подорвем воспроизводство, а во-вторых, лишим соболей условий для образования «излишков», которые так необходимы для естественного отбора, для того, чтобы потомство давали лишь наиболее приспособленные к жизни особи. Если в процессе воспроизводства начнут принимать участие все особи, в том числе и те, что могут дать неполноценное потомство, биологическому виду начнет угрожать вымирание, и уже не только извне, но и изнутри. Такого не должно произойти.

Вот почему я решил вести лов только ходовых соболей и вот почему я отказываюсь от глубоких рейдов в дебри тайги локализуя свою деятельность лишь у рек и в «коридорах» между горами. Теперь я смогу ответить Фишбуху, почему необходимо отказаться от его метода охоты. Злоупотребление собакой подрывает саму основу воспроизводства соболей. Хорошо, что у нас пока много свободных территорий и хищнический промысел не вызывает пока еще необратимых последствий.

23 марта

И вот наконец я в последний раз пришел на базу. Послезавтра за нами прилетит самолет и заберет нас отсюда на несколько месяцев. Наши избушки останутся на попечении диких зверей и туристов (тоже, по-видимому, не менее диких). Но я надеюсь, что все останется в целости и сохранности, так как рассчитываю не столько на порядочность последних, сколько на собственную предусмотрительность: вряд ли кому-нибудь удастся обнаружить мое зимовье. А вот база наша стоит на самом обрыве, и не заметить ее невозможно. Поэтому Андрей наиболее ценные вещи унес в другие избушки, оставив здесь то, что не обидно будет потерять (хотя необидных потерь не бывает).

Должен заметить в этой связи, что туристы попадаются разные. Чаще это люди порядочные, интеллигентные. После посещения они оставляют доброжелательные записки, нечто вроде записей в книге отзывов. Но иногда бывают и подонки. Да, тайгу посещают разные люди… В сущности говоря, и мы, городские охотники, в некотором роде те же туристы, искатели приключений. Только наш выезд в тайгу гораздо продолжительнее и поэтому сопряжен с необходимостью оправдать его материально. Мы, так сказать, стараемся совместить приятное с полезным. Не знаю, может быть, не все охотники так мыслят, но за определенную их часть, с которыми мне пришлось контактировать, я отвечаю. «Речь идет о стремлении человечества к общению с природой, все усиливающемся со временем и становящемся крайне необходимым одновременно с быстрым развитием урбанизации во всем мире, и в нашей стране в частности. Когда человек жил среди природы или когда она всюду была поблизости в необходимой дозе, потребность в контакте с ней остро не ощущалась. Теперь же особая тоска по природе, своеобразная жажда общения с ней приобретает все более конкретные формы. Эту особенность состояния психики современного человека стали не только специально отмечать, но также и изучать. Постепенно все более выясняется, что природа играет в жизни человека более серьезную роль, чем предполагали. Все более очевидным становится тот факт, что жизнь без полноценного контакта с природой становится ущербной, и потенциальные возможности человеческого организма реализуются не полностью. По-видимому, ученые стоят на пороге раскрытия конкретной сущности явления «тоски по природе». Возможно, что настало время специалистам особо квалифицировать это состояние

человека, так же определенно, как это сделано врачами и психологами для ностальгии, назвав его натуральгией».

Эту цитату я взял из послесловия к книге Эрика Кольера «Трое против дебрей», написанного Е. Е. Сыроечковским и Э. В. Рогачевой. Она наиболее полно и точно отвечает на вопрос, почему сейчас так много в тайге пришельцев из городов — как охотников, так и просто туристов (особой разницы между ними я не вижу). Для городского человека такой выход в тайгу сопряжен с большими трудностями и осложнениями. Вот почему я называю его авантюрой. Но, покидая привычные городские условия, человек в действительности возвращается в забытый мир, в родную колыбель, ибо чувствует, что не может долго жить в отрыве от нее. Он, подобно легендарному Антею, должен прикоснуться к породившей его природе, чтобы она снова влила в него силы жизни. Без природы человек засохнет и погибнет. И он стал беречь ее, ибо понял, что он дает ему не только материальные ценности, но, что главнее всего, богатую духовную жизнь. Человек — венец природы, любимое ее дитя. Природа отдала ему все самое лучшее и самое совершенное. Но человек никогда не сможет возвыситься над природой настолько, чтоб обойтись без нее. Он всегда будет ощущать потребность в общении с ней… чтобы оставаться Человеком.

Трудный сезон

Запоздалое начало

Морозным утром 14 октября — термометр показывал −22° — перегруженный вертолет поднялся в воздух и взял курс на восток. Внизу расстилалась тайга, покрытая довольно толстым слоем снега. Зима действительно что-то рано в этом году нагрянула. Река еще окончательно не стала, но во многих местах образовались уже ледяные заторы. Забереги были широкими и прочными. По ним спокойно уже можно ходить. Наш путь лежал на Вахту, на еще не освоенное место. Конечно, это авантюра — лететь в самый разгар зимы на голое необстроенное и даже неразведанное место. Но перестраиваться было уже поздно. С самого начала мы планировали забросится именно сюда и до открытия сезона в сносных условиях успеть обстроиться. Теперь месяц потерян из-за головотяпства охотоведа, а все невзгоды падут на наши головы. Я мог бы лететь один, поселившись, как и в прошлом году, в своей старой избе. Но со мной был молодой, необстрелянный напарник, без которого по предписанию правил техники безопасности меня в тайгу не пустили бы. Вот и пришлось мне лететь сначала на участок напарника, отстоящий от моей прошлогодней избы на 20 километров, чтобы помочь ему поставить зимовье. И это в то время, когда пора было уже начинать охотиться. В общем, сезон с самого начала был скомкан. Но другого выхода не было, и мы, скрепя зубы и костеря на чем свет стоит «стропилу», указали штурману место посадки.

Не останавливая винтов, пилоты дали команду разгружаться, а когда все было закончено, помахали нам на прощание и взмыли вверх.

Мы остались на булыжном берегу, покрытом уже довольно толстым слоем снега. Первым делом бросились к тайге, нависающей над берегом. Однако обследование не обрадовало. Это была пойма, заливаемая в каждое половодье. Поэтому лес был изрежен и болотист. А до коренного берега надо идти еще с полкилометра. Посовещавшись, решили зимовье ставить прямо здесь, на пойме: зимой болото не страшно, а весной нас здесь не будет. Но из-за разреженности леса на сруб стройматериала не хватит. Тут же приняли решение ставить балаган. Надо сказать, мы заранее подготовились к такому варианту, имея в виду экономию времени и сил. Правда, в отличие от традиционных балаганов, которые ставят за день-два, но которые, являясь временным жилищем, отличаются минимумом удобств, мы решили поставить балаган фундаментальный: огромный, непромокаемый и теплый. Конструкцию продумал еще в деревне,

обсудив все до деталей. Так что необходимый стройматериал, которого нет в тайге, мы привезли с собой.

Но сначала надо было поставить временное жилье. Для этого у нас была подготовлена зимняя палатка, сшитая в дни вынужденного досуга, пока ожидали вертолета. Палатка была большая, теплая, с двойными стенками. Шили сами, из своего же материала, привезенного из города. Установив печку и нары, пообедали, воспользовавшись концентратами, а потом перетаскали вещи с берега. В общем, первый день прошел хлопотах по устройству и обживанию нового места. Работали с подъемом. Радовались, что наконец вырвались на волю и что теперь не зависим ни от кого. По-моему, для людей деятельных и инициативных самым страшным наказанием является вынужденная бездеятельность, и неопределенность положения, и еще зависимость от безынициативных людей. Поэтому даже нашу заброску на голое место в тайгу в разгар зимы мы расценивали как подарок, как избавление от неволи. А посему наше моральное состояние было на самом высоком уровне. Мы готовы были преодолеть любые преграды, вставшие на нашем пути, ибо знали, что теперь все зависит только от нас, больше ни от кого. Застоявшиеся силы тела и духа вырвались наконец на простор. И работа закипела.

Четыре дня, потраченные на строительство, оправдали себя. Такого теплого зимовья мне нигде более не приходилось встречать. Любая бревенчатая изба уступает в этом отношении балагану, укрытому, как в нашем случае, толстой моховой дерниной. Жилого пространства в балагане было в избытке. Мы уложили внутри всю свою поклажу и продукты, и еще оставалось много свободного места. Стоило нам переселиться из палатки в балаган, как на следующее утро ударил тридцатиградусный мороз. Успели все-таки!

Последующие дни протапливали жилище, чтоб вытаял снег на полу, и испарилась лишняя влага. Влага вытапливалась из моховой дернины, покрывавшей балаган, так как стенки обогревались очень сильно. Сфагнумовый мох обладает прекрасным свойством: высохнув, становится очень гигроскопичным. Так что внутри балагана влажность всегда держалась на одном уровне: избыток мгновенно поглощался гигроскопичной стенкой, ну а недостаток тут же восполнялся — ведь мы поставили балаган на верховом болоте. Пол под нами прогибался, как пружинистая перина. Мы ходили по моховому ковру, толщина которого превышала метр. Это обстоятельство нас нисколько не смущало. Наоборот, известно, что сфагнум обладает исключительными бактерицидными свойствами. Так что

мы жили в стерильных условиях. И это вселяло в нас уверенность за свое здоровье. Под надежной защитой мха нам не страшны были отныне никакие болезни. Ну а если серьезно, мы были недалеки от правды. Эвенки, вечные жители тайги укладывая детей в берестяные колыбели, запихивали туда пучок сухого сфагнумового мха, и ребенок всегда был сух и застрахован от болезней и простуд, даже зимой. Наше жилище в том отношении напоминало эвенкийскую колыбель, только гигантского размера. Впрочем, я не намеревался поселяться здесь надолго. Ведь мой участок западнее. Сюда я буду приходить лишь за продуктами. Если бы мы прибыли еще при открытой воде, то свою часть груза я сплавил бы на плоту. Но теперь мне предстоит таскать на себе всю эту тяжесть. Лед на реке с каждым днем крепчал, и, покончив с делами здесь, можно было топать и к себе.

Я задержался у Толи еще дня на три. Мы попилили дров (бензопила моя осталась еще с прошлого года в таежной избе, и доставлять ее оттуда теперь уже было нерационально), затем сходили в маршруты, прорубая путики и устанавливая капканы. Толя — молодой охотник, всего второй сезон охотится — в прошлом году был на правах ученика, и его наставник не доверял ему даже снимать шкурки с соболей. Поэтому он пока нуждался в моей помощи. Прорубив вместе два путика, мы сошлись на том, что дальше он сможет работать самостоятельно. Теперь наступила очередь помогать уже мне.

Итак, 28 октября мы направились к моей прошлогодней избе. Признаться, я испытывал при этом некоторое волнение. Нагрузившись продуктами, стали на лыжи, и вышли на речной лед. Идти поначалу было легко, так как молодой лед лишь слегка припорошило снегом. Но затем начались торосы, и лыжи пришлось снимать, преодолевая торосистый участок чуть ли не на четвереньках. За торосами река была еще открыта, и мы карабкались по берегу также с лыжами в руках из опасения поломать их о торчащие из-под снега камни. В целом этот переход утомил не особенно сильно. Во всяком случае мы после него еще здорово поработали, ремонтируя избу. Утеплили дверь, обив ее несколькими слоями брезента, и переделали нары, заодно переставив на новое место и печку. Теперь в моей избе можно было ночевать хоть четверым. Но это предел, ибо жить там тесно даже вдвоем. Две трети площади занимали нары, захватившие теперь пространство от стены до стены. Лишь у двери был свободным один квадратный метр площади. А справа у окна в самом низком месте на полу расположилась печка. Вот и вся территория. Толя шутил, что в сравнении с нашим балаганом эта избенка представляет ни что иное, как кровать с крышей.

Действительно, кубатура здесь не превышала 10 кубических метров.

Но мне нравилась моя изба. Несмотря на миниатюрные размеры, она была уютной и удобной. К тому же на обогрев требовалось совсем немного дров, особенно теперь, после перестановки печки. В прошлом году я по неопытности установил печку слишком высоко, поэтому на полу у меня температура всегда держалась ниже 0°. Теперь печка стояла в самом низком месте, и тепло равномерно распределялось по всей избе.

На следующий день Толя ушел обратно к себе, а я остался вместе с Мальчиком и начал восстанавливать старые путики. В первый день пошли по так называемому радиальному направлению, то есть перпендикулярно к реке, на этой же стороне. Раньше, идя по этому путику, я обязательно находил обнажение, где глухари постоянно копались в дресве, выискивая камешки для своих желудочных жерновов. Сейчас все обнажение лежало под глубоким снегом, и глухари уже перестали наведываться сюда. Жаль, упустил благоприятное время.

Этот путик шел по долине ручья и в трех километрах от реки упирался в болото, обходя его затем по периметру. В свое время я кое-где сделал на деревьях засечки, однако слишком редкие. Поэтому теперь, очутившись в зимнем лесу без привычной лыжни, я сразу потерял все ориентиры, и после нескольких тщетных попыток найти прежний путик остановился в нерешительности и раздумье. И тут Мальчик, который до сих пор бороздил снег в свободном поиске, будто понял меня и, «не говоря ни слова», пошел вперед, по грудь увязая в снегу. Пройдя метров 20, остановился, оглянувшись на меня, будто желая сказать: «Ну, ты идешь?» Я покорно последовал за ним. Убедившись, что я понял его, Мальчик направился дальше пахать снег. У некоторых деревьев он останавливался, обнюхивая их, но чаще шел без остановок, сдвинув уши назад и говоря всем своим недовольным видом: «Недотепа ты, не можешь вспомнить старую лыжню. Смотри, я иду почти с закрытыми глазами».

И действительно, мы шли, в точности повторяя даже мельчайшие повороты прошлогоднего путика. Я был буквально потрясен необыкновенной способностью Мальчика. Сразу все как-то стало на свои места. Я увидел даже веточки, которые ломал в прошлом году на ходу. Ну и Мальчик! Это же ходячий феномен! А вон на том дереве, которое причудливо изогнулось, я обрубал нижний сук. Где это место? Да вот оно, скрылось под снежным кухтылем! Да, это просто непостижимо. Идти по лесу через год, будто лыжня никогда не исчезала. Все-таки прошло лето, а лыжня — не тропа. Она эфемерна, как эфир.

Так я шел, не переставая поражаться чутью и интуиции Мальчика. А он по-прежнему бороздил снег впереди, терпеливо дожидаясь меня, если я задерживался около установок, заряжая их приманкой.

После того как мы прошли километра два с половиной, когда до болота оставалось рукой подать, наше шествие вдруг остановилось. Мальчик стоял, оглядываясь на меня, и вопрошал взглядом, куда идти. Я глянул ему под ноги и увидел соболиный след. «Ну что, Мальчик, если след свежий, то иди по нему — проговорил я, — а я и без тебя теперь найду дорогу. Иди, моя собачка». Собаководы говорят, что собакам надо давать короткие команды, чтоб не путать их болтовней. Что касается меня, то я привык разговаривать с Мальчиком, и он отлично понимал меня, несмотря на мое многословие. Вот и сейчас, когда я высказал свое пожелание, Мальчик спокойно пошел по следу. Вели я ему идти дальше по лыжне, он пошел бы по лыжне, прекрасно поняв меня. Я в этом уверен абсолютно.

Меня всегда забавляло, как он выбирает направление преследования. Сначала сунет нос в первый след, затем — по очереди в соседние с той и другой стороны. После этого точно идет туда, куда ушел зверь. Вот ведь какое феноменальное чутье. Всего два следа, причем проложенные рядом! Каким тонким инструментом должен быть нос собаки, чтобы точно определить, какой след старее, правый или левый. Нам такое обоняние и присниться не может.

Получив «добро» на преследование зверя, Мальчик ушел, а я остался перед снежной целиной и двинулся по предполагаемой лыжне. Однако очень скоро я вновь потерял ориентиры, которые легко находил, когда шел за Мальчиком. Короче говоря, через 15 минут бесполезных тыканий в разные стороны я потерял путик окончательно и решил идти по компасу.

Но тут вдруг послышался вдалеке голос Мальчика. Он облаивал соболя. Я уже научился распознавать, кого он облаивает: соболя, глухаря или белку. Поэтому, определив направление (а это не так-то просто, потому что из-за холмистого рельефа звук распространяется зигзагами), побежал на зов. Действительно, пришлось немного покуролесить. Но в конце концов, корректируемый Мальчиком, я нашел его сидящим под кедром и время от времени подающим голос. Над ним совсем невысоко устроился соболь. Я спокойно приблизился и выстрелом в голову снял его с ветки. Мальчик на лету схватил падающего зверя и, тряхнув его, прижал к земле. Когда я подошел, соболь был уже мертв.

Я позволяю Мальчику трепать жертву, во-первых, потому, что

зубы у него не острые и он не портит шкуру, а во-вторых, надо же и ему получать удовольствие от охоты. У нас полное равноправие в этом вопросе. Впрочем, не совсем. Следуя закону природы, добычей овладевает сильнейший. В нашем тандеме таковым являюсь я. Это мне неоднократно приходилось доказывать палкой. Так что, когда я подхожу к добыче, Мальчик безропотно, хоть и с неохотой, отдает ее мне. Однако этим правом пользуюсь только я, ибо завоевал его дубинкой. Когда же рядом находится другой претендент, спор за добычу решается новой дракой. Как-то мы с Толей вместе были на охоте, и наши собаки облаяли белку. После выстрела Мальчик с остервенением бросился на свою напарницу по охоте лишь потому, что та захотела тоже подушить зверька. В таких спорах, естественно, побеждает сильнейший. Мы с Мальчиком давно выяснили отношения, и я поэтому великодушно разрешаю ему первому устремляться к жертве.

Уложив соболя, мы вернулись к тому месту, где пришлось прервать восстановление путика, и я попросил своего друга продолжить прерванное занятие. Без долгих препирательств он снова пошел по забытой лыжне, хотя, как мне показалось, занятие это его не очень-то вдохновляло. Но работа есть работа, и делать ничего не оставалось, как доводить ее до конца. Стоило Мальчику возглавить шествие, как все стало на свои места. Я вдруг нашел и увидел забытые ориентиры. В общем в этот день мы восстановили весь наш путик и вернулись в приподнятом настроении.

Мы с Мальчиком втягиваемся в таежную жизнь

Последующие два дня мы продолжали восстановление прошлогодних путиков. Не знаю, что бы я делал без Мальчика. Да, собака в тайге — незаменимый помощник. Помимо той пользы, что мне неожиданно оказал Мальчик, собака ведь образно говоря, делает тайгу обитаемой. Конечно, это надо понимать не в прямом смысле. Просто благодаря незаурядному обонянию собака находит тех зверей, которых человек ни за что не обнаружил бы. Именно так человек с помощью собаки узнает о населении тайги. Тайга без нее показалась бы ему безжизненной или вымершей. Только зимой человек еще по следам может узнать о таежных жителях. В другое же время он в тайге беспомощен.

Бродя по тайге, я обратил внимание еще на одну примечательную деталь. Несмотря на малочисленность соболиных следов в этом сезоне, они все-таки встречались. Но что интересно. Бегая по лесу, соболь неизменно подходил к тем местам, где я в прошлом году ловил в капкан его собратьев. Причем он останавливался только у тех капканов, где сидел в свое время (год назад!) пойманный соболь. Обычно, попав в капкан, соболь испражняется. И запах этот всегда привлекает других соболей. Вот почему в тот капкан, где уже побывал пойманный зверь, чаще попадаются другие соболя. Но каков нюх! Прошел год. Земля пропитана дождями, теперь еще сверху навалил полуметровый снег, а соболь чует прошлогодний запах и подходит удостовериться в его свежести. Поразительное обоняние! Как жаль, что человек обделен такой способностью. Насколько богаче он бы видел мир вокруг себя. Вероятно, в прошлом, когда человек вел звериный образ жизни, он больше чувствовал и ощущал окружающую природу. Но со временем, обитая по преимуществу в тесных и дымных жилищах со спертым воздухом, он утратил остроту обоняния. Однако способность восстановить ее все же не утерял. Я в этом убедился на собственном опыте. Многие месяцы проводя вдали от людских поселений в течение уже многих лет, я убедился, что мое обоняние отличается от большинства других людей довольно заметно. Особенно оно обострилось после двух последних сезонов, проведенных в тайге. Недавно, например, я заметил, что явственно различаю запах глухаря. Правда, мне трудно тягаться с Мальчиком, но я уже неоднократно убеждался, что не только он

чует зверя. По-видимому, восстановить остроту обоняния доступно любому некурящему человеку.

Пробыв в своей избе после ухода Толи три дня, я поспешил обратно в балаган: надо было успеть до обильных снегов перетаскать как можно больше продуктов. Ведь чем дальше, тем труднее будет ходить по реке: снег валит не переставая. По лесу же идти совсем бессмысленно. Речная лыжня не только, самая короткая, но и самая легкая, относительно конечно.

К балагану я шел тоже нагруженным, неся канистру с керосином, которого у меня в зимовье еще с прошлого года оставалось с избытком. Учитывая это, мы не захватили его из деревни в стремлении предельно облегчить свой груз. И опять я вспомнил недобрым словом охотоведа, по дурости которого вынужден на собственном горбу таскать лишние тяжести. А пройти 20 километров по снежной целине и без груза ой-ой как тяжело. В этот раз снегу на реке заметно прибавилось и, я утомился больше, чем в прошлый переход.

В балагане теперь было сухо и тепло. Торф нас греет и сверху, и снизу. По утрам температура никогда не снижается, даже до нулевой отметки в любые лютые морозы (а морозы доходили уже до 40°). Торф действительно греет, потому что нам приходилось оставлять балаган на несколько дней, и температура все время оставалась на положительной отметке. В бревенчатых избах с деревянным полом такого не бывает никогда. Там температура очень быстро уравнивается с окружающей, и, когда возвращаешься вечером с обхода, первые делом растапливаешь печку и ждешь, не раздеваясь, пока нагреется помещение. В нашем балагане этот распорядок можно было нарушать.

Постепенно жизнь входила в свою привычную колею. Теперь мы уже не ходили вместе. Толя прокладывал новые путики, стараясь уйти от балагана по возможности дальше. Свернув палатку и уложив на самодельные нарты, он потащил ее за десять километров к устью Дельтулы, крупного притока Вахты. Палатку он решил использовать как опорную точку, откуда мог бы уйти дальше. Я же стал прокладывать путики от балагана в сторону своей избы, чтоб мои вояжи в балаган не были холостыми.

Это дало свои результаты. Проверяя в один из приходов эти путики, я вдруг увидел, что на один из них вышел новый соболь. Сначала он подошел к ближайшему капкану, который оказался расстороженным птицей. Не обращая внимания на капкан, съел приманку. «Прекрасно, — подумал я, — значит, подойдет и к другому капкану». Тем временем Мальчик, взяв след, пошел его распутывать. Я поспешил вдоль путика. На мое счастье, соболь шел с широким поиском и к следующему капкану приблизился,

пройдя солидное расстояние. Так что пока Мальчик распутывал его причудливый маршрут, я уже был у капкана. Темный соболь висел с зажатой лапой и уже мертвый, хотя был еще мягкий. В это время подбежал и Мальчик, весь возбужденный и сосредоточенный. Увидев соболя, он бросился к нему, обнюхал, и, удостоверившись, что тот уже кончился, успокоился. К мертвому зверю Мальчик равнодушен. Помню, в прошлом году мы с ним тропили сорвавшегося с капкана соболя. Мальчик привел меня по едва различимому следу к старому пню. Он даже порыл немного, но потом равнодушно оставил это занятие. Когда я продолжил раскопки, боясь из-за реакции Мальчика, что это напрасный труд, и выудил наконец, углубившись чуть ли не по пояс в снежную яму, закоченевшего зверька с капканом вместе, пес не проявил никакого интереса к моей находке. Его, как истого охотника, интересует лишь живой зверь. К тому же соболь как мясо его не волнует, ибо собаки не любят соболятину. Я скармливаю Мальчику соболей, лишь хорошо выварив их, да и то только в голодуху.

Итак, за эти дни я добыл двух соболей, одну белку, 14 рябчиков и двух глухарей. Однако прогнозы оказались малоутешительными. Соболя очень мало, и поэтому рассчитывать на обильную добычу не приходится. 8 ноября я записал в своем дневнике: «Следов много, но соболь сыт и не лезет на жерди за приманками. Снег пока сравнительно неглубокий, и он легко достает из-под него шишку. Ничего, в декабре полезет и в капканы. Да и ходовой должен пойти с усложнением условий». Привел эту запись, потому что как в воду глядел. Однако действительность оказалась гораздо сложнее и драматичнее.

Первые удары судьбы

8 ноября я снова, загрузившись продуктами, ушел к себе. Нес 12 килограммов, не считая оружия. Тяжело, ничего не скажешь. В прошлом году таскал продукты от Андрея Карпова и ходил по 11 километров. Теперь делаю то же самое, только расстояние удвоилось.

Вышел при −30°. Это самая хорошая температура для перехода. При −20° идти уже жарко. Шел почти шесть часов без отдыха и в хорошем темпе, то есть все время мокрым от пота. После такой ходьбы аппетит зверский и неуемный. Поэтому весь вечер ел, делая лишь непродолжительные перерывы, во время которых блаженствовал, лежа пластом на нарах…

В этой избушке дни мои заняты до предела. Хожу по тайге, выискивая старые капканные установки. В прошлом году у меня было девять путиков. В этом году намерен восстановить шесть из них, так как остальные бесперспективны. Ходового соболя нет, следовательно, надо перестраиваться и удлинять путики, расширяя ареал. Ходить поэтому приходится больше, соответственно возрастают и затраты сил. Раздражает то, что приходится часто ходить за продуктами в балаган. Принесенной еды хватает совсем ненадолго. Ведь едоков двое, причем Мальчик ест даже больше меня. Оно и понятно: ему приходится труднее, да и теплообмен у него интенсивнее, поэтому и энергии он затрачивает гораздо больше, чем я. Снег сыплет безостановочно, и теперь Мальчик тонет в нем по уши. Однако сзади идти не соглашается. Все время пашет впереди. Золотая собака. Другая бы давно забастовала. А Мальчик самолюбив. Для него плестись сзади равносильно самоуничижению. Вот и приходится его кормить досыта. Поэтому продукты тают на глазах. Если бы были соболя, это стало бы хорошим подспорьем. Но в этом году ни соболей, ни птицы. Та птица, что мы добыли, пошла в основном на приманку, за исключением нескольких рябчиков. Но что такое рябчик! Одному человеку на ползуба. Приходится поэтому нам с Мальчиком здесь жить впроголодь, отъедаясь лишь в балагане. А едим мы, скромно говоря, за четверых. Да это и неудивительно: выходим с рассветом, а возвращаемся в сумерках. Все остальное время едим и отдыхаем, если не считать постоянных домашних хозяйственных работ.

Однако, когда в очередной раз мы вздумали пойти в балаган, это у нас не получилось. Произошло непредвиденное: под тяжестью навалившегося снега лед в реке просел и из промоин выступила вода, залив поверхность льда на многие километры.

Причем сверху ее не заметно, так как снеговая толща не вся пропитана водой. И это усугубляло положение, ибо под рыхлым снегом вода не промерзает даже в тридцатиградусные морозы. По реке стало идти невозможно. После нескольких безуспешных попыток мы вернулись назад, домой. Целый вечер я сушил лыжи, пропитавшиеся водой. Вот ведь положеньице! Из-за этой проклятой воды мы заперты в своей избушке, так как возвращение возможно только по реке. Даже к Карпову нельзя сходить. А мороз всего −23°. Когда еще он прихватит эту воду!

Но, как говорится, ничто не вечно под луной. Через два дня, то есть к вечеру 14 ноября, врезали морозы. Красная жидкость в термометре подползла к отметке −40°. С одной стороны, это хорошо, так как наконец хоть наст образуется на реке, а с другой — все равно никуда не двинешься; при такой температуре опасно пускаться в двадцатикилометровое путешествие по столь коварной реке. Вдруг где-нибудь запорешься в воду — и тогда каюк. Нет, лучше не рисковать, хотя продуктов с большой натяжкой осталось всего на два дня.

15 ноября я записал в своем дневнике: «За окном −47°. Что ж, буду отлеживаться, сберегая энергию и продукты. Если по прошествии двух дней мороз не отпустит, придется идти к Андрею. Дальше поститься опасно. Неизвестно, сколько продержатся эти морозы. Можно ослабнуть так, что и до Андрея не дойдешь. Поэтому лучше идти. Приятной прогулкой переход в такую стужу не назовешь. Но другого выхода нет».

17 ноября я оделся потеплее и при температуре −48° вышел в сторону Андрея. Прощупав на реке снег палкой, убедился, что наст меня выдержит. Палка, правда, легко его пробивала, достигая разжиженного водой снега, но для меня и Мальчика это было не опасно.

В такой мороз мне еще ни разу не приходилось ходить. Пар изо рта валил такой густой, что застилал глаза, мешая видеть дорогу, а выдыхаемый воздух шипел, как хорошая газировка. Носом дышать было невозможно, ибо ноздри мгновенно при вдохе обледеневали. Приходилось идти с открытым ртом, дыша одновременно через нос и рот. Чтобы холодный воздух не обжигал бронхи, я закрыл рот шерстяным шарфом.

Первые два километра прошли в хорошем темпе. Мальчик, как обычно, шел впереди. Вдруг он остановился и, осторожно ступая, начал пятиться. Из-за застилавшего глаза пара я не сразу обнаружил недоброе и остановился слишком поздно. В этот момент наст подо мной просел, и выступившая вода залила лыжи. Не размышляя ни секунды, бросился к берегу, который возвышался почти отвесной стеной. С трудом дотащившись до

него, сбросил лыжи и стал спешно соскабливать лед ножом. Однако на таком морозе лед сразу же превратился в твердый камень, и нож не брал его. Рискуя рассечь лыжу, стал орудовать топором, скалывая наросты льда. Кое-как сбив их и соскоблив неровности на скользящей поверхности, бросился помогать Мальчику, который сидел, безуспешно пытаясь зубами разгрызть ледяные култышки на лапах. Мы и раньше попадали в воду, но при небольшом морозе быстро избавлялись ото льда. Сейчас же наши усилия были тщетными. Я пытался пассатижами, которые тоже ношу с собой постоянно (приходится порой прямо в тайге ремонтировать капканы или лыжные крепления), скусывать лед с лап Мальчика, но из этого тоже ничего не вышло. Мальчик жалостно скулил, лед, словно тиски, сжал его лапки. Видя бесполезность наших усилий и боясь долго стоять на месте, я сначала решил посадил Мальчика в рюкзак и нести до Андрея: назад идти смысла нет, голодной смертью умирать не хочется. Но потом подумал, что на таком морозе, сидя без движения в мешке, Мальчик меньше чем через час окочурится. Теперь спасение лишь в движении. Поэтому я быстро надел лыжи и двинулся вперед. Слабо поскуливая, Мальчик заковылял сзади. А я шел и все время подбадривал его голосом, периодически останавливаясь.

Так мы прошли все оставшиеся девять километров. Всю дорогу я говорил с Мальчиком, а сам считал метры. Наконец миновали последний поворот и увидели на обрыве избу с дымящейся трубой. Какая радость, что Андрей на базе и дом прогрет. Первым делом внес Мальчика и уложил на нары. Отогревшись, он слизал свои култышки, но встать на лапы не смог. Так и лежал почти двое суток, приподнимаясь лишь с огромными усилиями и скуля при этом от боли. Только на третий день он оправился от обморожения и смог ходить, постепенно обретая былую подвижность.

Живя у Андрея, мы наконец наелись вволю. Однако долго отлеживаться было некогда. Как только Мальчик встал на ноги, двинулись в обратный путь. На наше счастье, мороз вдруг отпустил и мы вернулись к себе уже при −35. По дороге я даже смог поставить несколько капканов и подстрелить шесть рябчиков. При этом принес полный рюкзак продуктов. В общем, все обошлось благополучно, без роковых последствий. А ведь ситуация была не из обнадеживающих…

На следующий день я поспешил к балагану, пользуясь образовавшимся в эти дни настом, хотя с ночи опять повалил снег, который шел беспрерывно целые сутки. Ходить по этому маршруту с каждым разом становилось все труднее. А тут еще этот рыхлый снег, который не только не держит, но и коварен,

ибо скрывает предательскую воду, особенно сильно разливающуюся после очередного снегопада. Вляпаться в воду теперь уже не являлось событием. Забурунивался я регулярно, с интервалом в несколько километров, как бы осторожен и внимателен ни был. От частого скобления ножом лыжи стали заметно тоньше. Но главное, из-за отсутствия скольжения сил затрачиваешь столько, что изматываешься вконец. В этот переход 22 ноября я буквально еле дополз до балагана. Уже после 15 километров в мышцах ног появилась боль, которая усиливалась с каждым шагом. Я волочил ноги, стиснув зубы. Я знал, что это такое. Это организм отвечал соответствующей реакцией на длительное перенапряжение. Но не мог же я лечь отдыхать на несколько часов. А тут еще тяжелый рюкзак, куда я добавил шесть килограммов чистого веса, когда Мальчик облаял огромного глухаря. Отказываться от такой добычи в нашем положении нельзя. И я, превозмогая усталость, тащил все это, считая уже не километры и метры, а каждый шаг, каждое движение.

Доплелся до балагана я уже в темноте, опасаясь не найти его. Но Мальчик не дал мне заблудиться, находясь все время в поле зрения, и подвел прямо к дому.

Толя в морозы тоже отсиживался дома. Проверки путиков все равно были безотрадными. Ходового соболя до сих пор не было. Кажущееся относительное обилие следов объяснялось тем, что местный соболь, владевший большими территориями, был вынужден много ходить, так как год оказался неурожайным: нет мышей, ягод, да и шишку не так-то просто достать. Птицы тоже мало. Вот и ходит соболь много, оставляя массу следов, создавая ложную видимость обилия зверя. Но в отличие от ходового местный соболь очень осторожен. Прекрасно зная свои угодья, он с большой подозрительностью относится ко всякого рода необычным приманкам и запахам и предпочитает их обходить. В этом отношении ходовой соболь являет резкую противоположность. Этот кочевник, странствуя по тайге, берет любую приманку: ведь он именно ради добычи и ходит, выискивая кормные и незанятые территории. Так что даже по характеру поведения можно определить, с каким соболем имеешь дело. Те два-три соболя, что поселились вокруг нас, — давно оседлые жители, и в капкан их уже не поймаешь. А на собаку рассчитывать не приходится. Мальчик во всяком случае буквально плавает в лесу по снегу, утопая порой с головой. Теперь он может ходить лишь по лыжне.

Но мы не теряем надежды на появление ходовых соболей. Ведь чем дальше, тем труднее придется соболю. Поэтому он начнет расширять свои владения за счет соседей. Тогда-то и

должны появиться ходовые соболя. Вероятно, это произойдет в декабре. Так мы решили с Толей. А пока надо ждать и готовиться к их приему, удлиняя путики и расширяя опромышляемую территорию. Вот еще одно непременное качество профессионального охотника — умение терпеливо ждать. Кто не имеет терпения, вряд ли сможет стать настоящим промысловиком.

К сожалению, я пока не имел возможности расширять свои владения, так как все силы отдавал перетаскиванию продуктов и борьбе за существование. Теперь, чтобы рационализировать свой труд, я придумал новый способ транспортировки грузов. Три дня подряд я носил поклажу из балагана на десятикилометровый рубеж, возвращаясь оттуда уже налегке. Перетаскав солидную гору, вышел, наконец, в последний рейс. Взял на этот раз всего десять килограммов и заскользил по пробитой лыжне до своей перевалочной базы. Чтобы сэкономить силы на оставшиеся десять километров целины, заставил работать и Мальчика. Надев ему широкий ошейник, подвязал поводок к поясу и заставил тащить меня. Мальчик не тяжелый, да и ростом не удался, но он удивительный труженик и очень крепкий. Поэтому десять километров он тащил меня, как вол, упираясь всеми четырьмя ногами. Я лишь катил сзади, изредка понукая его. На перевалочной базе я еще добавил себе груза и хотел продолжить путь таким же манером, но Мальчик укоризненно посмотрел на меня, давая понять своим выразительным взглядом, что пора бы и честь знать, и я, усовестившись, отпустил его на свободу. Он пошел вперед, нащупывая старую лыжню, занесенную снегом. Все-таки по ней идти легче и безопаснее, чем по новому месту. Но через пять километров мы снова попали на залитое водой пространство. Шли по старой лыжне, как по мосту, хоть и по мокрому. Уже пройдя несколько сот метров и выходя на сухой берег, я оступился и почти по колено утонул в воде. На мое счастье, мороз был всего градусов 27–28 и я быстро соскоблил наросты льда. Но лыжи все равно потяжелели, и тащить их было занятием более чем утомительным.

Придя наконец в свою избу и прогрев ее, а затем и подкрепившись, я повалился, как труп, не в силах не только что-нибудь делать, но и уснуть спокойно от переутомления.

Следующие дни спешил перетаскать оставленный на перевалочной базе груз. (Сколько непроизводительной работы!) Несмотря на 32-35-градусный мороз, вода на реке не исчезала.

Однако, пользуясь «мостом» — первичной лыжней, проложенной по мокрому снегу и прихваченной морозом, я преодолевал залитые поля. Сойдешь с обледенелой лыжни —

сразу окунешься в ледяную воду. Этот эксперимент я все-таки проделал в последний день на обратном пути, когда тащил оставшиеся 12 килограммов груза. Забурунился так, как еще не удавалось до сих пор. Увязнув по колено в разжиженный снег, я уже не мог пошевелить ногой, поскольку лыжи мгновенно прихватило морозом. Пришлось спешно отцеплять крепления и, стоя по колено в студеной жиже, волочить пятипудовые болванки на сухое место. Так что без приключений у меня никак не получалось. Хорошо хоть в этот момент я был в непромокаемых бродняx, и до дому оставалось три-четыре километра.

По пути размышлял, что с успехом смог бы съесть всю эту перетаскиваемую с огромным трудом и риском провизию в самом балагане. Ан нет, ношу харч за тридевять земель, подвергаясь каждый раз издевательствам со стороны всевышнего.

А за что?

На следующий день сидел в избе. По одну сторону двери температура —45°, по другую — тоже 45, но только с обратным знаком. Обливаясь потом, готовил варево из принесенных калорий. Как и 20 дней назад, я снова заперт дома морозом. Только в тот раз я был без продуктов, а на этот — обеспечен ими, и посему на душе спокойно и даже радостно. В прошлый раз я сидел в избе к тому же и без приемника. На этот раз я в ущерб провианту принес трехкилограммовую «Спидолу».

Неутешительные выводы

Запись из дневника: «30 ноября. Итак, ноябрь позади. Подведем итоги. В прошлом году к декабрю я имел 20 соболей, не считая десятка белок и полусотни птиц. Сейчас за месяц я не взял ни одного соболя, подстрелил три белки, примерно дюжину рябчиков и одного глухаря (добычу в районе балагана не считаю). Таким образом, количество соболей в этом году в десять раз меньше, чем в прошлом. А раз так, то его никакой приманкой в капкан не заманишь, как ни ухитряйся.

Ходить в ежедневные обходы уже не интересно. Возвращаться пустым стало обычным явлением. Исключения бывают, но редко. Например, вчера принес трех рябчиков, а сегодня молодого глухаря, который устроил себе снежное жилище прямо на лыжне. Взлетел он, когда Мальчик буквально наступил на него, ошарашив бедную собаку настолько, что та даже не уследила, куда полетел глухарь. Зато уследил я и снял спрятавшегося в ветвях елки не менее растерявшегося петуха. Так вот, если в прошлом году подобные явления были повседневными, то сейчас — редкость.

Да, охоты нынче нет, и незачем здесь торчать. Было бы лучше, если бы тайга отдохнула от нас, охотников. Хотя бы частично. Иначе мы не даем ей восстанавливать свои ресурсы. Ведь истребляя и без того ослабленную неурожаями и поздними заморозками фауну, мы, собственно, рубим сук, на котором сидим. Если я, скажем, не возьму в этом году последних 20 птиц, то в следующем получу 100. А если все-таки возьму их, то не получу совсем. И тогда надо менять профессию или же уходить на целинные участки. А за счет этих целинных участков и восстанавливается поголовье дикого зверя. Ну, а если целинных территорий в конце концов не останется? Ведь промысловики сейчас забираются все дальше и дальше в тайгу, и их число растет неуклонно. Средства транспорта совершенствуются ежегодно. Спасение фауны пока лишь в нерасторопности промхозовского руководства. Но на этом строить расчет не следует. По-моему, промысловик не должен охотиться в годы угнетенного состояния фауны. Правда, здесь возникает проблема, как прожить до следующего года. Однако выход всегда можно найти. Например, в годы неурожая соболя переключить деятельность охотников на лов ондатры, отстрел лосей и т. д. То есть лишать промысловика возможности охотиться не следует, ибо это его профессия, но переключить внимание его можно и даже желательно. Конечно, для этого надо в резерве иметь

соответствующие угодья.

Но вообще-то природа и сама умеет за себя постоять. Ведь это же хорошо, что последний соболь не лезет в капкан. Если бы это произошло, то его давно не стало бы совсем. И хорошо, что снег глубокий и собака не может его догнать. Хорошо и то, что мы, профессионалы, охотимся не с оленей, как эвенки, не гоним каждый след, а ставим капканы. Давно проверено практикой, что в капканы на приманку идет лишь голодный соболь. А голодным он бывает, когда его плотность чрезмерна и требуется разрежение, ибо избыток соболей для природы более нежелателен, чем недостаток.

В прошлом году я предвидел эту картину, но только не предполагал, что она так быстро реализуется. И мой вывод прекратить сезон, продиктован необходимостью.

1 декабря. Сегодня попытался пробиться в сторону балагана, где на десятикилометровый рубеж Толя должен был поднести для меня кое-какие вещи. Но я с огромными трудностями прошел лишь четыре километра. Вода выступила даже там, где ее раньше никогда не было, и я увяз уже в собственной лыжне примерно так же, как в прошлый раз при попытке сойти с нее. Очень легко об этом писать, но чтобы представить эту картину, надо испытать все на себе. Я не жалуюсь на недостаток воображения и, когда мне рассказывали очевидцы, что это такое, довольно живо представлял себе ситуацию и трудности, связанные с ней. Но действительность превзошла все, что можно было представить. Это настолько неприятная и зачастую страшная беда, что мне не хочется даже вспоминать об этих случаях. Могу лишь твердо сказать, что больше к балагану не пойду, так как это уже становится опасным и я запросто могу не вернуться в какой-нибудь из таких походов. Путь на запад к Карпову не менее опасен, но он вдвое короче. А снег все валит уже который день подряд. Пройти по целине сто метров теперь равносильно нескольким километрам по лыжне. Вот где понадобились бы широкие камусные лыжи. Но их нет. Следовательно, буду пробивать в лесу лыжню постепенно, с каждым разом наращивая ее. Да, нынешний сезон состоит из сплошной цепи преград, преодоление которых не дает даже удовлетворения, ибо ничем не вознаграждается. Идет лишь борьба за существование. Так что единственной наградой становится сохранение собственной жизни. Нет, такое преодоление препятствий бессмысленно, и его надо прекращать. Жаль, что надо ждать еще (точнее, бороться за жизнь) по крайней мере, дней двадцать».

Испытания продолжаются

На следующий день термометр показал −40°, потом −43°, а 8 декабря спирт опустился сразу на 10 делений — до −53°. Это уже становилось интересно, потому что в прошлом году такого не было. Однако на этом дело не остановилось. 6 декабря я записал: «Испытания продолжаются. Термометр зашкалило, то есть крашеный спирт опустился ниже делений шкалы, передел которых равнялся −55°. Экстраполируя, можно оценить примерно −59°. Такого мне еще не доводилось ощущать. Однако благодаря чрезвычайной сухости мороз сразу не ощущается. Я спокойно выхожу в нижнем белье по мелким делам, совсем не ежась от холода». Но такое, могу добавить, испытываешь лишь первые мгновения. Больше 10–15 минут оставаться на морозе даже одетым духу не хватает. Колол дрова — так они рассыпаются, как стекла, под ударом топора. Топорище, оставленное на ночь, разлетелось при взмахе на три куска, будто сделано из хрусталя. После этого случая другой топор я постоянно держал в избе, вынося только на время колки дров. Работать на открытом воздухе трудно не только из-за мороза, но и из-за выдыхаемого пара, который ничего не дает видеть перед собой, настолько он густой. Плевок падает на плотный снег уже ледышкой, отскакивая от него рикошетом. Керосин в канистре загустел и превратился в серую кашицу. Пришлось его вместе с бензином и бензопилой внести в избу. Опасаясь сильных и продолжительных морозов, я решил пополнить запасы дров. Если и придется окочуриться, то во всяком случае не от холода, а лишь от голода. И то легче. А морозы тем временем и не думали сдавать позиции. 8 декабря было уже, видимо, около −61°.

Снова пришлось вводить карточную систему на продукты. И как назло, появился неуемный аппетит. Так всегда. Стоит продуктам подойти к концу, как разыгрывается зверский аппетит. 9-го я пилил дрова. А из-за отсутствия автола добавил в бензин оливкового масла. В результате из выхлопной трубы повалил запах жареных пончиков, которыми мы лакомились у Андрея. Да, голодному всюду мерещатся яства. В следующий раз, решил я про себя, в бензин надо будет подлить рыбьего жиру, что припасен мною для Мальчика. Я этот жир с детства терпеть не могу. Может быть, тогда избавлюсь от вкусовых галлюцинаций во время пилки дров?

10 декабря наступило потепление: спирт вылез из колбочки и полез вверх, достигнув отметки −55°. А на следующий день подлетел до −47°. Ну, это уже совсем тепло. Можно вставать на

лыжи и катить снова к пирожкам.

Об охоте думать не приходилось. Надо сначала выжить.

Я тщательно оделся, прикрыл хорошенько за собой дверь и пошел по лесной лыжне, пробитой до шестидесятиградусных морозов. Два километра я тогда протаптывал два дня, проделав в снегу целую траншею. И успел обойти еще до сильных морозов тот коварный участок реки, на котором вляпался с Мальчиком почти месяц назад в предательскую верховодку. И вот сейчас мы сравнительно легко прошли этот лесной участок, выскочив на реку за пределами опасной зоны. Идти по реке тоже было нетрудно, так как морозы сделали свое дело и сковали поверхностную воду. А прикрывавший наст свежий снег был неглубокий. Однако вынужденная диета дала о себе знать: я заметно ослаб и последние километры шел уже с трудом. До балагана я бы не дотянул.

В тот самый час, когда я уходил к Андрею, он сам шел из базы по направлению к нижней своей избе, где отсиживался в морозы его напарник Володя. Так что, когда я через три часа подкатил к базе, она была еще теплая. На столе лежала записка, где помимо указания расположения пищи Андрей спрашивал, какой приманкой мы пользуемся при ловле соболей. Ха! Они все никак не поймут, что дело совсем не в приманке. Пока я отсиживался, точнее, отлеживался у себя в избе, много думал, почему в одних случаях голодный соболь лезет в капкан, а в других — нет, даже если они и неходовые, местные. Например, в прошлом году голодный соболь брал приманку, а в этом не берет, хотя в этом году он тоже голодный. А все дело, по-моему, вот в чем.

Когда пищи нет, соболь вынужден много ходить в поисках ее. Но в этом поиске он не теряет бдительности и ко всякому неестественному запаху или предмету относится с опаской и осторожностью. Он предпочтет лучше пройти лишние несколько километров, чем отважится взять непривычную для естественных условий пищу. Все-таки он не дурак и разбирается, что естественное, а что искусственное. Так он поступает в этом году. Но когда ареал поиска его ограничен, когда неподалеку ходит такой же голодный собрат, готовый посягнуть не только на твою территорию, но и на тебя самого, выбирать не приходится. Голод — не тетка, и соболь берет все, что подвернется съедобного на его пути. Так было в прошлом году, когда на той же территории плотность соболей была в десять раз выше. И хотя мышей и птицы тогда было немало, но охотников на них было еще больше. Каков же выход? А все тот же. Я по-прежнему считаю, что надо ловить лишь ходового соболя, то есть лишь в местах их обилия, в

местах высокой плотности. А в такие годы как нынешний, в наших угодьях делать просто нечего, незачем терять время. Брать же с собакой, пока она идет, — значит подрывать естественный ресурс. И нечего изощряться, чтобы как-то обмануть зверька и заманить его в ловушку. Это только приведет к падению общей численности соболей в стране что и происходит (и происходило в прошлом) в районах, где хитрых охотников больше, чем несчастных ценных зверьков.

Вот что я отвечу Андрею с Володей. Но я не уверен, что меня поймут правильно. Хоть я и пекусь о сохранении фауны но и я, и Андрей, и многие другие промысловики должны на что-то жить. Ничего другого пока не придумано. Поэтому нам нужны соболя, чтобы дотянуть до следующего сезона. Такова проза жизни. Она противоречит моим убеждениям, но, чтобы жить, я должен все-таки добывать, отбросив в сторону всякие умствования…

Безысходное положение

Ребята пришли через день, то есть 14 декабря. Я спросил их о результатах охоты и узнал, что у них та же картина, что и у меня. Андрей и без меня пришел к выводу, что охоту в этом году пора кончать. Володя еще колебался. Он новичок. Придан Андрею в этом году в качестве стажера. Возвращаться в первый же сезон ни с чем ему обидно. Да и вложил он в это предприятие слишком много. Не говоря о затраченных средствах на экипировку и всевозможное оборудование, куда вошли и бензопила, и лодка, и многое другое, он распрощался и с прежней профессией, и с работой. Для городского человека это большая жертва. Впрочем, мы с Андреем уже прошли через это и, когда Володя еще прошлой осенью, сплывая в качестве туриста по Вахте, разговорился с Андреем, тот его предупредил. Так что пенять не на кого. Такова жизнь. Без риска не бывает авантюр. А уход в трапперство для современного человека равносилен авантюре. Поэтому все идет нормально.

К моему приходу у них на двоих было всего два соболя. Правда, впереди еще почти полмесяца. А в декабре зверьки все-таки должны зашевелиться. Ведь чем сильней мороз и глубже снег тем, с одной стороны, больше пищи нужно зверю, а с другой — тем труднее ее добыть. Значит, соболя начнут теснить друг друга, и появятся наконец ходовые экземпляры. Пусть не в большом количестве, но все равно они должны быть. И надежды терять не стоит.

Однако Андрей решил уезжать домой, в Москву. Он заявил, что суровые и опасные условия нынешнего сезона не окупятся, даже теми 10–15 соболями, которые, может быть, и появятся, к концу зимы. Эта зима и для ребят оказалась трудной, хоть им и не пришлось изведать прелестей купания в ледяных ваннах. Но уже одно отсутствие дичи и зверя в тайге не вдохновляло на дальнейшие испытания в условиях морозного и снежного стресса. Одна из их избушек находится тоже в 20 километрах от соседей, и переход к ней всякий раз сопровождался риском и огромными трудностями: каждый раз лыжня заносилась начисто, а засечки удавалось найти не всегда, так как, во-первых, они тоже заносились, а во-вторых, подходить приходилось в сумерках, когда и без того плохо все видно. Такой же собаки, как мой Мальчик, у них нет, хотя собак четыре. Они быстро выбиваются из сил и не хотят идти впереди. В общем, горя хлебнуть ребятам тоже пришлось. А ведь они ходили все время вдвоем. Но, видно, легче от этого было не намного.

Итак, мы собрались все вместе в одной избе. Несмотря на то, что изба большая и нар хватало на всех, теснота все же ощущалась. Ведь было еще и пять собак, из них три кобеля, вечно рычащих друг на друга. У Андрея были все те же собаки: Рыжий (старый «друг» Мальчика) и сучка, а Володя купил двух собак у вдовы погибшего в прошлом году охотника. Это те самые собаки, что полмесяца лежали у трупа хозяина, пока их не подобрали спасатели с вертолета.

Я боялся возвращаться к себе из-за все той же воды и морозов, которые могли запереть меня надолго, и я не успел бы подойти к самолету, который садится зимой только здесь, на базе. Пока мы жили вместе, морозы отпустили, снова повалил снег, и на реке вновь выступила вода. Я все-таки попытался раз пробиться, но безуспешно, и после этого не предпринимал более попыток. А надо было проверить капканы и рассторожить их. Ведь я тоже намеревался улететь в Москву.

Убедившись, что пробиться к себе невозможно, я стал охотиться в окрестностях базы, на территориях, не занятых путиками ребят. Но эти походы мало что давали. Я в основном убивал время, чтобы не скучать. Правда, в эти дни удалось подстрелить с дюжину птиц и поймать в капканы двух зайцев, по-моему, единственных на всю округу. Как-то обнаружив у поваленной березы массу заячьих следов, я замаскировал там капкан и на следующий день принес одного зайца. Тогда я повалил еще одну березу. А когда убедился, что и здесь появился зайчишка, снова поставил капкан и снова поймал белоснежного грызуна. После этого свежих следов больше не появлялось.

Ребята же тем временем сходили в одно из своих зимовий и принесли двух соболей. Все-таки соболь появился, как и ожидали. Но такой хилый подход не изменил решения ребят прекратить сезон. Возможно, на моих путиках тоже застряла пара-тройка соболей. Но как их достать?

Последние дни декабря сидели дома в ожидании самолета. Ребята рассторожили все капканы на своих путиках, спрятали в лесу ценные вещи до следующего года и отдыхали, предаваясь размышлениям о превратностях жизни. Мы с Мальчиком тоже отдыхали. Если было жарко, Мальчик залезал под мои нары; ночью же, когда изба остывала, он забирался ко мне наверх и храпел, как мужик, бесцеремонно развалившись. Я его не гнал, потому что он согревал меня. Конечно, вставать и подтапливать печь приходилось. Но мы обычно тянули до последнего, и делал это тот, кому было холоднее всего.

Предновогодние дни стояли пасмурные и серые. Солнце не показывалось совсем. Полярной ночи, конечно, не было, но днем

эту серость назвать было трудно. Вообще декабрь — самый унылый и неприятный месяц в этих местах. День уменьшается, морозы увеличиваются. Круглосуточно торчать в избе — сплошное уныние. Кроме приемника, никаких развлечений. Многие охотники берут старые журналы и газеты, ну и книги, разумеется. А один из наших, тоже приезжий, помимо книг возит портативный проигрыватель с долгоиграющими пластинками. Все эти атрибуты быта, конечно, скрашивают довольно убогое существование в тайге.

Самолет прилетел 26 декабря. Первый вопрос охотоведа был: «Сколько добыли?» Мы только развели руками. На борту находились и другие охотники, которых захватили по пути. У них положение было примерно таким же, хотя у нас все-таки хуже всех. Некоторые везли по семь-восемь штук.

АН-2 взял курс к балагану Толи. Когда мы сели на лед, тот подбежал возбужденный и сказал, что в деревню на каникулы не полетит.

— Почему?

— Соболь пошел!

— Когда?

— Да вот в самую последнюю неделю! Не хочу терять случай. Летите без меня. Вот записка, там я указал, что привезти мне в январе. А пока до свидания!

В мешочке, что он передал мне, лежало шесть соболей, и в записке говорилось, что соболь обнаружен на всех путиках и после встречи самолета Толя намерен снять с капканов еще столько же. В общем, парню начало везти.

Все начинается сначала

В Москву я не улетел. Не пустили. Никакие мои доводы не действовали на охотоведа, ему нужен был план — и все тут.

Пришлось сидеть и ждать обратно отправки в тайгу. А Андрей с Володей улетели по домам. Андрей сослался на болезнь отца, а Володя, как стажер, не имел права на самостоятельную охоту. Конечно, если бы захотел, то остался бы. Но тут закон был на его стороне.

16 января ранним морозным утром меня высадили на карповской базе и затем полетели дальше, к Анатолию. Но не успел я стаскать вещи к берегу, как самолет снова появился и сел. Оказалось, что Анатолия в балагане не было. Вероятно ушел на один из своих путиков. Но охотовед забеспокоился, а вдруг Толя замерз в доме, как это случилось с одним из охотников в самые лютые морозы декабря? Поэтому специально велел опуститься снова ко мне, чтоб попросить меня сходить к нему. Не знаю, понимал ли он, что это нереально, или просто хотел застраховать себя от очередного ЧП: мол, сделал все, что мог. Если вода стоит уже против балагана, то на всем тридцатикилометровом промежутке — тем более, и ходу мне туда нет. Впрочем, я-то не беспокоился за Толю, так как знал, что у него все путики проложены вдали от реки и добирается он даже до самых дальних по лесным тропам. Так что у него-то как раз все в полном порядке. Тем не менее, я сказал, что постараюсь пройти к Толе. На этом мы и расстались.

Первым делом я растопил печку и начал затем потихоньку затаскивать вещи на обрыв. В этот раз кроме традиционных продуктов я привез целый мешок замороженного молока (50 килограммов), несколько мешков свежезамороженного хлеба и 30 килограммов мороженой брусники. Так что против авитаминоза я застраховался хорошо. Уж если зимовать так с комфортом.

На следующее утро, встав уже свежим и отдохнувшим я решил сходить в лес и попробовать восстановить карповские путики. Заранее зная, что это не такое уж простое дело, потому что все лыжни занесены начисто, я пошел в направлении, куда всегда уходил Андрей, и стал тщательно изучать малейшие признаки путиков. Вскоре мне удалось нащупать начало одного из них. Дальше пошло легче, так как Андрей наделал много затесов, по которым удалось за день восстановить один большой путик. Настроение мое поднялось. И хоть утром я встал с болью в мышцах, к вечеру после напряженного дня, изрядно попотев, я, несмотря на усталость, чувствовал себя отлично. Появился

зверский аппетит (признак исправного здоровья) и лошадиная трудоспособность.

Следующий день также прошел в восстановлении путика, только другого. Этот был круговой и тянулся на 15 километров. Идя все время по лесной целине, я сделал приятное открытие — в лесу появился наст. Он держит не только меня, но и собаку. Значит, к себе в избу я могу идти не по реке, а по лесу. В прошлом году такого не было.

Третий путик восстановить не удалось. Следопыт я оказался не блестящий, так как потерял продолжение путика на первом же километре. Мальчик также здесь не мог оказать мне помощь. В общем пришлось довольствоваться тем, что удалось восстановить. Но и это уже неплохо. Все-таки почти полсотни капканов. Кстати, у меня и приманка кончилась, которую я заготовил еще в деревне.

20 января резко похолодало и я получил возможность устроить себе отдых. Конечно, все это относительно. Просто я посвятил себя хозяйственным работам дома. Надо было побеспокоиться о дровах. Андрей обычно на зиму заготавливает лишь сухую растопку, а сырые дрова пилит в течение зимы. В качестве последних используется береза. Это дерево замечательно тем, что горит отлично в «свежезамороженном» виде и при этом дает сильный жар. Печка у Андрея маленькая и круглая, поэтому топить приходится короткими чурками. Натолкаешь их, как в газогенератор, и она аж гудит, раскаляясь порой до красна. Одна беда — дрова слишком быстро прогорают. Надо через каждые 30–40 минут подбрасывать чурки, иначе погаснет, и приходится снова растапливать, прибегая к помощи сухих дров. В моей избе печь гораздо лучше. Там я закладываю несколько полешек, и они горят почти полночи, давая равномерный жар. Но береза для этой цели уже не подходит, ибо она либо горит с огромным жаром, либо вообще не горит. Ей нужна большая начальная температура. Поэтому у себя в избе я пользуюсь дровами из хвойных пород, причем не такими калорийными, как лиственница. Этой я пользуюсь, лишь, когда хочу быстро что-нибудь сварить или в сильные морозы, если надо прогреть избу после длительного отсутствие в ней.

Таким образом, воспользовавшись сорокаградусным морозом, я сходил на лабаз, где ребята оставили вместе с другими вещами и бензопилу, и начал валить березы, распиливая сначала на бревна, а затем, подтащив к дому, уже на короткие чурки. А колоть такие чурки — сплошное удовольствие. Прозанимавшись таким удовольствием полдня, я наготовил дров на полмесяца. Раньше, когда здесь не было бензопилы, и когда я еще был

напарником Андрея, то каждый день пилил дрова, затрачивая на это дело не менее двух часов в день. Лишняя и нерациональная трата сил и времени.

Итак, в этой избе мне уже делать нечего. Надо идти к себе. Однако на следующее утро, проснувшись и увидев, что термометр показывает −39°, а за окном еще и ветер, я поймал себя на том, что рад случаю не идти в поход.

Уже после завтрака, возлежа на нарах и блаженно переваривая пищу, я попытался объяснить себе причину нежелания возвращаться в свою избу. Идти-то ведь надо, а почему-то не хочется. Может быть, слишком свежи впечатления от недавних двух вынужденных заточений в своем зимовье, сопровождаемых голодом и страхом глупо погибнуть? Возможно. Но ведь теперь многое изменилось. Во-первых, я могу теперь спокойно идти не по реке (будь она трижды проклята!), а по лесу. Во-вторых, продукты таскать уже надо не за 20 километров, а всего за 11. А это сущие пустяки в сравнении с предыдущими моими походами до балагана. В-третьих, если даже нагрянут морозы, я уже их не боюсь, так как приходилось топать и при −47°. Да еще при каких сопутствующих обстоятельствах! Так что мне теперь должно быть все нипочем и пора бы забыть и прошлые впечатления. Ведь я вышел из испытаний невредимым и здоровым. Впрочем… здоровым ли? Физически-то да. А вот морально?

Если я боюсь, если напуган, значит, травма нанесена сильная, значит, я все-таки вышел из испытания не таким уж невредимым. Нет, если я хочу окончательно избавиться от последствий прошлого, мне надо перебороть себя и вернуться в свою избу, чего бы это ни стоило. К тому же физически я себя сейчас чувствую отдохнувшим и в хорошей форме.

И вот на следующий день, нагрузившись, что говорится, под завязку, ринулся в поход. Со страху взял такой темп, что через три часа отмахал все расстояние, идя при этом все время по целине. Шел, как говорится, закусив удила. Наст залегал под свежим снегом, на приличной глубине, так что попахать пришлось вволю. Даже Мальчик не выдержал и, после нескольких безуспешных попыток обогнать меня, смирился с участью арьергарда. Избу занесло основательно. Завалило и палатку с дровами, и подходы к избе слоем примерно в 60 сантиметров. Быстро расчистив все, затопил печку и принялся готовить пищу. Но голод, я ощутил лишь к вечеру. Психологический настрой был таков, что я мог бы пройти еще столько же. Однако выложился основательно. После спада нервного напряжения я почувствовал это хорошо.

Все-таки здорово я натерпелся от коварств природы в прошедшем году, то есть до Нового года. Помучила и попугала она меня так, что я стал бояться ее, чего раньше за мной не наблюдалось. Хорошо это или плохо? В меру — хорошо. Раньше, уверенный в себе, я лез напролом, пренебрегая любой опасностью. И это, скорее всего, была не уверенность, а самоуверенность, ибо природная стихия всегда сильнее человека, тем более одинокого. Теперь я буду предусмотрительнее и осторожнее.

Однако и здесь надо соблюдать меру. Чрезмерная осторожность — это уже нерешительность и трусость. Запуганный человек — моральный калека, и на незаурядные поступки он уже не способен. Очень важно поэтому не перейти грань между трезвой осторожностью и панической трусостью. Если человек это понимает, он не допустит, чтобы горький опыт сделал его нерешительным. Наоборот, опыт должен способствовать достижению поставленной цели, помогая избегать досадных ошибок.

Что касается меня, то я наполовину преодолел свой психологический барьер. Теперь осталось сходить до балагана и совсем вылечусь от последствий предыдущих ударов судьбы. Надо действовать по принципу: клин вышибается клином.

Но только не все сразу.

Полезный атавизм

Первый обход мы начали с Мальчиком с того путика, где еще в начале зимы он водил меня по забытым тропам, а потом прихватил первого соболя. Не проверял я этот путик два с лишним месяца, то есть с середины ноября. Естественно, лыжня давно исчезла. Но я теперь шел по засечкам, сделанным зимой. Поэтому все старые капканы нашел быстро, а в одном из них обнаружил соболя. Похоже, ожидал он меня здесь более месяца. В другом месте я не увидел на установке капкана. Вероятно, ушел соболь, отвинтив проволоку. Досадно. В прошлом году у меня сорвалось таким образом шесть соболей, из которых четырех я все-таки нашел по следам (не без помощи Мальчика, разумеется). Но тогда и соболей было в десять раз больше. Сейчас же каждый соболь для меня очень важен, так как пора отдавать долги промхозу. Не могут же они меня бесконечно авансировать. Хорошо, хоть один остался. В прошлом году такого не произошло бы. По лесу тогда ходило много всякого голодного зверья — волки, росомахи, песцы, лисы, наконец, сами соболя, которые быстро управлялись с незадачливыми жертвами капканного промысла. Я не успевал носиться по путикам. Так у меня пропало еще восемь соболей. Но в этом году тайга будто вымерла. Ни жертв, ни хищников. Спокойно можно оставлять капканы на несколько месяцев и быть уверенным, что никто не снимет до тебя твою добычу.

Вообще-то я так и хотел сделать, убеждая охотоведа отпустить меня на зимние каникулы. Вернулся бы я в конце февраля и снял бы того же соболя. Ждал он меня месяц, подождал бы и два. И никаких мучений и риска для жизни. Но разве втолкуешь человеку, который не хочет отступать от заведенного порядка и не желает понять, что год на год не походит? Если бы мы были уверены, что убедим охотоведа, то так поступили бы и Андрей с Володей. Но они заранее знали исход разговора, поэтому-то и уехали насовсем, рассторожив все свои капканы.

В этот день я сделал для себя еще одно открытие. Дело в том, что, желая удлинить путик, я продолжил его в прошлый раз и проставил добавочно еще пять капканов. Затесов, как обычно, я не делал, полагаясь на лыжню. Как теперь найти эти капканы? Продолжая путик, я в тот раз не пользовался компасом. По солнцу не ориентировался, так как погода была пасмурная. Шел наугад. И вот теперь, постояв в раздумье у последнего капкана, двинулся вперед, полагаясь прежде всего на свое чутье. Выбрать в безбрежном лесу правильное направление, где все деревья

одинаковы, и не отклониться ни на секунду, пожалуй, дело мудреное. И что же? Я вышел к следующему капкану, как будто меня вели за руку, а ведь установка находилась в 350–400 метрах. Это меня даже обескуражило немного. Ведь я-то себя знаю. Мне ничего не стоит заблудиться в лесу. Уже проверено. Я начинаю кружить, отклоняясь от прямолинейного направления. А тут выйти дерево в дерево! Да, есть над чем призадуматься.

Зараженный азартом, двинулся дальше. И нашел еще два капкана! Ну, это просто непостижимо. Случайностью уже такое быть не может. Вдохновленный, отправился искать последние два капкана. Но на этот раз сколько ни куролесил, так и не нашел их. Вероятно, в прошлый раз я по обыкновению кружил и, боюсь, повернул в обратную сторону, в то время как в этот раз старался выдержать азимут, благо небо было ясное. Поэтому, вероятно, и не нашел других капканов. Ну да ладно. Беда невелика. Главное — я воскресил в себе еще одну способность, которую цивилизованное человечество постепенно утеряло. Я имею в виду ориентирование на местности, где нет заметных примет. Дикие животные, например, прекрасно находят дорогу, руководствуясь интуицией. А вот о домашних этого уже не скажешь. Они хоть и не утеряли окончательно этой способности, но все-таки притупили. Даже собаки теряются в тайге. Правда, кошки этот инстинкт лучше сохранили. Кошка осталась более дикой и менее одомашненной, несмотря на длительное сожительство с человеком. Что же касается людей, то, чем сильнее развита урбанизация населения, тем меньше сохраняется в нем эта способность. Наоборот, об исконных жителях тайги этого не скажешь. Они на протяжении всей своей эволюции не разлучались с дикой природой. О себе могу сказать, что я типичный городской житель, давно порвавший с диким окружением. Поэтому тем удивительнее для меня было это открытие. Конечно, я вполне отдаю себе отчет, что тут могла быть и случайность. Так что в тайгу я все-таки не отважусь впредь ходить без компаса и карты. Полагаться на интуицию рановато — слишком мал мой практический опыт. Однако что ни говори, а сдвиги есть, и я думаю, что наблюденное мною явление — все-таки не случайность, а следствие тренировки организма в условиях первозданной природы. Значит, не все порвано у человека с природой. При желании можно и восстановить утраченные способности.

Наш тандем в действии

«24 января. Все идет по закону: солнце — на лето, зима — на мороз. Только вчера температура держалась на —30°, а сегодня утром мороз дошел до -48°. Обычно днем суточный ход немного повышает температуру, но на этот раз столбик крашеного спирта остался на месте. Значит, ночью врежет за —50°».

Чувствуя что предстоит опять возлежать в бездействии, я решился пока не «врезало за −50°», сбегать еще на один путик. Это тоже радиальный, то есть идущий перпендикулярно к реке и я рассчитывал на нем обнаружить добычу. Согласно моим предположениям, соболь в этом году пошел не с севера как в прошлом, а с востока. Следовательно, брать я буду соболей в основном с радиальных путиков, расположенных фронтально к его миграционному пути. И мне не терпелось проверить правильность своего предположения.

Оделся я на этот раз не так плотно, как в первый переход по такому морозу: все-таки в лесу теплее, чем на реке. Мальчик, как обычно, почувствовав по сборам, что предстоит идти на охоту, выражал нетерпение, пока я надевал лыжи. Раньше он не выдерживал пытки моего копания и уносился в направлении, выбранном им самим. Посему часто получалось, что я уходил в одну сторону, а он охотился в противоположном конце. Правда, потом он все-таки возвращался назад и находил меня, но это уже через несколько часов. Разумеется, за самоволку я устраивал ему крепкую взбучку. После нескольких таких уроков он уже не убегал, пока я не тронусь с места. Теперь он сначала убеждался, какое я выбрал направление, и лишь потом стремглав уносился вперед. Многие охотники во избежание таких неприятностей просто привязывают собак и отпускают, лишь когда четко выйдут на единственный путь, с которого свернуть уже невозможно. Другие вообще спускают собак с поводка лишь тогда, когда обнаружат свежий след искомого зверя.

Я не сторонник такого утилитаризма в использовании собаки. Я верю в ее интеллект и поэтому добиваюсь от нее сообразительности, выдержки и умения внимательно следить за желаниями своего хозяина. При этом приходится в воспитании прибегать к методу «кнута и пряника». Зато потом имею дело уже с думающими животными и больше не мучаюсь на охоте. Более того, требуя от собаки сообразительности, я добился в частности от Мальчика такого понимания, на которое даже не рассчитывал, полагая, что есть ведь и потолок собачьей сообразительности. Однако этот «потолок» можно, оказывается, и приподнять. Вот

довольно показательный пример. Когда мы с Мальчиком уходим в обход и он бежит впереди, я добился того, что он не теряет меня из виду. Если он не слышит меня, то возвращается назад, конечно, при условии, что не увлечен поиском зверя. Таким образом, мы постоянно поддерживаем контакт, и я уже не беспокоюсь потерять Мальчика, если вздумаю изменить направление выбранного пути. Далее. Когда Мальчик подбегает к раздваивающейся лыжне, он останавливается и ждет меня. Увидев меня издали, он устремляется по одной из них и тут же оглядывается: правильно ли пошел. Если я кричу «Не туда!», он возвращается и убегает по другой лыжне (на этот раз без оглядки). А бывает так, что лыжня раздваивается на другом берегу реки, в то время как я нахожусь еще на этом берегу. Кричать трудно, и тогда я показываю рукой. Если идти вправо, машу правой рукой, если влево, — левой. Он мгновенно схватывает правильное направление и улепетывает тотчас же, считая, видимо, что время — деньги и ждать, пока я доплетусь, преступно. Мальчик очень деловой и серьезный пес.

Итак, после нескольких таких уточнений маршрута мы наконец форсировали реку и углубились в тайгу по выбранному путику. В мороз идется хорошо, особенно-то не попрохлаждаешься. Так что пять километров мы отмахали даже меньше чем за час. Правда, я не останавливался у капканов, чтобы зачистить их или сменить приманку, решив это делать на обратном пути. Но попавших соболей все-таки снял. Два экземпляра. Значит, мои расчеты оказались верными. Что же, приятно это осознавать.

На обратном пути я обновил приманку. Но должен заметить: −47 −48°—это предел, когда можно еще работать на путиках. Вообще же на пределе лучше не работать, ибо это труд на износ. Удовольствия он уже не доставляет. А ведь труд, как и вся жизнь (ведь жизнь-то из труда в основном состоит), должен приносить удовольствие. Работа на пределе возможного может доставить удовольствие, если она кратковременна и эпизодична. Если же она входит в систему, то превращается в каторгу. Мой же принцип — работать так, чтобы получать от этого удовольствие. Мне сегодня необходимо было пойти в обход, чтобы убедиться в правильности своей гипотезы. Я убедился и теперь спокойно могу пережидать морозы. Будем с Мальчиком отдыхать и отъедаться. Я рад, что у Мальчика теперь есть мясо. Да и мне легче: не нужно будет таскать лишние килограммы крупы.

Морозный стресс

На следующий день термометр действительно зашкалило: спирт опустился примерно до −57°. Но я не тужил, ибо закрома были полны, а дров и того больше, еще останется на следующий год. Ободрав соболей, я лежал и слушал приемник, думая при этом, сколько дней придется пролежать так. Ведь никаких признаков изменения погоды не появлялось.

Все оставшиеся дни января погода не менялась. Днем солнце иногда прогревало воздух, поднимая температуру до −48°, −46°. А однажды потеплело до −44° и я снова побежал в обход. Надо было закончить проверку всех путиков, которые уже более двух месяцев находились без присмотра.

Между прочим, в прошлом году я при −40° уже не показывал носа из избы. В этом году такая температура не то что теплынь, но вполне рабочая, которую можно и не замечать. Вот как меняются критерии. Человек все-таки удивительно легко приспосабливающееся существо. Видимо, это сыграло не последнюю роль в завоевании им земных пространств (невзирая на различия климатических особенностей планеты). Ни одно животное на земле не обладало такой приспособительной гибкостью. У всех был весьма определенный ареал, у человека же им оказалась вся Земля.

Короче говоря, несмотря на морозы, я обошел в январе все путики. Но ничего нового уже не получил. Лишь утвердился во мнении, что соболь идет с востока. Только этот ход настолько слаб и тощ, что первый заслон, выставленный в виде редкой цепи капканов, задерживает всех мигрантов. Следующий за первой цепью капканов второй поперечный путик уже оказался ненужным: до него соболи не доходили. Конечно, раз они идут с востока, то, естественно, широким фронтом и за пределами моих путиков проходят все-таки на запад. Значит, есть надежда изловить их на территории Андрея Карпова. Но лучше всех, вероятно, сейчас живется Анатолию. Ведь он первый встречает мигрантов и, конечно, отхватывает львиную долю. До меня доходят лишь прорвавшиеся через его заслон. А он-то, наверно, постарался построить глубоко эшелонированную систему. Интересно было бы узнать, как идут у него дела. В феврале надо будет обязательно сходить. Пока же надо вернуться на базу. Меня тянет туда в основном свежий хлеб, молоко и ягода. Этих продуктов в моей избушке пока нет. А я так соскучился по ним!

Поэтому, увидев 1 февраля на градуснике −44°, я собрался в путь, полагая, что днем воздух прогреется. Однако надежды мои

не оправдались. Несмотря на бодрый темп, я под конец пути стал замерзать, вернее, замерзли только руки, но это уже симптом. И действительно, когда я пришел на базу, термометр показал повышение только на один градус. В самой же избе стоял межпланетный колотун. Я затопил печку и бензоплиту, привезенную зимой. Но только через шесть часов стало жарко. Топить пришлось всю ночь, потому что к вечеру температура за окном упала до −50° и задул сильный восточный ветер. В общем, поспать не пришлось, так как перерыв в топке всего на два-три часа охлаждает избу до отрицательных температур. Не изба, а решето.

Днем следующего дня продолжал непрерывную топку. Заодно вертелся по хозяйству: натопил баню и помылся. Естественно, было не до сна. Но и ночь не дала покоя. Черт знает, что за антициклон! Стоит уже более десяти дней, непрерывно получая подкрепления. И хоть солнце прогревает пришедшую холодную массу воздуха, однако новая порция холодного воздуха снова возвращает температуру к исходной точке. Я не спал уже вторые сутки, и меня начало качать от усталости. Но уснуть я не мог, даже забыться ненадолго. Не позволяла взвинченная нервная система. Вообще-то это пока здоровая реакция организма. Ведь усни я безответственно в этой избе сейчас — и можно и окочуриться от переохлаждения. Вероятно, так вот и замерз в своей избе один из охотников промхоза. Мои нервы сейчас возбуждены до предела. Не давая организму расслабиться, они заставляют его работать на форсаже. А это уже работа на износ. Нет, надо бежать из этой избы, и как можно быстрее. Только бы дождаться послабления мороза. Хуже всего — это завывание ветра. Не будь его, тепло не выдувалось бы так быстро, и я мог бы поспать хоть пару часиков.

«Самое неприятное начинается к ночи, — записал я в своем дневнике, — ибо через каждые 30–40 минут надо подбрасывать чурки в печку. Тут уж не поспишь. Все же я заставил себя уснуть (нельзя же не спать двое с лишним суток подряд). Два раза по два часа. Правда, после этих перерывов в избе становилось холодно, почти как за дверью. Короче, не сон, а сплошное мучение и нервотрепка. За нервы я боюсь, ибо они не выдержат столь длительного перенапряжения».

3 февраля, невзирая на ветер и мороз, пошел к себе. Естественно, нагрузился и продуктами. Оделся тепло, даже чересчур, потому что в дороге вспотел. Пятнадцатикилограммовый рюкзак измотал меня вконец (хотя в прошлый переход он был и тяжелее).

Только добравшись до своего зимовья, я облегченно

вздохнул. Лишь здесь я могу отдыхать и физически и морально. Слава богу, убежал из этой проклятой базы. Еще двое суток таких испытаний и я не знаю, что бы со мной было. Как важно иметь надежное и теплое зимовье!

Дорого же мне обошлось желание полакомиться привезенными деликатесами!

Да, испытания мои, начавшиеся еще в прошлом году, не прекращаются. По-прежнему мне приходится бороться либо с холодом, либо с голодом, а то и с тем и с другим одновременно.

Ну и сезончик!

Трудяга Мальчик находит соболя

Погода изменилась лишь к 7 февраля. На базе к тому времени я успел бы отдать концы. В своей же избе блаженствовал, отходя от очередной душевной травмы. Мальчик тоже не терял времени даром. Дело в том, что возможность ходить по целине обернулась для него плачевно: он буквально наголо сбрил острым снегом шерсть со своих лап. И оголившаяся красная кожа уже кровоточила от постоянных ран. Но оставаться дома, чтоб дать отдохнуть лапам, он наотрез отказывался, принимая мои соболезнования за наказание. Поэтому я рад был случай переждать морозы, за время которых Мальчик интенсивно отращивал щетину на своих лапках и зализывал раны.

Разумеется, за три дня отрастить волосы он не успел и ушел в очередной обход, образно говоря, босиком. Но, судя по радостному виду, с каким он собирался на охоту, последнее обстоятельство его ничуть не беспокоило. Похоже, отлеживание в избе на него лишь нагоняло хандру. Вот неуемная натура. Кстати, о натуре. В деревне я наконец выяснил, почему Мальчик такой маленький. Все разрешилось просто. Мальчик оказался помесью чистопородной карело-финской лайки с местным «дворянином». Его мать живет тоже в Верхнеимбатском и имеет даже медаль за породность. Вот откуда у него и злобность, и выносливость, и другие прекрасные охотничьи данные. Но братьев Мальчика я почему-то в деревне не встречал. Вероятно, это объясняется тем, что местные охотники ценят крупных, длинноногих собак, а посему пометы карело-финской лайки по причине отсутствия спроса уничтожаются. А напрасно.

7 февраля мы снова направились на другую сторону реки. Та сторона гораздо богаче зверьем и птицей. В тайге было тепло — всего -20°, а на реке от ветра образовался наст, который свободно держал собаку. Мальчик не преминул воспользоваться этим и стал кувыркаться, очищая свою шерстку о плотный снег. Он вообще большой чистюля. Каждый раз по возвращении с охоты не меньше часа наводит туалет, особое внимание уделяя, конечно, лапкам. Но и остальную шкуру не забывает, облизывая ее, прямо как кошка. Вот только мордочку мыть по-кошачьи лапкой не умеет. Зато у него есть другой способ умываться. Почти каждый раз, особенно если лыжня занесена свежим, рыхлым снегом, он ныряет головой в эту толщу и, упираясь задними лапами, буровит снег, как бульдозер. Пропахав так несколько шагов, выныривает весь в снегу и с видом шаловливого мальчишки оглядывается на меня. И такое озорство и лукавство

написано на его мордашке, что я не выдерживаю и смеюсь. А он, довольный, что позабавил меня своим трюком, снова ныряет, и только хвост торчит из-под снега, как флаг. Сначала я думал, что он просто озорничает, желая позабавить меня, но потом догадался, что он так умывается. Ведь другим способом чистить мордашку он не может.

В этот день он тоже повторил свой ритуал омовения и понесся после этого осматривать путик. Километра через два я его снова увидел. Он стоял на лыжне и смотрел в сторону. Я сразу догадался, что он дает мне этим понять о близком присутствии рябчика. У нас в этом отношении полное взаимопонимание. На каждую дичь свой способ реакции. Почуяв глухаря, например, Мальчик начинает интенсивно вилять хвостом, ища птицу. Если глухарь затаился в снегу, Мальчик беззастенчиво выгоняет его, заставляя подняться на крыло. А когда тот усядется на дерево, начинает облаивать. Мне в этом случае остается подойти и убить птицу. Вид падающей жертвы приводит Мальчика в экстаз, и он бросается на нее с остервенением. Но вот с рябчиками я обучил его обращаться деликатно. Дело в том, что рябчик очень пуглив и не выдерживает облаивания собаки. Поэтому я запрещаю Мальчику не только лаять, но даже подходить близко к птице. Так что теперь, когда я подкрадываюсь к рябчикам, он стоит в стороне и ждет, когда я подстрелю, чтоб подбежать и придушить добычу. Это я ему позволяю, даже поощряю, так как рябчик падает в снег, проваливаясь глубоко, и я могу его потерять. А по следам собаки я обязательно найду его. Ведь обычно стреляешь по стаям, которые не разлетаются, если осторожно снимаешь одну птицу за другой. В этот момент надо побольше уложить их, не сходя с одного места, иначе можно распугать.

Поэтому-то, учуяв рябчиков, Мальчик ждет меня, не гоняя их и не облаивая, а только смотрит в ту сторону, где затаилась птица.

Я подошел и ничего не увидел. Тогда осторожно сошел с лыжни и двинулся в указанном направлении. И только после этого услышал предостерегающее клекотание птицы. Рябчиков было всего два, и оба угодили в рюкзак. За исправную работу я тут же поощряю Мальчика и отдаю ему головы птиц. Он съедает их с огромным удовольствием. Это для него лучшее лакомство.

Обратно мы возвращались, уже когда начало смеркаться. Путик этот длинный, и я затрачиваю на него часов пять. Подходя уже к реке, я вдруг увидел, что навстречу мне несется Мальчик с очень сосредоточенным видом. Проскочив у меня между ног, устремился дальше. Я ничего не понял и продолжал двигаться. Но через некоторое время увидел свежий след соболя, пересекающий

лыжню. Когда шли туда, этого следа еще не было. Соболь шел за нами, и поэтому Мальчик побежал по лыжне обратно. По следу он не пошел — по лыжне-то проще. Да и вообще я заметил, что по следу он не ходит никогда, а идет стороной и ведет тропление, срезая все изгибы и выверты прошедшего зверя.

Я прошел еще метров двести, а потом решил подождать. Обычно Мальчик очень быстро находит зверя. Так оно случилось и в этот раз. Мне не пришлось ждать и пятнадцати минут, как раздался азартный лай. Я круто развернулся и побежал напролом через кусты и бурелом. Подбежав, увидел, как Мальчик осадил поваленную лиственницу и пытается прогрызть ее комлевую часть. Я снял лыжи и стал изучать это место. Похоже, что там есть вход в дупло. Но далеко ли оно тянется? Посмотрел, нет ли выходного отверстия в другом конце. Нет. Что же теперь делать? А пес тем временем рвет когти и пытается подкопаться под бревно. Тогда я сорвал с соседней березы бересту и, запалив ее, сунул туда, где рыл Мальчик. Повалил густой дым. Я велел Мальчику замолчать и стал прислушиваться. И вдруг услышал царапанье внутри ствола, а потом и урчание. Я стукнул топором по этому месту, урчание переместилось выше. Ага, значит, здесь дупло кончается. Тогда я отбросил бересту и заткнул обнаруженное отверстие корягой, а затем стал прорубать топором дыру в стволе. Лиственница — как камень, с трудом сделал отверстие. Аж взмок от махания. Наконец, готово. Снова открыл затычку и сунул дымящуюся бересту. Дым повалил в отверстие, как через трубу. Соболь не выдержал и тоже показался. Мальчик чуть не влез в дыру, диаметр которой не превышал пяти-шести сантиметров. Я его отогнал и взвел затвор. А соболь уже всерьез решил выскакивать наружу. Деловито примерился, не обращая на нас внимания, и готов был уже сигануть, но я предупредил его намерение выстрелом. Тут уж наступила очередь Мальчика. Он бросился и вытащил зверька. Душил его долго, не в силах успокоиться сразу. Потом, наконец, отдал мне. Бросив соболька в рюкзак, я побежал на рысях домой. Мальчик тоже радостно затрусил впереди.

Над тайгой вставала луна.

Охота на оленей

Забегая вперед, сообщаю, что этот соболь был последним на моей территории. Итак, шесть соболей (считая и ушедших с капканов) против шести десятков прошлого года, разница впечатляющая. Но у меня был в резерве еще карповский участок. Туда я и сходил 10 февраля. После 40-50-градусных морозов неожиданно нагрянула оттепель с температурой −2°! Валил снег, сопровождаемый сильным ветром. На этот раз избу я прогрел быстро. Но сидеть в ней было тоскливо, и, обойдя безрезультатно оба путика (добычу в виде глухарки и рябчиков не считаю), я вернулся к себе. Пора было навострять лыжи на восток. Во-первых, надо все-таки сходить к Толе, а во-вторых, не мешало бы забрать вещи, лежащие на десятикилометровом рубеже уже почти три месяца. По-видимому, сначала надо пробить лыжню до этого рубежа, а затем только сделать бросок и до балагана.

После оттепели, длившейся всего сутки, установилась погода умеренными температурами — от 20° до 35° мороза. Самая «походная погода».

16 февраля при ясном солнечном небе я вышел топтать лыжню в направлении балагана. Три месяца я не ходил по этому маршруту. К счастью, воды на реке не было. Видно, замерзла все-таки. Поскольку наст занесло снегом, идти было тяжело. Мои так называемые охотничьи лыжи (ширина 9-10 сантиметров) утопали полностью, даже вместе с загнутым носком. На последних километрах Мальчик уже плелся сзади. Однако я не снижал темпа, зная, что на обратном пути пойду по проложенной дороге. Вдруг, проходя сквозь заросли прибрежного кустарника, неожиданно увидел совсем близко черные спины двух крупных лосей. Лоси меня тоже заметили лишь в самый последний момент, когда я, срывая с плеча винтовку, побежал на сближение. Мальчик завизжал от возбуждения и, обогнав меня, скрылся в чаще. Тут я заметил лосенка. Значит, была целая семья. «Папаша» раза в полтора крупнее лосихи. Мальчик, увязая в снегу, прыгал вслед. Но куда там, разве их догонишь! Лоси даже не спешили, ибо то и дело останавливались и поджидали отстающего лосенка. Затем вся семья подалась в лес. Мальчик некоторое время преследовал их, но потом, видимо, решил, что занятие это бесполезное, и вернулся ко мне.

А я тем временем уже пытался раскопать наш склад. Под снегом его можно было угадать только по оставленной вешке. Несмотря на то, что склад мы ставили на сухой косе, вода, однако, подобралась и сюда, образовав обширную наледь. Короче,

мне пришлось отбивать топором все захоронение. Крупы, вермишель, мука, естественно, пропали. Нательные вещи пропитались водой и промерзли, потяжелев на несколько килограммов.

Вернувшись домой, решил сутки отлежаться после столь утомительного перехода: к балагану надо идти хорошо отдохнувшим. Ведь там последние десять километров придется идти снова по целине.

На мое счастье, небо оставалось ясным, и температура ниже −36° не опустилась. Так что через день я снова пошел по той же дороге. Пересекая реку в двух километрах от дома, я заметил вдали на реке несколько перемещающихся точек. «Опять, наверное, лоси», — подумал я и продолжал путь. Мальчик шел, ничего не замечая, потому что у собак зрение хуже, чем у людей. Я обратил его внимание, показав вперед. Точки двигались, вероятно, сначала нам навстречу, но, заметив нас, спешно стали удаляться. Мальчик все это видел, но не отреагировал никак: он глазам не доверяет, а нос ничего не чуял. Поэтому мы спокойно вошли в лес, продолжая шествие. И тут вдруг Мальчик заволновался. Поводя носом, он снова бросился к реке. Вероятно, слабый ветерок все-таки донес запах зверя. Однако на реке уже никого видно не было: звери скрылись за поворотом. Тогда он вернулся назад и устремился вперед по лыжне, которая шла вдоль берега. Только я его и видел. Пришлось идти в одиночестве. Подходя к позавчерашней остановке, я увидел в километре от себя двух оленей, а перед ними Мальчика. Близко к себе они его не подпускали. Увидев мое приближение, олени понеслись дальше. Мальчик — за ними. Догнал он их, наверное, через километр и опять уселся поодаль, принявшись зализывать лапки, а затем купаться в снегу. Держать на середине реки он оленей не мог, они легко обходили его. Но оставить их в покое не хотел. Вот и шли они все вместе. Я понял, что олени Мальчика не боятся, убедившись, что легко уходят от него. Он же, бедняга, ковылял по их следам с огромным трудом. Когда они останавливались, он догонял их и садился рядом, понимая, видимо, что нападать бесполезно: только спугнешь, и бесцельная погоня повторится снова. Поэтому он явно рассчитывал на мой подход. Однако ко мне олени еще не привыкли, и мое появление их пугало больше. Ближе чем на километр они поначалу меня не подпускали. Но я почувствовал, что олени совсем не хотят идти в направлении погони. Ведь они шли сначала нам навстречу. Вот почему они все чаще стали останавливаться, поняв, что от преследователей оторваться им не удалось. Теперь их заботило, как прорваться назад. Я это угадал, так как они с каждым разом

все ближе и ближе подпускали меня (тоже в конце концов и ко мне стали привыкать). Первоначально-то оленей было четыре. Но другая пара ушла в лес. Это был маневр. Стадные животные очень часто применяют маневр раздваивания. Мальчик выбрал группу, которая пошла по реке. И правильно сделал: в лес я бы не пошел.

Поняв желание оленей, я решил дать им возможность прорваться. К тому времени они подпустили меня уже метров на 300. Итак, я тоже предпринял маневр: резко подался к одному берегу реки, оставив для прохода другой. А река в этом месте была как раз шириной метров 300. Но, чтобы стрелять было не слишком далеко, я все-таки не стал прижиматься к берегу Поняв, что я им уступаю дорогу назад, олени колебались недолго. Развернувшись на 180°, потрусили сначала осторожно, не спеша, затем, по мере приближения, ускорили бег и уж мимо меня пронеслись размашистым шагом, задрав рогатые головы. Я выстрелил и, кажется, попал. Но, вероятно, в мягкое место. Так что пулька лишь пощекотала оленя. Послал вдогонку еще одну, но, пока перезаряжал, звери унеслись на приличное расстояние. Нет, малокалиберная винтовка на расстоянии 200 метров по такому крупному зверю уже неэффективна. Здесь нужен боевой карабин. Отбежав на безопасное расстояние, олени остановились, очевидно поджидая Мальчика который погнался за ними. Но я отозвал его, и мы, оставив оленей, направились к балагану, до которого было рукой подать.

Эпизод с оленями немного развлек меня. Ведь раньше я лишь один раз участвовал в отстреле этих животных, да и то на переправе осенью. А зимой мне ни разу не приходилось на них охотиться. Здесь все мне было внове. Прежде всего их поведение. Однако еще удивительнее было поведение Мальчика. Он никогда раньше не охотился ни на оленей, ни на лосей. А вот надо же, сразу сообразил, что нужно делать. И не просто гнал, а старался зайти вперед, чтобы остановить зверей. Ведь от охотничьей собаки именно этого и требуют. Остальное — забота охотника, подойти к стоящему зверю. Меня при этом немало позабавило, что олени поддаются воле собаки, хотя как лось, так и олень одним ударом копыта могут рассчитаться с любой собакой. Правда, Мальчик благоразумно не подходил близко, очевидно понимая соотношение сил. Однако он смело бросался вперед, и олени останавливались.

Несмотря на то, что пришли мы в балаган поздно, Толи там не оказалось. Вероятно, он ушел в свою палатку на Дельтуле. Но в балагане было тепло. Я разогрел оставленную им пищу, однако есть не хотелось. На душе было как-то неспокойно. Я понимал, отчего это. Слишком далеко от дома нахожусь, а балаган своим

домом я уже не чувствовал. Хотелось быстрее вернуться. В сущности зачем я здесь? Чтобы убедиться, что с Толей все в порядке? Но у него было даже отлично. В мешке лежала куча соболей — около 30 штук, сушились оленья шкура и несколько заячьих. Значит, мясом он обеспечен сполна. Что еще надо промысловику? Добыча есть, еда есть, приемник работает. Вообще-то я с самого начала предполагал, что у него дела идут лучше моих. Сюда пришел лишь для очистки совести и для самоутверждения. Теперь дело сделано, и надо возвращаться.

Кое-как проспав ночь и оставив записку, пустился в обратный путь. Тозовку я оставил и забрал свой карабин, провисевший здесь без применения весь сезон. Но, кажется, настала и его очередь поработать.

Обратно я пошел самым ранним утром. Погода не менялась, только ветер переменился на обратный, так что нам снова пришлось идти против него. По пути рассторожил капканы, установленные еще в прошлом году. Ничего в них не было.

Когда прошел километров 12, Мальчик опять что-то почуял и понесся вперед. Выйдя из-за мыса, увидел вдали четыре точки на расстоянии порядка двух с половиной километров. Но олени быстро скрылись за поворотом реки. Однако я надеялся, что Мальчик их догонит и остановит. Я же тем временем подойду к своему путику, что идет лесом вдоль реки, и смогу незаметно подкрасться к оленям. Теперь в руках у меня карабин, и я поражу цель с любого расстояния.

Через некоторое время я достиг своего путика и вошел в лес. Надо сказать, успел скрыться весьма вовремя, потому что очень скоро вдруг увидел оленей. Они шли по реке мне навстречу. Их было опять только два. Я остановился, вскинул карабин, присел и стал ждать. Сначала они шли вдоль моего берега, но, услышав скрип лыж, подались к другому. Делать нечего, пришлось переставлять прицельную планку, подниматься и бить стоя в угон. Первый выстрел решил участь обоих оленей. Я ранил самца, перебив ему переднюю ногу. Самка, увидев, что друг остановился, тоже встала, поджидая его. Цель была прекрасная и, чтобы не упустить ее, я спешно передернул затвор. Но тут вдруг заело патрон. Чертыхаясь, я все-таки освободился от него и, торопливо вскинув винтовку, выстрелил. Спокойствие мое было нарушено, и я впустую выпустил всю обойму, не задев ни одного оленя. Пришлось лезть в рюкзак за второй обоймой. А звери все стояли и ждали. И тогда я понял, что они никуда не уйдут, и можно не волнуясь, без спешки тщательно прицелиться. Результат не замедлил сказаться: шестой выстрел также оказался роковым, но уже для другого оленя. Только тогда я скатился к реке. Тем

временем подоспел Мальчик и стал облаивать раненых зверей. Я добил обоих в упор.

Уже потом, возвращаясь домой, я расшифровал по следам, что произошло, пока я шел без Мальчика к своему путику.

Убежав от меня, Мальчик догнал оленей. Для этого ему пришлось бежать не по реке, а по путику, ведь там лыжня твердая и скорость можно развить предельную. Поравнявшись с оленями, он бросился к реке им наперерез. Тогда олени снова разделились. Одна пара понеслась дальше по реке, а другая подалась в лес. Мальчик, как и вчера, погнался по реке. Но олени, вошедшие в лес, наткнувшись на мою лыжню, решили идти по ней. Однако лыжня скоро повернула к реке. И получилось так, что вторая пара оказалась сзади Мальчика, который преследовал уходящую первую пару. Мальчик в конце концов заметил комичность этой ситуации и быстро сообразил, что догонять уходящих резону меньше, чем задержать идущих сзади. Он так и сделал. Однако задние олени стоять не стали, а развернулись и пошли назад, норовя оторваться от Мальчика. Тут-то я их и увидел.

…Убить зверя — это полдела. Дальше предстоит тяжелая работа по сдиранию шкуры, потрошению и разделке туши. Делать это надо сразу же, иначе мясо испортится. Да и шкуру легче сдирать с теплого зверя. Я сбросил рюкзак, положил винтовку и снял лыжи. Но тут же провалился в воду. На лыжах наст держал меня и даже собаку, но без лыж работать оказалось невозможно. Один олень лежал в луже воды. Я оттащил его оттуда и приступил к делу. Нож у меня всегда при себе, топор сзади за поясом, так что работай только. Поскольку температура держалась около −25°, я снял лишь варежки, оставаясь в шерстяных перчатках. Ветер усиливался, и когда мороз студил кисти, я их окунал в теплую кровь.

Через полтора часа оба оленя были разделаны, и я мог идти домой. Захватив немного потрохов, оставил все тут же, решив завтра снова прийти и оттащить мясо на сухое место, чтобы поблизости мог сесть самолет и забрать его.

Домой вернулся в шестом часу, когда солнце уже заходило за горизонт. Несмотря на трудный день, усталости особой не чувствовал, даже не мог понять, почему.

А бедная собака за эти два дня так истерла лапы, что лысые участки появились даже там, где обычно раньше их не бывало. Лапки оголились сантиметров на десять и кровоточили. Решил усиленно кормить Мальчика мясом, чтоб быстрее заросли.

Вечером, лежа и переосмысливая увиденное и пережитое, почувствовал в душе неприятный осадок. До чего же мерзкая была сцена убийства животных и моя роль в ней! Почему я так

азартно и бездумно уничтожил их? Чем оправдать такую свою жестокость? Другое дело, когда я имею дело с соболями или другими хищниками. Я их не жалею, потому что они не нуждаются в жалости, будучи сильными и не менее жестокими к другим обитателям леса. Но эти травоядные лишь подвергаются нападениям со стороны как хищников, так и человека.

Чтобы как-то успокоиться и не терзать себя, я принялся рассуждать вслух, призвав на помощь здравый смысл и логику. «Человек тоже хищник, поскольку питается мясом. А раз так, то он должен убивать этих травоядных, нравится это ему или нет. Мне же тем более не следует распускать нюни, ибо моя работа — убивать зверей. Не можешь убивать — меняй профессию. Сложно? Ну, тогда стисни зубы и выполняй свою работу. Не ты первый, не ты последний. Все равно их будут убивать, ибо у них на роду написано умирать не своей смертью: стареющих и слабеющих животных загрызут волки, росомахи или рыси. Так что не сокрушайся, старик».

Последствия нервного допинга и продолжение мясной эпопеи

Следующие два дня я перетаскивал мясо на другое место, а также домой себе на питание. Капканы, расставленные вокруг туш, оказались ненужными: тайга пустая и некому позариться на отличную приманку.

После двухдневного похода в балаган и обратно я сначала не чувствовал усталости. Поскольку этот поход преследовал скорее престижную цель, желания особого его совершить у меня не было. К тому же я боялся влипнуть в воду или еще чего-нибудь в этом роде. Идти надо было без расслаблений. Да и впечатления от прошлогодних путешествий по этому маршруту остались не вдохновляющими. Поэтому я долго настраивал себя. И этот нервный настрой не мог не отразиться впоследствии. Я не почувствовал той усталости, какой опасался, когда пришел в балаган. Я там не то что не мог прилечь, но сначала и сесть не хотел. Аппетит тоже пропал начисто. Я заставил себя съесть немного пищи, так как знал, что надо снова совершить тот же путь обратно. Заснуть ночью также долго не мог. В конце концов заставил себя расслабиться и забылся чутким сном на четыре часа. Утром я уже не мог лежать спокойно.

Вернувшись из балагана, некоторое время, видимо, еще находился под нервным наркозом, так как снова не чувствовал усталости, несмотря на интенсивную работу на протяжении всего дня. Поэтому и пошел бодрячком на следующий день к убитым оленям.

Но постепенно страсти улеглись, и я наконец почувствовал, насколько переутомился за эти дни. Возвращаясь со шкурами и мясом, я с трудом дополз до дому, хотя прошел всего восемь километров — пустяк. До вечера лежал в изнеможении, постепенно отходя. И в эту ночь впервые забылся мертвецким сном, проспав без сновидений и пробуждений десять часов. Утром вернулся зверский аппетит, который не покидал меня весь день. Я ел много и часто и за один день съел полную двухсуточную норму. Несмотря на это, силы мои не восстановились, и я с усилием заставил себя пойти снова к оленям. Обратно возвращался, еле волоча ноги. Вот что значит нервный настрой и его последствия. Перегрузки бесследно не проходят. Я превысил меру своих возможностей, прибежав к помощи нервного допинга. Он помог, но, когда действие его кончилось, я почувствовал себя совершенно разбитым, не

способным даже на привычные усилия. И только через три дня вошел в норму.

Но на этом мясная моя эпопея еще не кончилась. 23 февраля я направился по одному из своих поперечных путиков, идущему вдоль небольшой речушки Дялингды. Лыжня постепенно взбиралась все выше и выше, оставляя долину речки в глубоком ущелье (путик был проложен по бровке склона ущелья). Шел мелкий снежок, и температура лишь немногим была ниже 10°. Дойдя до последнего капкана, я стал разворачиваться, зовя Мальчика, который умчался дальше.

Вдруг мой взгляд уловил движение на противоположном склоне глубокой долины, почти в самом ее низу. Присмотревшись, увидел продиравшегося сквозь заросли лося. Я подкатил к обрыву, прикидывая на глаз расстояние, и затем, не спеша сняв карабин, установил планку на 400 метров. Лось двигался медленно, по брюхо увязая в снегу. На меня он не обращал внимания, хоть я и кричал на всю тайгу, подзывая Мальчика. Впрочем, в таком снегу вряд ли можно как-то иначе реагировать на посторонние шумы. Первые выстрелы оказались безрезультатными. Лось тем временем продолжал медленно двигаться. Я переставил прицел поближе и снова выстрелил. Лось как-то грузно и медленно повалился на бок.

Теперь предстояло скатиться с 50-60-метрового, почти отвесного обрыва. Я снял лыжи и заскользил на пятой точке. А затем… затем начались полуторачасовые поиски убитого лося. Я исходил весь склон вдоль и поперек, но лось, будто сквозь землю провалился. Пришлось начинать все сначала: взбираться снова на обрыв и с места, откуда стрелял, определять направление. Лось лежал на том же месте, где я его уложил, и в той же позе. Искал же я его совсем не там, а гораздо дальше. Всему виной оптический обман. В туман и мелкий снег расстояния кажутся больше в несколько раз. По прямой до лося оказалось всего метров 120.

Обрабатывать сохатого гораздо сложнее, чем оленей, хотя бы потому, что он в несколько раз тяжелее. Поэтому пришлось делать все одновременно: и шкуру снимать, и потрошить, и разделывать тушу, отрубая куски. В противном случае его просто не сдвинешь с места. В итоге провозился я с ним столько же, сколько с двумя оленями.

Интересная деталь. Когда я шел по путику еще до встречи с лосем, то, увидев следы сохатого на речке, подумал совершенно абстрактно, что бы я сделал, если бы сейчас передо мной оказался лось. Ведь до Вахты далеко, стаскать туда мясо мне не под силу. А на Дялингду самолет не сядет, потому что долина

узкая и глубокая, да еще и меандрирует весьма затейливо. Тут только вертолет сможет сесть. Но госпромхозу нанимать вертолет невыгодно, так как мясо не окупит его. Значит, не стрелять? Так что, обнаружив лося, я совсем не обрадовался. Пока подкатывал к обрыву, пока передергивал затвор и устанавливал прицел, мысль работала лихорадочно. И, прежде чем вскинуть карабин, я успел оценить обстановку. Увидел я лося уже на таком месте, от которого начинается довольно прямолинейный отрезок долины. Так что самолет может сесть на нем, а затем подрулить уже сюда — это совсем рядом. Но сесть в эту глубокую и узкую долину отважится далеко не каждый пилот. Так что все пока впереди. Лось убит и разделан, но его еще надо доставить до потребителя. Лишь тогда я смогу получить за него вознаграждение.

Возвращаясь домой, захватил сердце и кусок печени. Кстати, пуля попала прямо в сердце. Бедняга умер сразу, не мучаясь.

Плохое начало — хороший конец

Наконец-то фортуна улыбнулась мне. Мало того, что мне в короткий срок удалось добыть приличное количество мяса — как с небес свалился и транспорт.

Оказывается, на нашем участке Бахты работает геофизическая партия, занимаясь сейсморазведкой. Через каждые два-три дня вертолет перебрасывает их на новое место. И надо же так получиться, что одна из стоянок пришлась близ моей избушки. Быстро оценив ситуацию, я обратился к вертолетчикам с просьбой помочь. Завязались переговоры.

— Ребята, помогите доставить мясо в деревню.

— Что за мясо?

— Олени и сохатый. Лежат в двух местах, вполне доступных для посадки и как раз по вашему маршруту, так что никаких отклонений от курса делать не придется. Думаю, сочтемся. Могу предложить мясо.

— Мяса не надо. Как идет охота?

— Плохо. Всего четыре соболя. Но если согласны, уступлю одного, больше не могу, надо рассчитываться с промхозом.

— Ладно садись, показывай, где мясо.

Так совершенно случайно я прилетел в Верхнеимбатское. Оленей раздал знакомым, а сохатого сдал на звероферму: там вечно недостает кормов.

В деревне пришлось пожить несколько дней — сначала не было вертолетов, а потом погоды. Вернулся в тайгу уже 4 марта. За оставшуюся неделю предстояло рассторожить все капканы — сезон завершался. Времени было мало. Неделя беготни началась в первый же день прилета, а к 7 марта я уже был готов идти на базу. За эти дни меня поразила необыкновенная собственная выносливость. В прошлом году в марте я еле двигался, страшно уставая. В этом году, наоборот, к концу сезона развил какие обороты, что, обходя в день по два путика, возвращался свежим и неуставшим, будто никуда не ходил. Вот что значит хорошее питание. Определенно свою роль сыграли ягоды, молоко и особенно свежее мясо, которое я ел в неимоверном количестве, ибо других продуктов уже не было. И я чувствовал себя великолепно. Карповские путики, на которые Андрей с Володей затрачивали по пять-шесть часов, приходя совершенно изможденными, я пролетал за три часа, оставаясь бодрым и полным энергии. Да, последние дни были насыщенными. Те два путика, что я восстановил на карповском участке в январе, дали в конце концов по два соболя. Так что труд даром не пропал.

…10 марта прилетал самолет. Как заключительный аккорд, он провалился, наконец, и здесь одной лыжей в воду. Пришлось общими усилиями «важить» его, а затем, сгрудившись внутри его в «куче-мале», создавать нужную центровку, чтоб благополучно оторваться от коварной взлетно-посадочной полосы.

Погода под занавес тоже выдала свой последний фортель. 9 марта с утра свирепствовал мороз −40° при весьма свежем восточном ветре. Изба только трещала. Но самое интересное произошло днем, когда температура неожиданно поднялась до −10°. Каковы выверты?!

…В деревне я долго задерживаться не стал. Сразу подал заявление об уходе из штатных охотников. Причин было много. Я устал, морально устал: от тайги, от зимы, от одиночества, от отсутствия зрелищных впечатлений, от эмоциональной недостаточности, от однообразия. Мне была нужна смена впечатлений, которая вернула бы свежесть восприятия окружающего мира. Короче говоря, мне нужна была другая крайность.

notes

Примечания

1

Тозовка — ТОЗ-8,9,11,12 и др. — малокалиберная винтовка, выпускалась Тульским оружейным заводом с 1932 года. Модели, в основном, однозарядные (*прим. верстальщика*).

2

Ветка — долбленая лодка типа байдарки.

З

Бечевник — берег у уреза воды, по которому идут люди, таща на бечеве лодку.

4

Шивера — это участок реки, на всю ширину русла заваленный камнями, среди которых трудно найти извилистый фарватер. Шивера характеризуется увеличенными уклонами дна и этим напоминает порог (только без четко выраженного уступа).

5

Нодья — долго горящий костер из трех бревен (*прим. верстальщика*).